

Г. ЛИНДЕ
Э. БРЕТШНЕЙДЕР

**до прихода
Белого
человека**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Г. ЛИНДЕ и Э. БРЕТШНЕЙДЕР

ДО ПРИХОДА БЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА

АФРИКА ОТКРЫВАЕТ СВОЕ ПРОШЛОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Главная редакция восточной литературы

Москва 1965

GÜNTER LINDE, EDMUND BRETTSCHEIDER
BEVOR DER WEISSE MANN KAM
AFRIKA ENTDECKT SEINE
VERGANGENHEIT

Сокращенный перевод с немецкого

Н. А. Николаева

Ответственный редактор

А. Б. Макрушин

Индекс $\frac{1-6-3}{1130-65}$

ПРЕДИСЛОВИЕ

Что мы знаем об Африке? Вопрос, казалось бы, праздный. Ведь эпоха открытий в Африке давно позади: весь континент исхожен вдоль и поперек, каждый метр его изучен, известно все, что находится не только на поверхности земли, но и в ее недрах.

И все же в одном — весьма существенном — Африка остается загадкой: мы плохо знаем ее людей, их культуру, их психологию и — что особенно важно — их прошлое. А ведь без прошлого нельзя понять и настоящее.

Еще совсем недавно некоторые буржуазные исследователи утверждали, что у Африки не было своего прошлого. Факты показали, что это неверно. Обнаружены свидетельства событий, уходящих далеко в глубь веков. Из мрака забвения возникли контуры великих африканских государств прошлого — Ганы, Мали и других. Их названия приняли ныне новые государства, желая напомнить о славном наследии предков. Многое из того, что в истории Африки казалось загадочным и непонятным, прояснилось. Получили всеобщее признание культурные достижения африканцев.

Правда, трудностей и неясных вопросов еще много. Как это всегда бывает, решение одних загадок вызвало к жизни десятки новых, подчас еще более трудных. То, что до сих пор выглядело простым и понятным, оказалось крайне запутанным и сложным. Настоящее изучение Африки только начинается.

И все же в этой области уже достигнуты немалые успехи...

Что знает о них широкая публика? Очень мало или почти ничего. Между достижениями науки и их популяризацией обнаружился явный разрыв, который быстро растет. И ощутим он более всего как раз там, где менее всего допустим — в изображении общей картины. Это вполне естественно: фронт наук очень широк, они движутся неравно-

мерно — одни ушли далеко вперед, другие отстают. Нанести на общую карту все это крайне трудно.

Поэтому книга двух немецких авторов, которые, не побоявшись трудностей, решили ознакомить читателей с некоторыми результатами изучения прошлого Африки, представляет собой огромный интерес. В очень живой литературной форме они затрагивают самые различные вопросы: происхождение человека в Африке, смену орудий труда, международные связи, культуру... Африка предстает перед нами во всем своем неповторимом своеобразии. Мы как бы совершаем увлекательное путешествие по континенту во времени и пространстве. В этой широте охвата и заключается главное достоинство книги.

Однако именно это достоинство порождает и ее недостатки. Континент Африки необъятно велик, заселен многочисленными народами, их богатую историю трудно втиснуть в рамки одной книги. Авторы можно во многом упрекнуть. Отбор фактов и эпизодов носит порой случайный характер. В стремлении оживить изложение авторы иногда заставляют говорить и действовать исторических лиц, о которых мы знаем очень мало или ничего не знаем. В отдельных местах художественный вымысел заменяет достоверные исторические факты. Кое-где гипотезы изложены слишком категорически, сомнительное представлено бесспорным. Мучительные раздумья ученых остались за пределами книги.

Специалисты по каждому вопросу, которого касается книга, заметят в ней много недостатков и ошибок, может быть даже грубых. Но поскольку нарисованная картина развития африканских народов в общих чертах верна, вряд ли была необходимость перегружать книгу, рассчитанную на массового читателя, тяжеловесными примечаниями.

Издание книги Г. Линде и Э. Бретшнейдера — дело полезное и нужное. Основная ее идея не вызывает споров: народам Африки принадлежит достойный вклад в историю человечества. Авторы показывают это очень убедительно, на обширном материале. В этом, главным, книга представляет безусловную удачу: не случайно она выдержала несколько изданий — и у себя на родине, в ГДР, и за ее рубежами. На русском языке она издается с некоторыми сокращениями. Если, прочитав ее, читатель захочет ближе познакомиться с Африкой и обратиться к более солидным и серьезным трудам — цель ее будет достигнута.

Н. А. Ерофеев

ОТ АВТОРОВ

Что такое Африка? Это глухие удары тамтама, танцующие ноги идвигающиеся плечи, освещенные почным костром. Это знахари, строгие обычаи и табу. Это голые люди в плену невежества и суеверий. Так говорили раньше, так иногда говорят и теперь.

Такова ли Африка на самом деле? Ведь Африка — это также древние могущественные государства — Гана, Мали и Сонгаи с их своеобразными культурными центрами вроде Томбукту, это Магриб и царство фараонов, это государственные деятели, такие, как аския Мухаммед и Канку Муса, это завоеватели и ученые, это художники, которые создали скульптуры Бенина.

Главная задача молодых африканских народов сейчас — изучение их собственной культуры в прошлом. Будущее прочно опирается на фундамент прошлого. Ныне происходит открытие Африки заново. Архивы становятся достоянием гласности, до сих пор скрываемая правда выходит на свет, и перед нашими глазами из забвения возникает картина континента, о котором никак нельзя сказать, что у него не было собственной культуры и истории.

Дать представление о культуре и истории Африки — задача нашей книги. Она должна побудить читателя задуматься об африканских народах и помочь ему отказаться от ошибочных суждений о них.

Мы идем вперед

Вперед из пропасти невежества,
Сквозь лабиринты лжи,
Через пустыни болезней
Мы идем вперед.
Из тупиков нищеты,
Сквозь джунгли суеверий,
Через баррикады расовой

ненависти

Мы идем вперед
Вместе с народами мира.
Мы идем вперед.

Мельвин Толсон

РЕЮТ НОВЫЕ ФЛАГИ

Это было в сентябре 1960 г. в Нью-Йорке. Многие из тех, кто в это раннее утро шел из Манхэттана в район Ист-Ривер, останавливались возле здания Организации Объединенных Наций, чтобы посмотреть, как перед входом вывешивают яркие флаги государств — членов Организации. Большинство этих флагов давно уже известно, однако среди них были и такие, которых до сих пор не видел еще никто.

В тот день началась памятная сессия Организации Объединенных Наций, на которой было решено принять в число членов четырнадцать африканских государств, только что получивших независимость. Один за другим делегаты этих стран, исполненные достоинства, направлялись на свои места в полном убеждении, что двести сорок миллионов людей, населяющих их континент, имеют право участвовать в решении важных мировых проблем.

Движение за национальное освобождение, которое после победы социалистических идей в России, словно шквал, пронеслось через весь мир, смело колониальную систему в Африке. Возникли новые государства, которые должны были теперь во всемирном парламенте народов получить место и голос.

Вступление в ООН государств Африки, по выражению арабского делегата, «покрытой ранами, залитой кровью и слезами», решительно изменило в ней соотношение сил: колониальным державам становится все труднее добиться выгодных для них результатов голосования. Без согласия африканских народов отныне не может быть принято ни одно важное решение. Еще несколько лет назад колониальные державы считали себя вправе выступать от имени этих народов. Теперь с этим покончено.

Всего четверть века назад карта Африки представляла следующую картину: восточная часть континента от Суэцкого канала до мыса Доброй Надежды была сплошной колониальной зоной Великобритании, северная и западная части от Средиземного моря до экватора находились целиком под французским господством. Бельгия распорядилась в Конго, Италия укрепилась в Ливии, Сомали и Эфиопии, Португалия обладала Анголой и Мозамбиком, а Испания кроме нескольких небольших областей — еще и частью Марокко. Африка вся без остатка была «поделена».

Империалистов влекли в Африку богатые, еще не исчерпанные минеральные ресурсы, плантации высокоценных тропических культур и прежде всего дешевая рабочая сила. Африка означала для них богатство — вот почему они крайне неохотно расстаются с этими владениями.

Двадцать лет назад единственным независимым государством Африки кроме Эфиопии (Южно-Африканскую Республику, конечно, нельзя считать свободным африканским государством, так как ее коренное население, подвергающееся расовой травле, живет в адских условиях) была только маленькая расположенная на западном побережье республика Либерия. В 1956 г. независимость завоевали Марокко, Египет, Тунис, Ливия и Судан. В настоящее время новые флаги реют в двадцати девяти национальных государствах*. Нередко на них изображена черная пятиконечная звезда — символ свободы всей Африки.

Это итог десятилетий тяжелой борьбы. Каждую, даже самую ничтожную уступку приходилось брать с боя. Сколько тяжелой была эта борьба и каких больших жертв она требует от африканских народов — еще и сегодня показывают события в Конго и Анголе.

* К середине 1965 г. их число возросло до тридцати шести. —
Здесь и далее примечания редакции.

СТАРЫЕ И НОВЫЕ РЕЧИ

Борьба между старым и новым в мировой политике находит свое отражение в газетах, журналах и книгах. Еще никогда об Африканском континенте и его проблемах не писали так много, как теперь, еще никогда мнения о нем не были столь противоречивы. Позиция в отношении Африки стала критерием политического мировоззрения людей.

Солидарность с народами, борющимися за свое национальное освобождение, — это одна из заповедей социалистической морали граждан Германской Демократической Республики.

Что касается Западной Германии, то там до сих пор неизменно царит мораль захватчиков. Чтобы убедиться в этом, достаточно раскрыть наугад любую буржуазную газету. В феврале 1961 г. мюнхенская газета «Культура» опубликовала статью известного «специалиста по Африке» В. Бретхольца. «Культурным, экономическим и цивилизаторским учреждениям, — говорилось в статье, — которые созданы колониальными державами в своих колониях, грозит забвение и упадок, если те, кто стоит у власти в новых государствах, не поймут, что они еще на протяжении многих лет, а может быть, даже и десятилетий будут нуждаться в белых людях». Касаясь усилий, которые предпринимают африканцы в области культуры, этот господин замечает: «Различные африканские народы пытаются ныне при помощи неразумных методов заполучить себе историческое, культурное и художественное прошлое, которого у них нет и которое, по их мнению, они должны иметь, чтобы придать смысл своей политической независимости и представить своим народам минимум национальной гордости и национального самосознания».

Недавно скончавшийся известный представитель западногерманской африканистики проф. Дидрих Вестерман в труде «История Африки» повторяет избитый, давно опровергнутый тезис: «Африканец не дал мировой культуре ничего — ни в материальной, ни в духовной сфере, он всегда лишь получал, не давая ничего взамен... Белый человек... пришел не только как завоеватель, но и как благодетель. Он сделал жизнь африканцев богаче и освободил их от тысячелетнего застоя».

Западногерманские реакционеры отнюдь не одиноки в своем расовом высокомерии. Свидетельством этого служат

швейцарская газета «Нейе Цурхер цейтунг», где мы, между прочим, можем прочесть: «Когда сто или пятьдесят лет назад западные миссионеры и колониальные державы явились в Африку и начали свою цивилизаторскую деятельность, население ее находилось на самой примитивной стадии развития. В «Черной Африке» не было своей письменности, не было каменных сооружений, не было улиц и городов, колесного транспорта — ничего, кроме убогих орудий труда и уничтожавшей самое себя племенной системы, находившейся в плену мрачной магии. Белый, желтый, смуглый и красный человек создал высокие культуры. А черный человек пытается, если можно так выразиться, прямо из неандертальской эпохи вступить в двадцатое столетие».

Приведенные высказывания показывают, в каком свете до сих пор преподносят на Западе историю Африки. Если так говорят «специалисты по Африке», нет ничего удивительного в том, что те, кто никогда не ступал на африканскую землю, ничего не знают о чаяниях и проблемах, о трагедии народов этого континента.

Но раздаются и другие голоса, в том числе в Западной Германии. Все больше людей понимают необходимость пересмотреть свои суждения об Африке. Под давлением фактов они вынуждены признать, что их застарелые предубеждения мешают им познать действительность. Речь идет не только о расовых предубеждениях, но и о глубоко укоренившихся ошибочных представлениях, которые возникли во время многовекового господства европейских колониальных держав. Подобные представления имеют ту особенность, что продолжают жить и после того, как действительность полностью преобразилась.

Даже такой западногерманский публицист, как Р. Груббе, усердно пропагандирующий неоколониализм Бонна, вынужден признать: «Существуют англичане, французы, буры, португальцы и немцы. Существуют также народы хауса, масаи, кикую и суданцы, ибо в Африке множество племен и народов, которые отличаются друг от друга, как в Европе отличаются друг от друга шведы, французы и греки. Кроме того, в Африке уже имеется множество государств. Поэтому нелепо упрекать черных в неспособности к самоуправлению только потому, что в Конго царит хаос, или потому, что федерация Мали распалась. С таким же успехом мы могли бы приписать белым людям склонность

Гробница египетского фараона Тутанхамона
(XIV в. до н. э.)

к диктатуре на основании того, что в Испании и Португалии правят диктаторы. В Африке есть различные государства и различные политические деятели. Кваме Нкрума, например, сумел за несколько лет спаять в единую нацию враждебные, не доверяющие друг другу племена... Пора европейцам пересмотреть свои взгляды на Африку».

ЧТО ГОВОРЯТ САМИ АФРИКАНЦЫ

«Историческая наука всегда была Африке мачехой, — пишет Луи Жоос в книге „Через Сахару в Конго“. — Если бы Раббах, Хадж Омар или Самори* жили в Европе, на их долю выпала бы слава Наполеона, но, поскольку они были африканцами, про них забыли. Я знаю, их упрекают в том, что они грабили завоеванные земли. Но разве поведение ваших генералов в период Тридцатилетней войны и в последнюю мировую войну дает вам право смотреть свысока на Раббаха?»

Предоставим слово по этому вопросу одному из виднейших государственных деятелей современной Африки, президенту Гвинейской Республики Секу Туре. В недавно опубликованной статье он пишет: «Ибн Баттута (арабский географ, который в 1352 г. посетил государство Мали) описывает богатую и счастливую страну, которой правил любимый и уважаемый король. Об этом факте наши учебники до сих пор не упоминали по соображениям колониальной политики: Европе надо было оправдать свои завоевания во всех концах света, чтобы успокоить свою христианскую совесть. Иначе что можно сказать о цивилизованном государстве, которое берет за оружие, чтобы подчинить себе другое государство, имеющее собственную культуру и прочный государственный строй? И вот нашим школьникам их предков изображают в виде кровожадных дикарей, а маленьких европейцев с самого детства потчуют рассказами о том, как страшные негры варят в котле под пальмой белого путешественника и весело вокруг него танцуют. Точно так же об Азии дети знают только, что обигатели ее, принадлежащие к желтой расе, склонны к коварству и воровству.

* Вожди национально-освободительной борьбы народов Западного и Центрального Судана против французских колонизаторов в XIX в.

Так у африканцев, подпавших под колониальное иго, создавалось чувство неполноценности, а у европейцев — чувство высокомерия. Европейец не мог не проникнуться ненавистью или презрением к народам, которых, по-видимому, его предки спасли от варварства. Поэтому всякая претензия этих народов на минимум человеческого достоинства расценивалась как проявление черной неблагодарности. Мы упоминаем эти общеизвестные факты потому, что незнание их мешает понять истинный характер колониальных проблем, которые могут разрешаться только в соответствии с неумолимыми историческими законами.

Нам без конца твердят, что в истории одно звено влечет за собой другое, что колонизация позволила нам достичь нынешнего уровня развития, что без Рима и Галлии не было бы Франции. Однако, поскольку эти тенденциозные утверждения не соответствуют действительности, их обычно избегают обосновывать... Если культурное влияние Рима ускорило развитие Галлии, это вовсе не означает, что без Рима Галлия не имела бы своей культуры. Правда, эта культура не была бы романской; она, вероятно, обладала бы своей спецификой, но, может быть, ни в чем не уступала бы нынешней французской культуре.

В применении к Африке это означает, что мы не можем признать благодеяния европейской колонизации... Из «Географии Испании и Африки» арабского писателя Аль-Бекри, находящейся в Парижской национальной библиотеке, известно, что в Судане в XI в. существовала развитая цивилизация. Известно, что счастливая империя Гана жила в мире под властью мудрого и очень богатого монарха, который поощрял литературу и раздавал беднякам ежедневно две тысячи обедов.

В те времена Францией правили Капетинги. Утомленные феодальными усобицами, они увлекались алхимией и в лабораториях, уставленных наивными приборами для магии, варили различные снадобья. В XIV в. император Мали Канку Муса направил своих дипломатических представителей в важнейшие арабские страны, в частности в Северную Африку и Египет... Канку Муса щедрыми дарами поддерживал литературу и изящные искусства. О могуществе его хорошо обученной армии ходили легенды.

С XIV по XVI в. особенно блистала империя Сонгаи с центром в городе Гао. Аския Мухаммед, который ввел городское управление, держал на реке Нигер настоящий

военный флот. Университет в Томбукту привлекал к себе ученых арабского мира. Махмуд Кати, автор книги «Тарих-аль-Фетташ», сообщает, что преподававший в этом университете Ахмед Баба высказал перед смертью сожаление, что расстанется с жизнью раньше, чем успел создать такую же библиотеку, как и его друзья. А библиотека Ахмеда Бабы уже насчитывала тысячу двести книг. Примечательно, что примерно в это же время один из королей Франции, приговоренный к смерти, гадал по отрубленной голове новорожденного младенца. Совершенно очевидно, что к определенному периоду значительная часть «Черной Африки» достигла уровня общего развития и культуры, по меньшей мере не уступавшего тогдашней Европе. Колониальный режим хитростью и силой был навязан народам, которые обладали собственной культурой и не нуждались во вмешательстве извне...

Колонизаторы прибегли к содействию специалистов по части фальсификации и циничного обмана для того, чтобы в розовых тонах изобразить деяния колониальных авантюристов; эти деяния преподносятся нам как проявление человеколюбия, как бескорыстные подвиги, имевшие своей целью мир и цивилизацию. Подобным утверждениям дает ответ Эме Сезэр * в своей знаменитой речи о колониализме. «Что означает по существу колонизация? — спрашивает он. — Колонизация — отнюдь не альтруистическое предприятие для распространения евангелия; она вовсе не служит вытеснению невежества, болезней и тирании и не равнозначна расширению границ царства божьего и справедливости... Если мы углубимся в историю, то обнаружим, что лицемерие в этом вопросе появилось сравнительно недавно. Ни Кортес, ни Писарро, ни Марко Поло еще не считали себя провозвестниками нового, высшего порядка. Они просто убивали и грабили, сколько их душе было угодно. Болтуны вышли на сцену позднее. Главная вина здесь падает на христианских авторов, которые выдвинули ложное тождество: христианство равнозначно цивилизации, язычество равнозначно варварству. Из этого тождества были сделаны страшные выводы в интересах колониализма и расовой политики... Если это ясно, я охотно признаю, что общение между различными культурами полезно, что культурный обмен необходим, что любая культура, даже самая

* Современный поэт о. Мартиника (Вест-Индия).

высокоразвитая, обособляясь от других культур, гибнет, что общение между культурами действует, как кислород, и что Европе повезло именно в том, что она оказалась на скрещении культур... Но разве колонизация установила связь между культурами? Конечно, нет. Все колониальные экспедиции и все колониальные статуты, вместе взятые, не дали ничего, что имело бы ценность для человечества...

Ныне колонизаторам необходимо облегчить свою совесть. Но к чему нам их отговорки? Мы знаем, что Васко да Гама во имя христианства отрезал пленному негру уши и пришил на их место собачьи. Из подсчетов Дюкасса мы знаем, что в результате гнусной работорговли «Черная Африка» потеряла население, которое в конечном счете оценивается в сто пятьдесят миллионов человек. Мы знаем также, что строительство железной дороги из Конго к побережью океана протяжением 140 километров стоило жизни семнадцати тысячам человек.

Африканцы хотят осознать свою силу и исторический смысл развития народов...»

КУЛЬТУРНЫЙ ВАКУУМ?

Представление об Африке как о континенте, не имеющем истории и культуры, лишенном прошлого, которое заслуживало бы научного исследования, широко распространилось, в частности, благодаря английскому историку Арнольду Тойнби. Правда, под давлением новых данных Тойнби позднее внес поправки в свою концепцию: историю Африки, заявил он, можно написать, но, к сожалению, она будет страдать пробелами из-за отсутствия письменных свидетельств. Тут он уже чуть ближе к истине.

Древний Египет с его пирамидами, смотрящими с высоты тысячелетий, всегда был частью Африканского континента. А древние египтяне, о которых Геродот писал, что у них кожа темного цвета и вьющиеся волосы, во всех отношениях стояли ближе к обитателям суданских степей и эфиопских гор, чем к европейцам, хотя последние ошибочно считают египтян своими предками. Запад выдает культурные достижения Востока — во всяком случае доисламской эпохи — за свои. Но по какому, собственно, праву?

Недавно западные корреспонденты с возмущением сообщили об изданных в Гане картах, из которых явствует,

что Африка дала Греции медицину, математику и другие науки и что мир обязан Африке письменностью. Журналисты забыли, что в Аккре ныне считают эту часть света не только географическим, но и историческим целым. А ведь фараоны были африканцами... Во всех странах Африки хорошо осведомлены о новых данных, полученных археологами в Сахаре. Эти данные позволяют предполагать, что колыбель великой культуры долины Нила находилась в Сахаре, которая была отнюдь не столь негостеприимной, как теперь. Но это мнение противоречит общепринятым теориям.

Все, что до сих пор известно науке, опровергает вымыслы о так называемой «культурной неспособности» африканцев и показывает, что народы «черного материка» создали самостоятельно большие культурные ценности.

Если мы еще мало знаем о них, то виноваты в этом лишь колониальные державы, которые, стремясь утаить от африканцев их прошлое, не останавливались даже перед тем, чтобы стирать его следы. Известны случаи уничтожения древних рукописей; когда были сожжены дворцы в Бенине, в огне погибли и многие неповторимые творения искусства.

Народы Африки развивались так же, как и народы других материков. Они знали рабовладельческий строй и феодализм. Но затем европейская работорговля ввергла Африку в чудовищную катастрофу. В то время как Европа завоевывала мировое господство и становилась тем, чем она является сейчас, Африку она отбросила назад. «Не будь работорговли, Африка принесла бы сочные плоды, — пишег один из ведущих африканских политических деятелей. — Согласиться с тем, что Европа выполняла цивилизаторскую миссию, — значит смириться с расизмом и фашизмом...»

БЫЛ ЛИ АДАМ АФРИКАНЦЕМ?

Пока петух не вылупится из яйца, никто не может предсказать, как он будет кричать.

Поговорка народа басуто

Безумство может проявляться в сорока видах, здоровый смысл — только в одном.

Поговорка банту

ДАЖЕ ГУМБОЛЬДТ * НЕ ВЕРИЛ...

Родину первого человека до сих пор искали в разных частях света, прежде всего в Азии. Одни ученые утверждали, что она находится в горных областях Центральной и Передней Азии или в Закавказье, другие — что в Южной Азии и в Южной Европе. Называли Австралию, Южную Америку и даже Арктику, предполагая, что некогда в районе Северного полюса был иной климат — более теплый и приветливый. После первой мировой войны некий Франц фон Вендрин объявил прародиной человека Мекленбург и даже точно назвал место его происхождения — город Деммин. Подобные утверждения не имеют ничего общего с наукой.

Один огромный континент оказался обойденным — Африка. Может быть, эта часть земного шара лежала за пределами кругозора ученых? Нет, этого сказать нельзя. Уже великий английский натуралист Дарвин высказался за Африку. «Скорее всего, — писал он, — в Африке когда-то обитали ныне вымершие обезьяны, близкие гориллам и шимпанзе. Поскольку оба эти вида являются ближайшими родственниками человека, то вполне вероятно, что наши самые древние предки жили в Африке».

Эти слова были произнесены в прошлом веке, в период, когда географы, в том числе и Александр Гумбольдт, не

* Выдающийся немецкий естествоиспытатель и географ конца XVIII — середины XIX в.

допускали мысли, что в Африке, поблизости от экватора, находится гора, на вершине которой лежит вечный снег. Известие об этом привез в Европу в 1848 г. немецкий исследователь Рабман: он первым из европейцев во время путешествия по Африке увидел вдали сверкающую белую вершину самой большой возвышенности континента — Килиманджаро. Сейчас в Африке и в других областях сделаны такие открытия, которые повергают в недоумение ученых всего мира.

Центральная Африка давно заслужила у зоологов название «музея редкостей» — там, например, найдены такие животные, как окапи*, которые принадлежат, собственно говоря, к другой геологической эпохе и считались вымершими. Теперь весь континент стал своеобразной «камерой неожиданностей».

Одно за другим в последние десятилетия следуют открытия антропологические. Первое из них относится к середине двадцатых годов нашего века, когда близ южноафриканского селения Таунгс был обнаружен в камне череп ребенка приблизительно шести лет. Находка в Таунгсе явилась лишь первым звеном в цепи, до настоящего времени еще не замкнутой.

ОКАМЕНЕВШИЙ МОЗГ

В тридцатых годах Барлоу, владелец каменоломни в Трансваале, вел бойкую торговлю различными окаменелостями. Сама идея — продавать туристам в качестве сувениров древние кости — была оригинальной.

Барлоу знал своих клиентов. Однажды он предложил ученому Бруму окаменевший мозг, найденный в слое известняка.

— Не это ли вы ищете?

— Именно это, — ответил Брум.

Вне себя от радости ученый сам отправился на каменоломню и — какая удача! — отыскал окаменевший отпечаток того самого черепа, к которому относился найденный мозг.

* Парнокопытное млекопитающее семейства жираф, водится только в Африке, в тропических лесах реки Конго. Открыто в начале XX в.

Несколько лет спустя Барлоу передал Бруму верхнюю челюсть и даже с сохранившимся зубом. Эту челюсть нашел школьник Герт Тербланш из селения Комдраай, расположенного в двух километрах от Стеркфонтейна, где в свое время был найден окаменевший мозг.

Брум не стал мешкать. В один прекрасный день всемирно-известный ученый явился в школу Комдраай и попросил позвать мальчика.

— Что, какая-нибудь шалость? — обеспокоился учитель.

— Шалость, которая, возможно, сделает мальчика знаменитым, — с улыбкой ответил Брум. — Во всяком случае я на это надеюсь, ибо он, кажется, обнаружил следы древнейшего предка человека.

Мальчик вытащил из кармана еще четыре зуба.

— Самые ценные на свете зубы в кармане школьника, — удивленно заметил ученый.

Находки в каменоломнях Трансвааля привлекли внимание ученых и до сего дня не утратили интереса для антропологов. Было найдено небывалое количество остатков скелетов существ вымершего вида. Может быть, эти костные остатки принадлежат человекоподобной обезьяне? Но в таком случае где свойственные ей сильные клыки? Да и глазные утолщения выражены у обезьяны гораздо отчетливее. Поразительно, что эти существа передвигались в вертикальном положении.

А может, это были «южные обезьяны» — австралопитеки*? Обезьяны, в том числе и человекоподобные, — жители леса, австралопитеки же обитали в скалистых безлесных степях, которые преобладали тогда в Южной Африке, находя себе пристанище под утесами или в пещерах. Когда им не хватало растительной пищи, они охотились на зверей.

Как же происходила такая охота?

Даже современному человеку не совладать с павианом без помощи оружия. И, однако, австралопитеки, чей рост не превышал 1,2 метра (следовательно, они были ниже, чем пигмеи**), справлялись с этим животным: они охотились стадами.

Об охоте в степи рассказывают южноафриканские известковые пещеры, в которых найдены остатки скелетов

* От лат. *australis* — «южный» и греч. *pithēkos* — «обезьяна».

** Средний рост мужчин, принадлежащих к племенам пигмеев, не превышает 150 сантиметров.

австралопитеков. Рядом с ними обнаружены целые склады костей животных. По поводу этих удивительных нагромождений шло много споров: одни предполагали, что они возникли в результате стихийных катастроф, другие считали, что кости — оскатки трапез диких зверей.

Но откуда в таком случае появились расколотые черепа павианов? Исследователи (например, доктор Дарт) утверждают, что животное не может разможить череп так, чтобы он раскололся, словно кокосовый орех от удара дубиной. Любопытно, что среди многочисленных остатков антилоп были найдены кости конечностей, головки которых точно соответствовали следам от ударов на черепах павианов. По-видимому, австралопитеки пользовались костями как оружием.

Более того, было установлено, что различные виды костей применялись для разных целей. Например, бедренные и плечевые кости употреблялись в качестве дубинки, продолговатые кости с острыми концами и рога — как кинжал, сверло и долото.

На основании этих фактов доктор Дарт высказал мысль, что в эпоху первобытных культур обработка кости предшествовала камню. Почему, спрашивает он, австралопитеки не могли обрабатывать кость? И пытается сделать вывод не только о случайном использовании костей, но и о сознательном изготовлении из них орудий. Таким образом, он приписывает австралопитекам культуру и вполне человеческое поведение.

НАХОДКА В УЩЕЛЬЕ ОЛДОВАЙ

Здесь возникла новая загадка. Как объяснить то обстоятельство, что в пещерах и каменных гротах поблизости от находок костей австралопитеков повсеместно обнаружены кучи кремня, отчасти грубо оббитого? Сначала исследователи не обращали на них внимания, но впоследствии они стали привлекать все больший интерес. Появились ли они в результате чистой случайности или представляют собой продукт человеческой деятельности? Исчерпывающего ответа не было до тех пор, пока на сцену не выступил доктор Лики.

Английский антрополог, родившийся в Африке, начал раскопки в ущелье Олдовай. Каким богатым источником находок оказалось это ущелье в Танганьике, на месте ко-

Рельефные рисунки на известковых скалах Египта
часто изображают негров

торого в древности, вероятно, находилось большое мелкое озеро!

После того как в одной пещере были найдены кости, почерневшие от огня, некоторые исследователи одно время даже считали, что «южные обезьяны» уже умели пользоваться огнем, а это бесспорный признак подлинно человеческого поведения. Однако предположение не оправдалось. Возобладала точка зрения, что австралопитеки не были ни обезьянами в собственном смысле слова, ни людьми или прямыми предками людей. По-видимому, эти существа находились на «предчеловеческой» стадии развития.

Однако среди ученых не было единогласия в этом вопросе. И вот в 1961 г. Лики поразил антропологов удивительным сообщением: он обнаружил в ущелье Олдовой останки двух людей — одиннадцатилетнего ребенка и взрослого человека, а возле них — что очень важно — грубые орудия. Ученый заявил, что открыл самого древнего человека, жившего более шестисот тысяч лет назад: до раскопок Лики древнейшей находкой считался так называемый пекинский человек, пролежавший в земле пятьсот тысяч лет. Можно ли утверждать, что тем самым Лики наконец доказал, что Африка была прародиной человека?

Некоторые ученые, например французский антрополог Аранбур, высказывают мнение, что в начале миоцена, то есть приблизительно двадцать миллионов лет назад, в Африке существовал целый ряд первобытных человекообразных существ, от которых уже ответвилась линия гоминидов*. Р. Грамани предполагает, что они обитали в саванне к северу, востоку или к югу от тропических девственных лесов бассейна Конго.

Советский исследователь Г. Ф. Дебец отклоняет африканскую теорию: по его мнению, сходство человека с африканской человекообезьяной не дает права делать вывод, что прародиной человека обязательно должна быть Африка. Он высказывается за более широкую географическую зону, охватывающую Азию, Африку и Южную Европу. Этот взгляд разделяет большинство советских ученых.

Разумеется, последнее слово еще не сказано. Однако твердо установлено, что уже много тысячелетий назад Африку населяли люди.

* Семейство гоминидов (от лат. *homo* — человек) включает всех представителей человечества с эпохи его возникновения.

Придет день — и история вынесет свой приговор. Но это будет не та история, которую изучают в Брюсселе, Париже или Вашингтоне... Африка напишет свою историю, причем история и Севера и Юга Африки будет исполнена славы и достоинства.

*Из последнего письма
Патриса Лумумбы к жене*

ДРЕВНЕЕ САХАРЫ

В Африке мы можем в настоящее время проследить жизнь и деятельность человека с древнейших времен. Многочисленные находки дают возможность восстановить в общих чертах весь его путь, ибо на этом континенте были пройдены все ступени развития от каменного века до железного.

Как и везде, это был длинный путь. Его начало африканцы, подобно всем народам, выложили камнем. На это потребовалось пятьсот, а может быть даже шестьсот тысячелетий.

Самые древние следы — обитые камни с острыми краями обнаружены на северо-западе Уганды. В Родезии и Южной Африке найдены орудия труда следующей ступени: скребки, рубила и ручные топоры. Аналогичные орудия удалось отыскать также в Северной Африке, где были раскопаны древние зольники.

Любопытно, что эти находки часто были скрыты под песками Сахары, под толстыми пластами лавы или вулканического пепла. Следовательно, люди в Африке жили еще задолго до возникновения пустыни. Известно, что колебания климата, которые геологи, говоря о Европе, называют ледниковыми и межледниковыми периодами, затронули весь мир. Африка также испытала резкие климатические и географические изменения. Сахара, представлявшая собой плодородную степь с реками, озерами и богатой фауной, высохла и превратилась в пустыню. В Восточной

Африке произошли мощные вулканические извержения, приведшие к возникновению восточноафриканской впадины. Когда происходили все эти изменения, в Африке уже жили люди.

ОДИНАКОВЫЕ КАМЕННЫЕ РУБИЛА

Несмотря на то что музеи ломаются от археологических находок, изучение древности находится еще в самой начальной стадии. До какой степени наши суждения складываются под воздействием устоявшихся представлений, становится очевидным всякий раз, когда новые археологические находки выявляют до сих пор неизвестные исторические факты.

В древности Африка вовсе не была отрезана от остального мира, как это очень долго предполагали. Она не была изолирована от воздействия других культур и принимала участие в общем культурном обмене. Сейчас накапливаются данные, свидетельствующие о том, что она не только многое получила от других частей света, но в свою очередь дала человечеству орудия труда, растения, домашних животных, производственные навыки...

Лики нашел в Конго и в Северной Африке каменные наконечники стрел одного и того же типа и обнаружил сходство между каменными орудиями Северной Африки, Европы и Передней Азии. Сенсацию произвело открытие археологов, что люди каменного века в Англии и Франции пользовались такими же ручными рубилами, как и их современники в Южной Африке. Размеры, форма и толщина рубил — все совпадало.

Это порождает вопросы, на которые пока еще нельзя ответить. Неужели за тысячи лет до нас между людьми, разделенными такими огромными расстояниями, уже существовали какие-то связи? Неужели на протяжении длительного времени орудия труда переходили из рук в руки, вызывая стремление имитировать их? Или в ледниковый период и после него происходили миграции народов? Так или иначе, точно установлено, что культуры каменного века в Африке и Европе обладают поразительным сходством.

ПЕРЕШЕЙКИ МЕЖДУ АФРИКОЙ И ЕВРОПОЙ?

Африка тогда ни в чем не отставала от других материков. Некоторые ученые утверждают, что к концу верхнего палеолита «Черный континент» даже опередил другие в искусстве шлифования камня. Шлифование, представлявшее огромный скачок в развитии техники, пришло из Африки.

Какого уровня развития должна была достичь на Севере Африки культура неолита, если в то время в долине Нила возникло Древнее царство, которое на протяжении многих веков являлось носителем прогресса в истории человечества! Какую славную страницу в историю не только материальной культуры, но и искусства вписали люди каменного века, создавшие выразительные наскальные рисунки в Сахаре!

Вероятно, в ту пору между Европой и Африкой существовали перешейки. Можно предположить, что подобными перешейками Африка соединялась и с Азией, так как в начале каменного века Красного моря в его нынешнем виде еще не было. Перешейки между континентами могли исчезнуть в результате вулканических явлений в Восточной Африке.

В настоящее время археологи с особым вниманием изучают находки в Эфиопии и Сомали, относящиеся к палеолиту, надеясь здесь отыскать данные о связях между Азией и Африкой в этот период. Археология только в самые последние десятилетия открыла Африку. В ее недрах скрыты еще несметные сокровища древнейших эпох.

МЕТАЛЛУРГИ В ЛЕСНОЙ ЧАЩЕ

Несколько лет назад швейцарец Рене Гарди встретил в Северном Камеруне небольшое племя, которое лет двести назад, спасаясь от работорговцев, удалилось в неприступные горные области и сохранило там свою древнюю культуру. Речь идет о племени матакам.

«Они живут, — сообщил швейцарец по возвращении, — отдельными дворами, которые похожи на маленькие деревни, так как каждый двор состоит из множества круглых глиняных хижин. При ближайшем рассмотрении можно заметить, что эти хижины связаны между собой перехо-

дами и расположены так, что ни женщины, ни дети не могут войти или выйти иначе, как через хижину главы дома. Господствующее положение в семье занимает мужчина, а в племени — кузнец. Кузнецы образуют особую касту и стоят выше остальных соплеменников. Они не только кузнецы, но и врачеватели, заклинатели дождя, а при совершении похоронных обрядов играют роль распорядителей танцев. Но их главная задача — сохранение тайны изготовления железа. Это тщательно оберегаемый секрет, недоступный для непосвященного».

Швейцарец, в виде исключения получивший у матакам позволение взглянуть на процесс производства железа, рисует тяжелый труд ремесленников. Целые дни приходится им тратить на промывку руды из песка, пока ее не набирается достаточно, чтобы загрузить плавильную печь высотой в три метра. Для каждой плавки матакам изготавливают заново глиняные трубы высотой более чем в человеческий рост для предварительного подогрева воздуха. Затем они к руде добавляют древесный уголь, при помощи мехов раздувают и поддерживают огонь и отделяют шлаки.

Эти простые африканские кузнецы умеют также изменять содержание углерода в железе.

Современным металлургам покажется невероятным, что «первобытное» племя матакам применяет метод производства железа, который лишь в XIX в. стал известен в европейской металлургии. Речь идет о подогреве воздуха, поступающего в печь: известно, что благодаря этому достигается большое ускорение плавки. Кроме того, кузнецы матакам знают даже так называемую порошковую металлургию, которая в наше время считается последним словом техники.

Можно предположить, что искусство изготовления железа, которое кажется столь современным, опирается у африканцев на длительный опыт и традиции. А ведь племя матакам в этом отношении отнюдь не одиноко: мастерством металлургии в большей или меньшей степени владеют все африканские народы.

Важнейшей частью оборудования для выплавки железа являются в Африке полые сосуды, которые позволяют создать постоянный поток воздуха. Приспособления эти распространены в Африке повсюду, где только производится железо: в странах, лежащих в верховьях Нила и на берегах Замбези, в центре Африки и на западном ее побе-

режье — вплоть до Гвинеи и Западного Судана. Применялись они и в Древнем Египте: на стенах захоронений мы неоднократно встречаем их изображения.

Еще в XII в., то есть задолго до того как европейцы ступили на африканскую землю, из Африки вывозили железо в Индию и Индонезию.

Наука пока не вышла из сферы гипотез, ей еще не хватает последних, исчерпывающих доказательств. Завтрашний день, несомненно, принесет их, и тогда уверенностью станет предположение, что именно Африка подарила миру искусство, имеющее огромное значение для истории цивилизации, — умение добывать и обрабатывать железо. Придя из Внутренней Африки, оно с течением времени, вероятно, распространилось в Египте и Передней Азии, а затем через страны Средиземного моря достигло Европы.

ГЛИНЯНЫЕ СОСУДЫ ПЛЕМЕНИ УКАМБА

Профессор Мистлих, много лет живший в Того, познакомился там с модельщиком Али Амоникойи. Это был очень разносторонний мастер: он формовал, а затем отливал скипетры, маски, блюда, фигуры различных животных, могильные памятники... Несмотря на все усилия, ученому не удалось убедить мастера посвятить его в искусство формовки.

Многочисленные предания и сказки указывают на очень древнее происхождение этого ремесла. Мифы всех африканских народов рассказывают о том, как человек был вылеплен из легко формуемой глины. Боги творят людей из глины, земли или мягкого речного ила... Подобные легенды могли возникнуть только в обществе, давно знакомом с гончарным делом.

Юлиус Липс в книге «О происхождении вещей» передает старинную легенду восточноафриканского племени укамба, которая позволяет составить представление о древнем происхождении гончарного дела и его роли у африканских народов.

«Древнейшие люди, — гласит эта легенда, — появившиеся в свое время из муравейника, имели много разной пищи, но вынуждены были есть ее в сыром виде.

Как-то раз одна женщина вышла из селения и отправилась к реке за водой, которую обычно набирала в сложенные особым образом листья деревьев. На берегу реки ей

попался камень своеобразной формы, имевший в центре углубление. Женщина наполнила его водой и отнесла домой к своему очагу. Когда она стала готовить ужин, она положила маис и бобовую муку в углубление в камне и сварила; семья ее нашла, что блюдо получилось отличное и что вареная еда гораздо вкуснее сырой.

На следующее утро к ним зашла соседка. Камень вызвал у нее восхищение, и она спросила хозяйку, нет ли еще такого же для нее.

— Нет, — ответила хозяйка, — я нашла его у реки, он там был один.

— Пойдем, — сказала соседка, — туда вместе и посмотрим, не найдем ли еще.

Они отправились к реке и стали искать похожие камни, но не нашли. Зато они нашли жирную мягкую глину, принесли кусок ее домой, смешали с водой и попытались вылепить сосуд в форме камня с углублением посередине. Пять дней они трудились и сделали много маленьких сосудов, которые называли горшками. Чтобы придать им твердость камня, они обожгли их на огне. Затем поставили горшки у очага и пригласили соседок.

— Идите сюда и смотрите! Мы сделали из земли сосуды и можем в них на очаге кипятить воду, и она при этом не вытекает.

В новых горшках они сварили также повидло, оно получилось очень аппетитным. Соседки пытались по их примеру сделать горшки, но у них ничего не вышло, поэтому все, кто хотел приобрести горшки, были вынуждены покупать их у обеих женщин в обмен на великолепный синий жемчуг.

Затем они позвали своих мужей и по поводу изобретения горшков был устроен большой пир. Мужья обеих женщин пригласили мудрых стариков, и те в знак своего благословения плюнули в руки женщинам, делавшим горшки.

— Пт, пт, пт, — произнесли старики. — Вы очень сообразительны. Вы сделали глиняные горшки.

После этого они посоветовали женщинам, чтобы не утратить сноровки, не показывать никогда мужчинам, как они делают горшки. Женщины строго следовали этому совету.

Так люди научились делать горшки, и с тех пор наш народ владеет этим благословенным искусством».

ОВЦЫ И МОНАХИ

В одной эфиопской легенде рассказывается, что однажды — это было в 1440 г. — один галлаский пастух с удивлением сообщил монахам из ближайшего монастыря, что его стадо бегало и прыгало всю ночь напролет. Монахи вскоре выяснили, в чем дело. Оказалось, овцы наелись плодов растения, имеющих сильно возбуждающие свойства. Монахи собрали плоды и... открыли бобы кофе.

Родиной кофейного куста является плодородная горная область Каффа в Южной Эфиопии, именем которой он назван. Отсюда «чудесные бобы» начали свое победное шествие по миру. В наше время во многих странах кофе стал неотъемлемой принадлежностью утреннего завтрака. Этим ароматным напитком, без которого многие люди не могут обходиться, мы также обязаны Африке.

Она же дала миру и другие культурные растения. Правда, некоторые буржуазные ученые этого не признают и ищут их родину в других частях света, прежде всего в Азии, стремясь таким образом доказать, что народы Африки неспособны что-либо создать. Между тем такие злаки, как сорго и просо, клубневые растения, вроде различных видов ямса, и масличные культуры, например масличная пальма и сезам, культивировались сначала в Африке, а отсюда распространились по всему свету.

Когда мы говорим о рисе, то обычно имеем в виду районы, где он получил наибольшее распространение и стал главным продуктом питания, а именно Китай, Индию и Японию. Но рис возделывается не только в тропических областях Азии, а также и в Африке. Еще в I в., т. е. за шесть веков до того, как арабы ввезли в Африку рис из Индии, африканцы, по свидетельству источников, возделывали местные сорта риса.

Пшеница и ячмень также известны в Северной Африке с древнейших времен. Хотя о происхождении пшеницы идут еще споры, однако установлено, что твердая пшеница была распространена в Эфиопии. В древнем Египте пшеницу сеяли в таком количестве, что писатели того времени всю равнину в дельте Нила называли большим пшеничным полем. Древние египтяне знали ячмень двух видов, пшеницу остистую и безостую. В изображениях на гробницах воспроизведены все стадии сельскохозяйственных работ — пахота, сев, жатва, молотьба. Часть урожая на

случай бедствия хранилась на государственных складах. В римскую эпоху в Египте собирали так много пшеницы, что только за время правления императора Августа из Александрии в Рим было вывезено 175 миллионов литров зерна. В Ветхом Завете говорится, что, когда Моисей вел евреев через безводную пустыню Синайского полуострова, они, страдая от голода и жажды, с тоской вспоминали об изобилии еды в Египте. «Мы помним рыбу, которую в Египте мы ели даром, огурцы, и дыни, и лук, и репчатый лук, и чеснок» (IV кн. Моисея, 11, 5).

Дыня и другие растения из семейства тыквенных, в том числе арбуз, известны во многих странах, но родина этих сочных плодов — африканский континент.

Другим древнейшим культурным растением является батат, или сладкий картофель, — очень ценный продукт питания в тропических странах. До сих пор родиной батата считалась Америка, однако в настоящее время ботаники придерживаются того мнения, что он происходит от африканских растений и культивировался в Африке, а отсюда начал свое кругосветное путешествие. Еще до Колумба он переселился на запад, в Америку, а через Мадагаскар — на восток, в страны Малайского архипелага.

В XIII в. первые португальские путешественники описали «орехи кола» — плоды орехового дерева кола, которое широко распространено в Западной Африке и во многих местах растет в диком виде. Дерево кола безусловно родилось на африканской земле, об этом свидетельствует и его название. Плоды дерева, употребляемые как возбуждающее средство, давно служат мерилom ценности во всей Центральной и Северной Африке, где пользуются большим спросом. В начале прошлого столетия рабы завезли дерево кола в Америку.

Из Африки пришло и тамариндовое дерево, стручья которого содержат мякоть, имеющую освежающий вкус и легко усваиваемую организмом. Древние египтяне разводили это дерево — они называли его *нутем*, что означает «стручковое дерево», — и употребляли отвар из его цветов как слабительное. Ныне тамариндовое дерево культивируется во всех тропических странах.

Бесспорно, важнейшие культурные растения разводятся в Африке с древних времен. Так, например, здесь давно освоены кусты хлопчатника: страны Западного Судана уже много веков славятся своими тканями из хлопка.

В Судане также очень давно употребляют хну в качестве красящего вещества.

Из Африки происходит гвинейский перец, известный еще под названием «перца ашанти». Его выращивали жители Бенина и Анголы, и этот вид перца пользовался такой славой, что в XVI в. его через Сахару вывозили из Гвинеи в Марокко.

Немногие знают, что за одно из наших самых любимых домашних животных — кошку — нам следует благодарить африканцев. Когда кошки уже жили при храмах фараонов, наши европейские предки еще были вынуждены сами ловить мышей. Африканцы приручили и осла — это неутомимое вьючное животное. Историки культуры считают Африку также родиной некоторых пород свиней и собак.

Кое-что Африка заимствовала у других частей света, а кое-что они заимствовали у нее. Трудно отделить одно от другого. Бесспорно лишь, что народы Африки внесли свою лепту в общемировую культуру.

КОНТИНЕНТ КОНТРАСТОВ

Общность африканцев — это вовсе не абстрактная идея. Она коренится в сходстве обстановки, в совпадении интересов и в общих законах развития современного мира. Только единство ее населения даст Африке возможность обеспечить свою судьбу и средства для быстрого прогресса в условиях полной независимости.

Секу Туре

ДРЕВНИЕ РАСОВЫЕ МИФЫ

В представлении многих людей существовала и продолжает существовать одна-единственная Африка — «Черный материк». Кое-кто, может быть, еще видит разницу между арабскими странами Севера и «Черной Африкой» к югу от Сахары. Остальные же различия между отдельными странами и народами этого гигантского континента в течение долгого времени игнорировались. Да и кого они могли интересовать, если африканская политика делалась в столицах европейских держав!

Еще и теперь слишком часто говорят о «черных», или «неграх». В устах американцев и англичан слово «негр» звучит презрительно, а иногда даже заменяет ругательство. Между тем никому не приходит в голову классифицировать население других частей света по цвету кожи. Жителей Азии не называют желтыми, смуглыми, красными или белыми. Жители Африки хотят, чтобы их называли по названию их континента или государства, подобно тому как принято говорить об американцах, или европейцах, или — более конкретно — о кубинцах, канадцах, финнах, ирландцах, швейцарцах, поляках. Африканцы по праву требуют к себе равного отношения.

Негров вообще или «черных» вообще не существует. Имеется почти бесконечное разнообразие африканских народов: народы суданской группы и группы банту, готтен-

тоты, бушмены и пигмеи — все они говорят на своих языках и диалектах и по своему культурному уровню стоят на различных ступенях исторического развития — от первобытной до современной.

Если внимательно присмотреться к представителям негроидной расы, нетрудно обнаружить бросающиеся в глаза различия между ними. Снегал, Гвинея и крайний запад континента населены темнокожими народами; территория в верховьях Нила тоже. Напротив, жители Юго-Восточной Африки имеют кожу светло-коричневого цвета. То же самое относится к росту африканцев. Средний рост йоруба (Нигерия) 165 сантиметров, а котоко, живущих в Экваториальной Африке, 180.

Кто не слышал о существовании таких народов, как хауса в Нигерии, балуба и баконго в Конго, барунди и суахили в Восточной Африке, зулусы в Южной Африке! Все они в антропологическом отношении принадлежат к негроидной расе, у всех у них темная кожа и вьющиеся волосы. Но каждый из них имеет свою собственную историю и развивается своими путями.

Африка — это континент контрастов. На его территории — он простирается почти на 8 тысяч километров с севера на юг и почти на такое же расстояние с востока на запад — сменяются самые различные ландшафты, от пустыни до тропического леса, и множество климатических зон. Так же разнообразна история народов Африки и их культуры. Разговоры о «неисторичности», о культурном застое этих народов объясняются только недостатком сведений о них.

Новая Африка протестует не только против употребления слова «негр», но прежде всего против расистских теорий идеологов империализма. «Кровь людей — одного цвета», — гласит многозначительный заголовок романа, написанного вождем басуто Монели Паулюсом.

«Миф, принесенный европейцами в Африку, — это тот же самый миф о высшей расе, за уничтожение которого в Германии боролась так ожесточенно Европа, — пишет южноафриканский писатель полковник Лауренс ван дер Пост, противник апартхейда *. — Это объясняет нам, почему многие белые в Южно-Африканской Республике по-

* Политика «обособления» рас, направленная к закреплению полного господства расистов в Южной Африке.

стоянно питали к Германии необыкновенную симпатию и почему их взгляды все более сближаются с воззрениями немецких нацистов довоенного периода).

СОБОРЫ И ГЛИНЯНЫЕ ХИЖИНЫ

Может быть, «черные» по своим умственным способностям уступают белым? Исследователь Африки и зоолог доктор Бернгард Гржимек в книге «Серенгети не должен умереть» дает следующий ответ:

«Недавно один европеец, который родился и вырос в Африке, рассказывал мне, какое впечатление произвели на него италийские соборы, когда он в возрасте пятидесяти лет впервые посетил Европу. „Какими жалкими выглядят по сравнению с ними глиняные хижины наших черных!“ — воскликнул он. И однако это вовсе не доказательство того, что черные никогда не были способны строить такие соборы. Я ответил ему, что, если бы египтянин, живший в ту эпоху, когда создавались великие пирамиды, посетил тогдашнюю Англию или Германию, наши предки, одетые в звериные шкуры и живущие в деревянных лачугах, крытых соломой, показались бы ему такой же умственно недоразвитой расой, какой сегодня некоторым кажутся черные...

Белый с удовольствием узнаёт, что мозг негра в среднем несколько меньше, чем мозг европейца. Однако вес мозга не имеет никакого отношения к умственным способностям, ибо они зависят от количества мозговых клеток, а оно у людей всех трех рас одинаковое. Естественно, нельзя сравнивать, как это постоянно делают, неграмотного деревенского парня — африканца с европейцем, приезжающим в Африку. Совсем иначе обернется дело, если мы сравним черного банковского служащего с батраком из захолустной баварской деревни или, например, черного учителя или профессора университета с английским рабочим из доков или с русским крепостным, жившим лет двести назад. Поэтому совершенно недопустимо, когда индийский министр не может найти приюта в гостинице какой-нибудь страны, как это случается еще и теперь, а некультурный европейский фермер, даже небритый, всюду встречает теплый прием. Для меня негр — это равноправный человек и брат».

Несколько лет назад в южноафриканскую пустыню Калахари отправилась экспедиция, которая ставила своей задачей исследовать обычаи и культуру вымирающего народа бушменов. Руководитель экспедиции Лауренс ван дер Пост родился в Южной Африке. В глуши Калахари он надеялся отыскать потомков тех людей, которые, по его словам, много веков назад преобладали во всей Африке, а, по данным археологии, также в некоторых частях Южной Европы и Среднего Востока. «Бушмены, — пишет он в своем отчете, — представляют собой самый древний народ в Африке, если не на всем земном шаре. Мне кажется комичным, что ученые ищут старые камни и разрушенные города, чтобы узнать, как жили люди прежде, в то время как здесь, в Африке, еще продолжает существовать всеми презираемый и забытый древнейший народ — народ бушменов».

Ван дер Постом руководил еще и личный мотив: его дед когда-то возглавлял поход против бушменов, в результате которого в Оранжевой Республике * были уничтожены последние представители этого народа. «Еще будучи ребенком, я слышал рассказы об истреблении бушменов, о том, как храбро они сражались против превосходящих сил противника, и неутешно горевал, что маленькие люди с луками и стрелами исчезли из нашей страны». Он хотел теперь осуществить решение, принятое еще в детстве, — найти бушменов, познакомиться с народом, который так охотно смеется, занимается охотой и танцует при лунном свете.

Вначале казалось, что его трудное и довольно опасное предприятие окончится безрезультатно. Как только он достиг Калахари, до него дошли сведения, что бушмены, спасаясь от мухи цеце, бежали в засушливую область на северо-западе болотистой местности. Подобные передвижения небольших племен и даже целых народов не представляют для Африки ничто необычного: они происходили на протяжении веков.

Причины таких миграций различны. Одни племена бежали от работорговцев или от дани, других заставляли

* Бурская республика, существовавшая с середины XIX в. до начала XX в. Ныне провинция ЮАР.

тронуться с насиженного места многолетняя засуха и недостаток воды. Бывало, что стаи саранчи или стада слонов опустошали страну или же на посеvy проса из года в год нападала какая-нибудь болезнь, и людям приходилось искать новые, более плодородные края.

Отправившись однажды на разведку, Лауренс ван дер Пост дальше, чем всегда, углубился на юг в болота. На одном из островов, окруженном шумящим на ветру камышом, он встретил двух женщин из племени речных бушменов.

«Таких смелых женщин я никогда раньше не видел, — писал ван дер Пост. — Одна из них была старуха, другая — молодая; на их попечении находилось четверо малолетних детей, но кроме того, они были вынуждены весь день напролет отгонять павианов и всяких иных вредителей от скудных полей, дававших им пропитание, а по ночам защищать свои хижины и огороды от гиппопотамов и других четвероногих. Их мужья отсутствовали уже более месяца: они отправились куда-то на край болотной области, чтобы обменять звериные шкуры на товары, без которых не могли обойтись. Женщины не имели ни малейшего представления о том, когда и каким путем вернутся мужчины. Их подстерегали со всех сторон страшные опасности. Женщины находились в 150 километрах от ближайшего жилья, но, не тетуя на судьбу и не испытывая страха, оставались на месте. Они встретили меня улыбкой и предложили блюдо, приготовленное на меду, словно в их распоряжении находилось сколько угодно ульев».

Ван дер Пост надеялся, что встреча с представителями древнейшей, по его мнению, расы не останется единственной, что ему, может быть, удастся найти бушменов в горах Тсодило, возвышающихся над подходами к северной части Калахари. Недаром люди, хорошо знающие пустыню, утверждали, что бушмены ежегодно отправляются в эту область, чтобы жить по обычаям своих предков, то есть охотиться, собирать мед, петь и танцевать.

ХУДОЖНИКИ КАЛАХАРИ

В горах Тсодило — на языке бушменов это означает «скользкие горы», — где, по поверьям местных племен, обитают могущественные духи, ван дер Пост не встретил ни

одного бушмена, но обнаружил там древние, вероятно очень древние, следы их пребывания. Речь идет о наскальных рисунках. На желтоватой скале, покрытой трещинами; красовался великолепный силуэт антилопы, обведенный красной краской. Рядом виднелись изображения жирафы, носорога, льва, приготовившегося к прыжку, павианов, черепах и человеческой фигуры с половиной головы.

По мнению Лауренса ван дер Поста, даже неспециалисту при первом взгляде на рисунки нетрудно понять, что они очень древнего происхождения. «Изображения покрывали, очевидно, стены и потолки пещер, в которых когда-то обитали бушмены, — пишет он. — Перед нами были всего лишь остатки некогда крупного центра бушменской культуры. Рисунки свидетельствовали об изумительном таланте художника. А что означали отпечатки крохотных рук? Вероятно, они принадлежали тому самому художнику, который за тысячи лет до нас сделал рисунки. По-видимому, он обмакнул руки в краску и, растопырив пальцы, прижал их к скале, поставив таким образом своеобразную подпись».

Южноафриканские бушмены всего лишь двести лет назад отказались от обычая рисовать на скалах. В Южной Африке, в особенности в Драконовых горах, найдено много росписей, воспроизводящих зверей, вымерших в ледниковую эпоху: из этого следует, что южноафриканская наскальная живопись относится к очень древней эпохе. Возникает вопрос: не следует ли считать бушменов или их предков самой древней расой на земле? Однако находки доказывают, что в эпоху палеолита в населении Южной Африки были представлены два антропологических типа — один, имевший сходство с бушменской расой, другой — с австралоидной. Оба типа очень древние.

Этот факт имеет большое значение. В течение долгого времени были распространены неправильные представления о древнейших обитателях Африканского континента. Их считали пришельцами с Востока. Археологические исследования последних сорока лет лишили подобные гипотезы почвы, и теперь почти с полной уверенностью можно утверждать, что Африка когда-то представляла собой одну из наиболее населенных частей света.

Утверждение, будто Африка была заселена постепенно, в результате вторжений извне, в свете научных исследований не выдерживает критики. Доказано, что главные расы Африки возникли на ее почве.

Вернемся, однако, к экспедиции Лауренса ван дер Поста. Легко себе представить его радость, когда после долгих поисков он наконец встретил в пустыне Калахари бушменов.

«Они живут целиком за счет милостей природы, — пишет ван дер Пост. — Каждый день молодые мужчины уходят на охоту или ставят ловушки, а женщины собирают в окрестностях коренья, ягоды, дыни, огурцы или ловят черепах и иную живность... Бушмены великолепно знают зверей, насекомых, растения, встречающиеся в пустыне... Охота дает им шкуры для одежды, защищающей от холода; пустыня — лук и коренья, в которых содержатся необходимые для обработки кожи дубильные вещества; дикий сизаль служит материалом для крепких веревок; в качестве тетивы бушмены натягивают на свои маленькие луки козьи жилы, а из корней одного кустарника они готовят вызывающий паралич яд и покрывают им свои стрелы. Из высушенного и растертого в порошок туловища ящерицы они настаивают противоядие, которое исцеляет раны, нанесенные отравленными стрелами, и змеиные укусы. Для лечения болезней они обращаются к помощи различных зелий, и даже знахари народов банту приобретают эти снадобья в обмен на табак. Огонь они по старинному обычаю добывают, вращая деревянные палочки».

Все сказанное звучит как глава из истории древнейшего населения Африки.

ЗЕРКАЛО ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

Стоит познакомиться с бушменами и завоевать их доверие, как перед вами оживает кусочек их истории, так сказать ее эхо.

«Постепенно, — пишет Лауренс ван дер Пост, — у бушменов ослабел страх перед голодом, который постоянно их преследует; в нашем обществе они стали чувствовать себя в безопасности и тогда раскрылись все их качества. У них появился досуг, чтобы петь, танцевать и играть. Все игры, за исключением одной, с оперенным мячом, — в ней участвовали одни мужчины — сопровождалась музыкой».

Нигде в Африке не встречал я народа, для которого музыка настолько была бы жизненной потребностью. Я не видел ни одной семьи бушменов, даже маленькой и исто-

Бушмены — блестящие рассказчики

щенной голодом, которая не переносила бы с собой с места на место музыкальные инструменты.

У наших бушменов была любопытная разновидность скрипки — согнутый кусок дерева с единственной струной, прикрепленной к нему посередине. Бушмены ухитрялись извлекать из этого простого инструмента поразительно разнообразные звуки и мелодии, то веселые, то печальные, то сентиментальные, то нежные.

Из всего, что мне приходилось слышать в Африке, мелодии бушменов, на мой взгляд, более всего приближаются к нашим музыкальным формам. Однажды я с величайшим

удивлением услышал нечто вроде дуэта: молодой бушмен пел любовную арию, молодая женщина вторила ему. Нежность чувств, которые выражала эта песня, могла бы дать хороший урок даже закоренелым в предрассудках европейцам».

Еще более сильное впечатление производят разнообразием и богатством сюжетов танцы бушменов. В них поражает воспроизведение жизни цветов и зверей, сцен охоты и войны, тоски по лучшей, счастливой жизни. «В танцах бушмены изображают ночь, огонь, стремление к свету. Когда один из них заболел, они исполнили специальный танец исцеления».

Кроме того, бушмены замечательные рассказчики. У них есть богатый фольклор, хотя письменность отсутствует. Только искусство живописи, в котором их предки проявляли такие замечательные способности, утрачено ими. Один старый бушмен, когда ему показали копию рисунка, изображающего антилопу, отвернулся и заплакал, опечаленный тем, что его народ утратил художественный дар предков.

«Африка — это самое большое зеркало, каким располагает наша эпоха... — писал ван дер Пост, возвратившись из экспедиции. — Я не знаю других народов, которые так долго, как африканские, сохраняли бы свои специфические черты, свои традиции, свою обособленность, не поддаваясь влиянию и алчности чужеземцев... Каждый раз, как я понимаю, что происходит в душе тех или иных „первобытных людей“, я становлюсь скромнее...»

НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ ТАССИЛИ

Соседа выбирай себе до постройки дома, а попутчика — до отправления в путь.

Мавританская поговорка

ОТКРЫТИЯ В САХАРЕ

Земля день за днем лежала во мраке. Над горами песка, долинами и высохшими руслами рек бушевали стихии. Очи превращали горы в потоки мелкого песка и передвигали их с места на место, погребая все на своем пути.

«Наш плодородный оазис Агадес перестал существовать. Дома, сады, пальмовые рощи и колодцы — все засыпано высокими движущимися дюнами», — сообщил несколько лет назад шейх Эмир ал-Фахир, с группой беженцев прибывший на одинокую станцию Сокото в Северной Нигерии.

Вдоль границ Нигерии Сахара расстилается грозным песчаным морем. Стоит ветру привести его в движение, и оно вгрызается в окружающие земли, уничтожая всякую жизнь там, где она теплилась еще у немногочисленных источников. Остальная часть огромного пояса пустыни, простирающегося на площади 8 миллионов квадратных километров от Атлантического океана до Красного моря, представляет собой иную картину. Здесь встречаются тощие степи, каменистые плоскогорья, солончаки и массивы гор, как Ахаггар и Тибести, вздымающиеся на высоту до 3 километров.

Только в оазисах, т. е. в тех местах, где грунтовые воды подходят близко к поверхности земли, встречаются расселенные подобно темным точкам на блестящей желтизне пустыни человеческие поселения. В них живет немногим более полумиллиона человек — главным образом земледельцы и скотоводы.

Климат здесь тяжелый: изнуряющая жара, осадки выпадают крайне редко, а ежедневные колебания температуры достигают 30 и даже 40 градусов.

ТАМ, ГДЕ КОГДА-ТО ШУМЕЛИ ЛЕСА

Одни оазисы существуют уже тысячи лет, их история восходит к древнейшим эпохам, другие возникли только в последние десятилетия благодаря труду инженеров, заложивших артезианские колодцы.

Животные водятся в пустыне повсюду. После дождей холмы покрываются яркой зеленью, но даже в период засухи овцы и козы, верблюды, дикие антилопы, газели, страусы и мелкие грызуны находят достаточно корма на кустах. В ямах, где скапливается вода, водится рыба, подчас даже встречаются крокодилы. Случается, что рыбы, обитающие в подземных водных потоках, выскакивают из артезианских скважин.

Сахара отнюдь не всегда была пустыней. «Сегодня можно считать доказанным, — писал после многолетних путешествий по Африке английский исследователь Ричард Бэйкер, — что Сахару в доисторический период покрывал тропический лес. Но затем климат постепенно изменился, осадки оскудели, тропические животные и растения исчезли».

В чем причины этого? Наряду с климатом изменению ландшафта содействовал и человек. Кочевые племена с течением времени свели деревья, сожгли кустарник и таким образом проложили себе путь во внутренние районы Африки. Стада скота также истребляли растительный покров. Хищническое земледелие усугубило и без того сильную эрозию почвы: люди забрасывали истощенные земли и расчищали новые участки, для чего вновь и вновь вырубали леса.

Все это имело губительные последствия, так как вело к дальнейшему уменьшению осадков.

Еще шесть-семь тысячелетий назад в самом центре Сахары, в области горного массива Ахаггар, водились жирафы и бегемоты. Как сообщают древние историки, карфагенские правители получали боевых слонов из Южного Туниса, где теперь расстилаются лишь безжизненные, сухие солончаки. Северные районы Сахары считались в римскую эпоху житницей; римляне поддерживали здесь мощную систему орошения: из водоемов вода по каменным каналам направлялась на поля, страдавшие от недостатка влаги. В Ливии некоторые из этих устройств действуют еще и ныне, но большинство их пришло в негодность.

Лес для строительства храма царя Соломона доставлялся из глубин Африки; его перевозили по караванным путям. Во все времена года воины, купцы и паломники передвигались по Сахаре. Караваны с хлопком, золотом, слоновой костью, солью и рабами пересекали пустыню с юга на север и с запада на восток. Навстречу им двигались караваны с тканями, стеклянными изделиями, позднее с оружием и порохом. Только после открытия большого морского пути караванная торговля почти совсем замерла.

Об истории Сахары мы теперь знаем много, хотя еще и не все. Когда французы начинали ее завоевание, никто еще не подозревал, какие огромные перспективы сулит эта пустыня. Французское правительство весьма неохотно предоставило средства на сооружение нескольких стратегических дорог, которые должны были связать между собой военные базы. Транссахарская железная дорога — излюбленный проект французских империалистов, выдвинутый на рубеже XIX и XX вв., — так и не была сооружена.

Интерес к Сахаре пробудился только в 1934 г., когда один из солдат Иностранного легиона, разыскивая вблизи алжирско-марокканской границы воду, нашел уголь. Вскоре после этого — какое совпадение! — при откапывании грузовика, занесенного песком, были обнаружены залежи руды. Ныне на этом месте стоит крупный индустриальный центр Колон-Бешар с населением тридцать тысяч человек, соединенный железнодорожной линией с алжирским побережьем.

Начиная с тридцатых годов (особенно же после окончания второй мировой войны) Франция помимо войск стала направлять в Сахару в поисках естественных богатств геологов и инженеров. Полученные результаты превзошли все ожидания и вызвали в Париже радостную реакцию.

Сахара внезапно оказалась в центре внимания. Возникли мощные концерны. Американские, английские и французские нефтяные компании на картах уже поделили Сахару на сферы влияния.

ОТКРЫТИЕ ЛЕЙТЕНАНТА БРЕНАНА

Удивительно, как слон попал в пустыню, в безграничное безмолвие Сахары, где на сотни миль вокруг нет ни одной живой души? Бренан не верил своим глазам. Он забыл о

поручении, которое привело его в отдаленный вади * Джорат, и в растерянности глядел на скалу, находившуюся всего в нескольких шагах от него. Ошибки быть не могло: контур, тщательно вырезанный на скале, изображал слона.

Кто создал это произведение искусства? Когда? Нет ли в Сахаре других изображений такого рода? Эти вопросы не давали покоя молодому французскому офицеру. Выполняя патрульную службу на ливийской границе, он использовал любую возможность, чтобы обследовать скалы и пещеры в поисках рисунков.

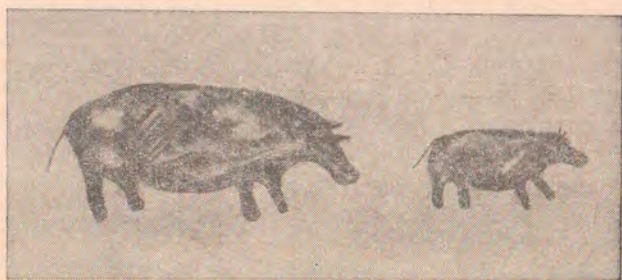
Ему сопутствовал успех. Вскоре он нашел изображения слонов, жирафов, носорогов, львов, буйволов и даже бегемотов. «Так рисовать могли только люди, у которых эти животные были перед глазами каждый день, — рассуждал Бренан. — Когда-то они обитали в Сахаре, как и люди, которые оставили эти рисунки на скалах». Шли недели и месяцы, и однажды Бренан нашел нечто такое, на что он даже не смел надеяться: изображения людей давно минувшей эпохи. Люди были вооружены луками и стрелами, их наготу прикрывали звериные шкуры; на некоторых было нечто вроде панцирей, в руках они держали щиты и копья.

Бренан набил эскизами папки, отметил места и даты находок. Много времени и усилий потратил он на то, чтобы проникнуть в тайну наскальной живописи. Однако последняя ставила все новые загадки, решить их было лейтенанту не под силу, и в 1940 г. он обратился к аббату Брейлю, знаменитому французскому археологу.

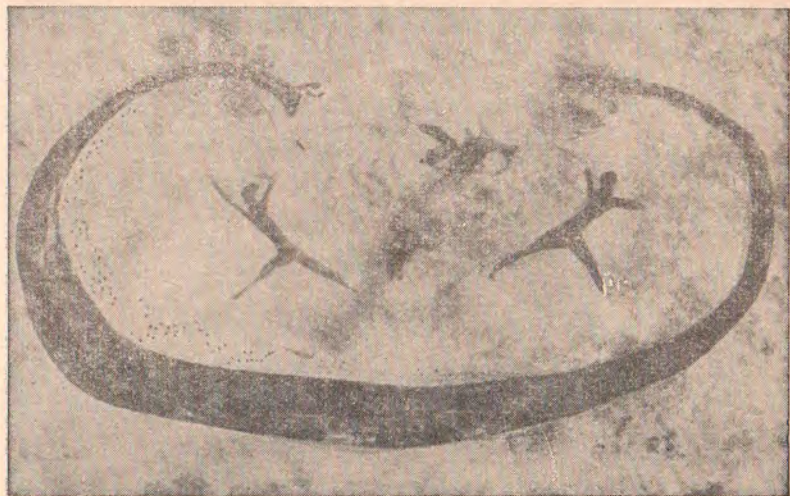
Этим Бренан оказал науке большую услугу. Взволнованные его находками, ученые Франции и Италии после окончания войны обратились к интенсивным изысканиям в Сахаре. Экспедиции обследовали весь район от Нила до марокканского побережья и привезли новые сенсационные материалы.

До настоящего времени найдено более двадцати тысяч наскальных рисунков. «В самой бесплодной и сухой пустыне мира случай сохранил для нас замечательнейшую художественную школу, какую когда-либо создало человечество, — писал Анри Лот, французский археолог, который первым с группой сотрудников провел систематическое изучение некоторых горных массивов Сахары и сделал точные копии доисторических рисунков. — Сахара представ-

* Сухая долина реки (араб.).

Фрески Тассили. Охота на жирафу.
Гиппопотамы. Египетская лодка

ляет собой единственный в своем роде музей истории культуры, крупнейший центр доисторического искусства, подобного которому нет во всем мире. Тот, кто стоит перед этими рисунками, чувствует себя так, словно он перенесся в доисторическую обстановку, словно сделал скачок на десять тысяч лет назад в прошлое».

МЕЧТЫ В ПУСТЫНЕ

Несколько лет назад Анри Лот с небольшой группой энтузиастов в поисках новых наскальных рисунков отправился обследовать пещеры и расселины скал плоскогорья Тассили (в северной части Ахаггар). После этого путешествия он опубликовал труд «В поисках фресок Тассили», где описал открытую им культуру, отстоящую от нас на восемь тысяч лет. В этой книге он между прочим пишет:

«Массив Тассили-Аджер — это труднодоступное песчанниковое плато, от которого отходит ряд небольших второстепенных массивов. Все они подверглись сильному действию эрозии. Пробраться здесь можно лишь узкими ущельями или по поверхности, усеянной колоннообразными выветренными скалами и вызывающей в воображении картину мертвых городов. Сейчас эти массивы — совершенно глухое место, где царит гнетущее безмолвие. Но когда-то все эти ущелья и проходы представляли собой своего рода оживленные улицы. Об этом свидетельствуют глубокие впадины у подножия скал, служившие естественным убежищем для первобытных жителей массива. Обитатели исчезли. Но следы их пребывания остались в виде сотен и сотен росписей...

То, что мы нашли в лабиринте скал Тассили, превосходит всякое воображение. Мы открыли сотни и сотни росписей с десятками тысяч изображений людей и животных. Одни рисунки представляли собой локальные изображения, другие — сложнейшие ансамбли. Изображенные на них сцены жизни древних обитателей этих мест — будничные занятия, развлечения, религиозные обряды — нетрудно истолковать. Они, несомненно, относятся к жизни различных народов, населявших массив в разное, но бесспорно давно прошедшее время, ибо современные нам туареги очень редко появляются в этих диких, неприветливых местах. Нас поразило разнообразие стилей и сюжетов, ко-

торое мы обнаружили при исследовании многочисленных наслоений рисунков. Рядом с крошечными изображениями людей, величиной в какие-нибудь несколько сантиметров, находились и рисунки гигантской величины. Изображения людей таких размеров еще нигде не обнаружены. На других фресках мы увидели лучников, сражающихся за обладание стадом быков, воинов, бьющихся на палицах. Тут же — стадо антилоп, люди в пирогах, преследующие бегмотов, сцены плясок, пиршеств и т. п.

Короче говоря, мы очутились как бы в величайшем музее доисторического искусства. Некоторые рисунки поражали своим мастерством... От таких росписей не отреклась бы ни одна когда-либо существовавшая художественная школа...

Но главное — эти изображения не стоят ни в какой связи с рисунками франко-кантабрийской области * или Южной Африки. И если иногда в них и можно обнаружить египетское или, возможно, микенское влияние, наиболее древние из них, безусловно, принадлежат к неизвестной самобытной художественной школе. Росписи эти представляют собой в настоящее время единственные известные нам памятники наидревнейшего искусства негроидных народностей...

Все эти факты имеют для нас огромное значение. Открытие росписей Тассили позволило нам ознакомиться по меньшей мере с восемью тысячами лет истории Сахары — самой большой пустыни нашей Земли. Более того, благодаря этим находкам прошлое всего человечества становится для нас яснее и понятнее...

Часто по вечерам, выходя по окончании работы из пещер, каждый день открывавших перед нами все новые фрески, мы собирались у лагерного костра. Нам рисовались цветущие долины, леса, болота и звери, жившие когда-то в этом раю. Мы заселяли в нашем воображении эти места разнообразными животными. Добродушные слоны толпились возле воды, шевеля большими ушами. Пугливые носороги спешили к логовищам по узким тропинкам. Жирафы прятали головы в кустах мимозы. По долинам, пощипывая траву, бродили стада антилоп и газелей, находивших отдых под зелеными кронами деревьев. Наконец мы старались

* Автор имеет в виду Юго-Западную Францию и примыкающие к ней горы северо-восточной части Пиренейского полуострова — области, называвшейся в древности Кантабрией.

представить себе людей, живших в скальных пещерах: мужчин, занимающихся подготовкой оружия к охоте и мастерищих себе одежду из шкур, женщин, готовящих пищу или отправляющихся к соседнему водоему купаться или мыть свои миски. Мы представляли себе пасгухов, которые пасли стада или вели быков на водопой. Вечерами они загоняли их за сплетенные из веток изгороди, защищавшие скот от нападения хищников».

Участники экспедиции, несмотря на палящий зной, довели до конца свою великую задачу. Они тщательно обследовали поверхность всех скал, так как некоторые изображения скрывались под слоем пыли. Их очищали в несколько приемов мягкой губкой или щеткой и тщательно снимали на кальку копии. Затраченные усилия оправдались: каждый день приносил новые материалы.

ШЕДЕВРЫ КАМЕННОГО ВЕКА

Участники экспедиции в поисках рисунков в грандиозном лабиринте Тассили натолкнулись на скалу с коричневым пятном, которая только после очистки поведала свою тайну.

«Они, — пишет А. Лот, — открыли великолепное произведение, которое, несомненно, войдет в число самых прекрасных творений искусства всех времен. Что же там изображено? Мужчина и женщина — только и всего. Но какой мужчина и, в особенности, какая женщина! Женщина нарисована красной охрой в натуральную величину. Она сидит лицом к мужчине, сильно выпрямив спину и слегка наклонив голову. Одна нога ее вытянута, другая согнута в колене — его мягкий изгиб подчеркивает тонкость щиколоток и запястий. Стройный стан поражает правильностью пропорций. По тяжелой, несколько удлиненной форме груди видно, что эта женщина уже была матерью. Знание человеческого тела делает это совершенное произведение искусства достойным греков и самых прекрасных творений эпохи Возрождения. Внушительные размеры обеих фигур усиливают производимое впечатление, а мысль о том, что этот шедевр создан людьми каменного века, повергает нас в изумление и восхищение.

Кем же написана эта великолепная фреска? Людями, жившими в скотоводческий период!»

Рогатый скот являлся излюбленным мотивом художников. «По количеству и мастерству их изображений можно судить о громадном значении скота в жизни людей той эпохи... С таким же мастерством воссозданы и дикие животные. Пастухи-скотоводы были в то же время охотниками, и они изобразили настоящий зверинец, дающий точное представление о тропической фауне Сахары того времени. Здесь слоны, носороги, гиппопотамы, жирафы, лошадиные антилопы, газели, трубкозубы*, львы, дикие ослы, страусы, рыбы. Весь этот животный мир мог существовать только при наличии тучных пастбищ и очень влажного климата».

Поразительно также, что эти пастухи рисовали не только зверей, но также и людей, что в искусстве каменного века встречалось сравнительно редко.

«Люди и животные изображены в очень живых сценах. Вот, например, несколько человеческих фигур помещены в центре овала, воспроизводящего контур продолговатой хижины из соломы или эспарто**. Точно такие же плетеные хижины на глиняном основании распространены по всему Судану. На фресках запечатлены также женщины у домашнего очага; мужчины с топорами в руках, рубящие дрова; дети, лежащие под одним пскрывалом; собравшиеся в кружок и беседующие люди; брачные пары и еще многие другие сцены, раскрывающие перед нами быт пастухов, уже начинающих заниматься земледелием. Об этом свидетельствует фреска с женщинами, работающими в поле...

На фресках, относящихся к этому периоду, небольшие фигуры людей и животных изображены с такой поразительной естественностью, что их можно с полным основанием считать произведениями величайшей в мире натуралистической школы. Здесь нет ни схематизации, ни стилизации, ни символики — все это осталось в предыдущих слоях. Все фигуры даны в движении. Они воспроизведены в самых естественных позах блестяще и с такой точностью, которая говорит о необыкновенной наблюдательности авторов фресок...

* Млекопитающее, питается термитами, живет в Африке.

** Растение, применяемое для производства мягких плетеных изделий.

Обитатели Тассили обладали недюжинным вкусом и умели пользоваться красками. Однако зачем они рисовали?

Обычно принято считать, что доисторическое искусство возникло из колдовских обрядов, иначе говоря — из религии. Местонахождение рисунков во Франции и Испании в глубоких пещерах, напоминающих подлинные святилища, только укрепило ученых в этом мнении... Я искал места, которые могли служить святилищами. Но, должен признаться, ни одна из обследованных мною впадин не соответствовала этому назначению с достаточной вероятностью. Разбросанные повсюду рисунки не укладывались ни в какие рамки. Лишь очень немногие из них носили явно магический характер... Обитатели Тассили рисовали повсюду, где только находили подходящее место, главным образом в тех впадинах, которые служили им убежищем и жильем. Это наиболее распространенный случай. Широкие впадины представляли собой идеальное место для росписи. Поэтому стены таких впадин сплошь покрыты рисунками и наслоения на них встречаются очень редко. И, наоборот, в глубоких впадинах, где площадь для рисунков ограничена, наблюдаются многочисленные наслоения. Обитатели этих пещер рисовали поверх рисунков своих предшественников. Кроме того, мы встречали росписи в отдельных небольших выемках, которые вряд ли могли служить убежищем для людей. Поэтому вывести какое-либо общее правило невозможно.

Отнести эти рисунки к числу магических изображений очень трудно... Правда, мы обнаружили рисунки, на которых изображены и какие-то божества или колдуны. Однако имеются ансамбли, которые явно говорят о желании художника, наделенного богатым воображением, запечатлеть ради собственного удовольствия то, что он видел вокруг себя».

Кто же были люди, создавшие эти произведения искусства? Были они белыми или темнокожими? К какой расе принадлежали? Откуда могли прийти сюда, в горы Центральной Сахары? И куда они девались? Снова и снова задавали себе исследователи эти вопросы и, естественно, находили самые разные ответы. Анри Лот неоднократно указывал на то, что египетская лодка, фигурирующая на фресках Тассили, а также культовые знаки, изображенные у некоторых быков между рогами, позволяют сде-

лать вывод о тесной связи с египетской культурой. По его мнению, скотоводы пришли в Сахару с востока.

Другую точку зрения выдвигают Карл и Пети в работе «Загадочный Тефедест». «Современные туареги, — пишут они, — которым известны рисунки Тассили, единодушно заявляют, что изображенные на них люди принадлежат к народу фульбе. Может быть, нынешние фульбе являются потомками доисторических художников? Из обитателей тропического пояса потомками доисторических скотоводов могут быть азанде, жившие раньше в низинной части Кении, и народ мангбету, пришедший оттуда же: у последних распространен обычай искусственной деформации черепа, которого придерживались люди, изображенные на фресках. Наконец, батутси, рослые скотоводы, носят такие же широкие одежды, какие мы видим на пастухах, фигурирующих в наскальных рисунках, и разводят скот с длинными рогами. Стадо этих животных считается священным. Происхождение батутси также пока неясно.

Как определить, какое из многочисленных племен Африки происходит от доисторического пастушеского народа? Задача нелегкая, хотя, судя по многочисленным признакам, оно по сей день живет среди народов Африки. Эти народы до сих пор считались примитивными, но, когда узнаешь их лучше, невольно спрашиваешь себя, не являются ли они носителями старинной культуры».

НАХОДКИ В ЗОЛЬНИКАХ

Анри Лот привез из путешествий по Сахаре восемьсот копий, которые ценой больших усилий сделали он и его товарищи. Выставка их, устроенная в парижском этнографическом музее, вызвала всемирную сенсацию.

Однако Лот привез с собой еще нечто такое, что также имело исключительное значение для науки. Он рассказывает об этом в своей книге.

«Археологам, — пишет он, — помогает провидение. Только этим и можно объяснить мою находку — кучу золы у основания одного из гротов с фресками. Это не что иное, как остатки стоянки пастухов скотоводческого периода. Я извлек из груды порошкособразного перегноя, где разложившийся коровий навоз перемешался с золой, много костей, среди которых оказалось немало бычьих ребер и

зубов. Тут же валялись каменные жернова, зернотерки, каменные топоры, костяные шила, черепки посуды, маленькие круглые пластинки, вырезанные из скорлупы страусовых яиц (из них делали ожерелья), несколько подвесок и кольца. Там были даже куски глины различных цветов, служившей первичным материалом при изготовлении красок.

Мной было сделано пять подобных находок... Со временем мы передадим найденные в золе куски древесного угля для проведения анализа на содержание углерода C_{14} *. Это позволит точно определить, к какому периоду относятся стоянки пастухов».

Анализ был сделан. Он показал дату, изумившую исследователей. Найденные кухонные отбросы эпохи раннего каменного века датировались 3450 г. до н. э. (с поправкой на триста лет в ту или иную сторону). Кроме того, анализ показал, что Сахара в тот период была покрыта растительностью, которая почти не отличалась от флоры средиземноморских стран. В горах Ахаггар росли кедр, кипарис, пиния, клен, орех, липа, дуб и маслина. Удалось даже установить, когда началось высыхание Сахары: приблизительно в 2730 г. до н. э. Эти данные получены в результате радиоуглеродного анализа ископаемых экскрементов одного из вида сурков, обитавшего на высоте 2 тысяч метров на южном склоне хребта Ахаггар. Хотя в продуктах пищеварения этих животных еще обнаружены остатки древней растительности, экскременты не могли бы сохраниться во влажном климате.

Геродот, который жил в V в. до н. э. и первым сообщил сведения о Сахаре, упоминает о дюнах, сазисах и необитаемых областях. Четырьмя веками позднее, судя по сочинениям греческого историка Страбона, лошади еще были широко распространены в Сахаре, но из-за недостатка колодцев кочевники уже были вынуждены принимать меры предосторожности: подвязывать под брюхо лошадям пузыри с водой.

* Радиоактивный углерод, содержащийся в каждом живом организме (на каждый грамм C_{12} одна триллионная грамма C_{14}). Поскольку после смерти организма начинается распад C_{14} , происходящий в определенной пропорции, то измерение его количества (радиоуглеродный анализ) дает возможность определить время, когда прекратилось дыхание организма.

При жизни Плиния старшего (23—79 гг.) в Ливии — так тогда называли Сахару — еще встречались слоны и жирафы, но реки и источники, по его словам, попадались редко.

ИСКУССТВО ПРИШЛО ИЗ ПУСТЫНИ

Два года назад итальянский ученый Фабрицио Мори сделал в Ливийской пустыне сенсационное открытие: в горах Феицана, недалеко от алжирской границы, в углублении скалы он натолкнулся на рисунок. На нем изображена нильская лодка с группой людей, которые совершают какой-то непонятный культовый обряд, вероятно связанный с погребением умершего: двое мужчин несут вытянутое тело, по всей видимости безжизненное, завернутое в белое покрывало и перевязанное чем-то красным. Рядом изображение еще одного такого же тела, сохранившееся только частично. В обоих телах нетрудно узнать мумии. Это первые мумии, обнаруженные на рисунках Сахары. Желая проверить свою догадку, Мори начал под скалой раскопки. На глубине одного метра он нашел мумию ребенка, а возле нее — нож, скребок и маленький ручной браслет. Анализ показал, что это труп негритянского ребенка, умершего, вероятно, 7430 лет назад. Дата произвела сенсацию: в тот период в Египте еще не воцарилась первая династия, его изобразительные средства находились на неизмеримо более низком уровне, чем рисунок, найденный в Сахаре. Это явно противоречило концепции Апри Лота, который считал, что искусство Сахары либо пришло из долины Нила, либо сложилось под ее влиянием. Находка мумии скорее говорила о том, что египетская культура на первых порах испытывала влияние, шедшее с запада, из Сахары. Сахара, которая в своем развитии столь явно шла впереди Египта, должна была, очевидно, стоять в культурном отношении выше окружающего мира и оказывать на него воздействие. А это означает, что именно здесь, в пустыне, следует искать истоки культов, мифов и других явлений египетской культуры.

Доказано таким образом и другое: народы негроидной расы в древние времена населяли обширные просторы Сахары. Следовательно, народы «Черной Африки» жили тогда гораздо севернее, чем это до сих пор предполагала

наука. Что касается Египта, которому Африка дала своих богов, то он не только в географическом, но и в культурном отношении составляет часть этого континента.

Древнейшие наскальные рисунки относятся к седьмому или восьмому тысячелетию до н. э., следовательно, они старше, чем произведения древнеегипетского искусства. Люди тогда жили охотой и рыболовством. По мере того как в Сахаре выпадало все меньше осадков, обитатели ее стали переходить к иным формам хозяйства: наряду с охотой они все больше занимались земледелием и скотоводством. Благодаря этому они продержались в Сахаре по крайней мере еще три тысячи лет. Увеличение засушливости заставило их двинуться со своими стадами в местности с более благоприятным климатом. Они осели в Судане, где еще и теперь скотоводство находится в расцвете. Только во влажных долинах гор Тибести или горного массива Ахаггар некоторые племена оставались дольше.

СО ВСЕМ СВОИМ ДОБРОМ

Новый этап наступил — об этом также рассказывают наскальные рисунки, — когда в Сахару вторглись народы, которые одеждой и вооружением отличались от ее прежнего населения: у них были копья и круглые щиты, они вели за собой лошадей, впряженных в боевые колесницы. «Нашествие», по-видимому, произошло приблизительно в середине второго тысячелетия до н. э., так как лошади впервые были ввезены в Египет в 1700 г. до н. э. гиксо-сами.

Откуда явились эти воины? Их одежда, оружие и боевые колесницы похожи на те, которые можно увидеть на древних памятниках культуры острова Крит. Таким образом, можно предположить, что перед нами критяне. В конце XIV в. до н. э. жители Крита высадились в Киренаике. Оттуда они предприняли против Египта завоевательный поход, имевший трагический конец. Иероглифы на египетских памятниках сообщают, что приблизительно в 1200 г. до н. э. войска фараона Рамсеса III в битве при Эль-Аламейне разбили критян.

Сахарские рисунки сообщают факты, неизвестные ранее историкам. Многие критяне со всем своим добром дви-

нулись в Сахару — то ли после поражения, то ли еще до бигвы. Они подчинили себе коренных жителей и со временем смешались с ними. Возможно, от них произошли нынешние туареги, живущие в Ливийской пустыне. Фрески позволяют предположить, что крхтяне достигли реки Нигер.

Рисунки не дают достаточного представления о том, что происходило в Сахаре в последнее тысячелетие до нашей эры. Боевые колесницы на изображениях сменились конницей. Примерно во II в. лошадь в конце концов уступила место верблюду, уроженцу Азии. В эту эпоху наскальная живопись стала утрачивать свою художественную ценность и уже более не достигала прежней реалистичности. Постепенно степи превращались в пустыню, ее жизненные условия становились все более суровыми, что затруднило создание больших культурных ценностей.

Такова история культуры Сахары, раскрытая в наскальных фресках. Ее картина еще не полна, многие детали не выяснены. Однако постепенно наука заполнит пробелы, ответит на поставленные вопросы и таким образом осветит десять тысяч лет истории человечества, о которых мы до сих пор ничего не знали.

ПИРАМИДЫ И ИЕРОГЛИФЫ

Я — Африка.
Я построил Томбукту и Карнак,
Я построил храмы Изиды и
Озириса,
Я дал Азбуку и Астрономию,
Я смеялся с вершины пирамид,
Над легионами цезарей.
Из ночи моей полуночи
Вышли зулусские хижины,
Вигвамы и краали бушменов,
Династии Рамсесов и
Птолемеев,
Дворцы их и храмы.
Мои дочери были царицами
древних Фив.
Сыновья мои были владыками
в древнем Египте.
Я взрастил их на берегу Нила,
Бессмертным искусством
Я мумии их сохранил.
Б. Э. Хоукинс

РОЗЕТТСКИЙ КАМЕНЬ

Путешественник, который посетит Томбукту, стоящий на Нигере, обнаружит, что от роскошных мечетей, университетов и библиотек этого города, некогда бывшего столицей ислама, сохранилось очень немного. От тысячелетнего государства Ганы не осталось и следа. Ветры и время погребли в Западном Судане древние руины, а с ними все, что напоминает о великом прошлом.

Во многих местах земного шара древние культуры, покрытые пылью веков, преданы забвению. Зачастую мы уже не можем составить себе о них представление, а если и можем, то лишь с большим трудом. Только носогепенно мотыга и лопата археолога доставляют на поверхность земли находки, которые, складываясь в пеструю мозаику, рисуют картину жизни, существовавшей тысячи лет назад.

Иначе обстоит дело в Египте. С незапамятных времен поднимаются здесь из песка пустыни огромные, сложен-

ные из каменных плит пирамиды, храмы и статуи, возвещающие, что на территории этой страны когда-то существовали могущественные государства с поразительной организацией и высоко развитой техникой и жили люди, владевшие знаниями и искусствами. Памятники, которые они оставили потомству, словно созданы на вечность и выдерживают все превратности времени. Они столь грандиозны, что история империй фараонов вызывает интерес у всех, кто хочет проникнуть в смысл прошедших тысячелетий.

Египет — рай для археологов. Почти каждый удар лопатой приносит здесь свидетельства прошлого. И сейчас благодаря этим находкам, сохранившимся в песках пустыни, мы осведомлены о египтянах почти так же, как о римлянах. А ведь первые римляне, появившиеся в Египте, изумленно и благоговейно останавливались перед пирамидами и загадочными надписями, состоящими из рисунков! Они ничего не знали о фараонах, империя которых давно канула в прошлое. Культура Нильской долины достигла расцвета задолго до того, как возникла Римская империя, когда в Германии люди еще жили в пещерах.

Мы должны быть благодарны строительному искусству египтян, климату страны и ее религии, которая на протяжении почти пяти тысяч лет заставляла их обеспечивать усопших всем, в чем те, по их представлениям, нуждались в мире мертвых. Богатые получали много: золотые украшения, наряды, драгоценности, мебель, статуэтки, рукописи на свитках папируса; бедные — мало: инструменты, запас пищи и предметы обихода простых людей. Поэтому Египет обогатил археологию величайшими сокровищами.

И вот однажды было сделано открытие, которое взволновало ученых и привлекло в долину Нила целые толпы исследователей древности: в 1799 г. один из солдат Наполеона нашел камень более ценный, чем любой алмаз, — так называемый розеттский камень. Это была плита со странными надписями, непонятными солдату; но ученые увидели, что надпись содержит тот волшебный ключ, который они столько лет безуспешно искали. На камне трижды было начертано постановление: греческими буквами, иероглифами и древнеегипетским народным письмом.

ПРИЛЕЖНЫЕ ЖРЕЦЫ

Розеттская находка дала возможность расшифровать многочисленные надписи на скалах, в храмах и в гробницах. Внезапно они ожили, и перед глазами исследователей возникла картина жизни, когда-то бурлившей у подножия пирамид и на берегах Нила.

Какое счастье, что египетские жрецы были людьми грамотными и, очевидно, гордились своим умением писать! Сначала их письменность имела примитивный характер, но со временем у них появились все нужные знаки и буквы.

Жрецы покрывали надписями стены, гробницы, обелиски, утварь и амулеты. Одни только рукописи на папирусе составляют огромную библиотеку. Каждый храм имел свое хранилище свитков папируса или кожи.

Огромное число документов погибло, когда сгорела александрийская * библиотека. Многие, быть может, еще лежат в неизвестности под слоем песка.

Мы остановимся на том, что нам дали до сих пор находки.

В период между Древним и Средним царством в Египте существовала классическая литература, для которой характерно стремление к изысканной и даже несколько вычурной манере выражаться. Говорить по-настоящему красиво считалось большим искусством.

На протяжении столетий язык книг считался литературным в отличие от обиходной речи народа. Когда различие между ними возросло настолько, что классический язык стал непонятным для рядового человека, появилась новая литература на народном языке. На нем сочиняли и стихи и прозу.

Помимо хвалебных гимнов богам и фараонам существовала развлекательная литература, например описания путешествий, приключений, кораблекрушений, басни, любовные и народные песни. Были найдены также письма, счета, завещания, жалобы, описи храмового имущества, купчие, заемные письма и другие деловые бумаги.

* Наиболее известная библиотека в древности, основанная в Александрии Египетской в III в. до н. э. В 47 г. до н. э. пострадала от пожара во время столкновения войск Цезаря с населением Александрии.

«Дети в школах переписывали рядом с религиозными гимнами правила измерения полей и образцы деловых писем... Жрецы были учеными и ученые были жрецами, — пишут М. Ильин и Е. Сегал в книге „Как человек стал великаном“. — Жрецы следили за уровнем Нила, спускаясь к нему по каменной лестнице и отмечая черточкой высоту воды.

Жрецы определяли время днем по солнечным часам, ночью — по звездам.

Два жреца садились на плоской крыше один против другого. Они сидели неподвижно и прямо на предназначенных для этого местах. Чтобы случайно как-нибудь нечаянно не наклониться вперед и не откинуться назад, они проверяли себя отвесом. Каждый из них был и наблюдателем и прибором. А от прибора требуется точность.

Сидя неподвижно на своем месте, жрец смотрел, как Сириус или какая-нибудь другая звезда подходит к плечу жреца, сидящего напротив. Вот звезда повисла над самым плечом, вот она коснулась уха. Теперь достаточно взглянуть на таблицу, чтобы сказать, который час.

Египетские жрецы были искусными мастерами по части измерения времени. У них были уже и водяные часы. В этих часах время определяли по тому, сколько воды утекало из сосуда сквозь отверстие. Египетский календарь мало чем отличался от нашего: в году было двенадцать месяцев, в месяце — тридцать дней, а в конце года добавляли еще пять дней — недостающих. Всего в году было значит, 365 дней.

Но зачем египетские жрецы так тщательно следили за временем? Для того ли только, чтобы точно определять часы богослужений, дни праздников и торжественных процессий?

Нет, им нужно было точно предсказать время разлива Нила.

Наука и здесь росла и развивалась потому, что была нужна для жизни, для человека труда».

ГРЕКИ УЧИЛИСЬ У ЕГИПТЯН

Благодаря надписям и рукописям мы получили представление о всех сторонах жизни древнего Египта, в том числе и о науке того времени.

Одно время буржуазные газеты Западной Германии возмущались утверждением публицистов Ганы, что древние греки учились у африканцев; газеты писали, что подобные утверждения лишены каких-либо оснований. Однако представители прессы, находящейся по сию пору в плену расистского мракобесия, глубоко заблуждаются. Они плохо знают литературу классической Греции и не читали Плутарха. А он пишет — и его слова равносильны документальному свидетельству, — что мудрейшие греки Солон, Фалес, Платон, Сократ, Евдокс, Пифагор — все бывали в Египте и общались там с жрецами. Евдокс слушал мемфисского жреца Хонуфиса, Солон — Сэихиса из Саиса, Пифагор — гелиопольского Онуфиса. Пифагор, который восхищался египетскими жрецами и со своей стороны вызывал их восхищение, в подражание их таинственной символике облек свое учение в мистическую форму.

Египтяне же, как известно, — африканцы и всегда были ими. В период Древнего, Среднего и Нового царства Египет был великой африканской державой, что бы ни говорили о его связях со Средиземноморьем и со странами античности. И центром мира египтяне считали Африку: по их представлениям, земли, лежащие к югу от Египта, находились «впереди», а Средиземноморье и район дельты Нила — «позади», запад — «справа», а восток — «слева». Карту земли они как бы ставили с ног на голову.

Мудрость египтян, воспетая классическими писателями древности, отнюдь не была легендой; у египетских жрецов обучались греческие мудрецы и философы, например Архимед, хотя ученики очень скоро превзошли своих наставников. Бругш в «Египтологии» пишет: «Правда, наукой в Египте занимались жрецы и она целиком стояла на службе религии, но еще тогда, когда Греция и Рим пребывали в младенческом возрасте, египтяне уже достигли выдающихся успехов. Ими руководила целесообразность, как ее в то время понимали, и эта идея одновременно и способствовала их успехам и тормозила их».

ХРАМОВЫЕ ХИМИКИ

В древнем Египте умели изготавливать бронзу и другие сплавы, в частности сплав золота и серебра. В период Нового царства, как показывают раскопки, имели представ-

ление о железе, хотя в повседневное употребление оно пошло значительно позже. Можно предположить, что, выполняя грандиозные каменотесные работы, египтяне прибегали к помощи зубил из закаленной меди или бронзы.

Египет славился своими изделиями из стекла; доказано, что они широко вывозились: их находили в захоронениях даже в Сибири.

Не исключено, что египтяне были родоначальниками химии. Дошедшее до нас греческое название этой науки — «Кеми» — в древности означало Египет. Следовательно, химия для греков была «египетским искусством». Разумеется, речь идет не о науке в нынешнем значении этого слова, а о практических навыках. Во всяком случае, обработка металлов и стекла, рациональное использование химических веществ для мумифицирования и для изготовления красок, стойкость которых вызывает у нас удивление, показывают, что обитатели Нильской долины имели в этой области немалый опыт.

Укажем еще, что в древнем Египте всюду, где это только было возможно, проводили искусственное орошение и сажали деревья. Храмы почти все утопали в тенистых парках. Садоводство также находилось на высоком уровне: сады поражали обилием растений и яркостью красок.

В сельском хозяйстве важнейшая роль принадлежала пшенице. Кроме нее сеяли ячмень (из него варили пиво), лен и коноплю, из которых пряли ткани. Папирус служил материалом для циновок, обуви, канатов и бумаги.

О ЧЕМ ГОВОРЯТ СВИТКИ

Найденные рукописи на папирусе рассказывают нам много такого, чего мы никогда не узнали бы, если бы располагали только надписями и рисунками на развалинах храмов. Благодаря рукописям мы ознакомились с повседневной жизнью людей, населявших долину Нила за тысячи лет до нас, узнали о существовании высокопоставленных чиновников с такими титулами, как «Владыка Запада и верховный глава наемников некрополя*», об инженерах и архитекторах, о ремесленниках, свободных рабочих и ра-

* Могильник, кладбище.

бах. Подробные списки и дневники сообщают, что рабочие, занятые на сооружении пирамид, получали продукты — зерно, рыбу, пиво, масло, а также одежду. Из этих записей мы узнаем, сколько раз тот или иной рабочий не выходил на работу по болезни или по случаю «бритья головы». В древнем Египте бывали восстания рабов, во время которых храмы подвергались нападению. «Слушайте, я даю вам свой ответ, — воскликнул Пехор, сын Ментмоса, обращаясь к толпе. — Ступайте наверх, возьмите свои инструменты, разбейте двери и выведите жен и детей. Я пойду впереди вас к храму Тутмоса!» Это происходило, как свидетельствует дневник храмового писца, в 29 г. 10 месяца (декабря).

Другой папирус знакомит нас с требованиями, которые предъявлялись писцам фараона на экзаменах. В одном из заданий предлагалось произвести расчеты строительных лесов для возведения пирамиды длиной 385, шириной 4, высотой 32 метра и рассчитать необходимое количество строительных материалов — дерева, тростника и камня.

Наши инженеры заинтересовались техникой, применявшейся во времена фараонов. Они пришли к поразительным выводам. Измерения, проведенные современными инструментами, показали, что их древние коллеги при сооружении пирамиды Хеопса допустили лишь ничтожные ошибки. Основание пирамиды не совсем точный квадрат — разница в длине сторон составляет около 20 сантиметров; соответственно не все плоскости пирамиды имеют одинаковый угол наклона. Но так как основание пирамиды имеет длину 227 метров, точность, с которой выполнена работа, вызывает уважение: ошибка не превышает одной десятой процента.

Колоссальные массы камня приходилось переправлять на огромные расстояния и поднимать на большую высоту. Подсчитано, что только для сооружения пирамиды Хеопса, имеющей в высоту 146,5 метра, понадобилось 2,59 миллионов кубометров камня. Его очевидно, добывали на противоположном берегу Нила. Каменные глыбы во время паводка по одной переправляли через реку, а затем втаскивали на Ливийское плоскогорье. По сообщению Геродота, специально для этой цели фараон приказал построить широкую дорогу, на что понадобилось десять лет.

Среди восьмидесяти пирамид, сохранившихся до наших дней, есть одна, которая со временем была наполовину

разрушена бедуинами. По этой пирамиде точно установлено, что в ходе строительства проект дважды изменялся. Рядом с пирамидой найдены остатки строительных лесов.

Какими инструментами пользовались строители пирамид? Угольником, утверждают инженеры. Без него строительство подобных сооружений вообще невысказимо. Доказано, что, во всяком случае в 1200 г. до н. э., угольник уже применялся в Египте. Знали там и отвес. Египтяне имели представление о перспективе задолго до того, как в 430 г. до н. э. грек Анаксагор написал свой труд. Вероятно, египетские техники применяли каток, винт и лебедку. Евдокс и Эвклид еще не появились на свет, когда египтяне уже умели приблизительно подсчитывать объем простых тел. Открытие закона рычага, «архимедова» винта, блока, статики твердых и жидких тел приписывают Архимеду, а между тем древним египтянам были известны принципы их действия. Они умели возводить обширные сооружения по заранее сделанным расчетам, например склады, вмещавшие запасы зерна для целых городов. В последние годы стало известно, что фараоны строили также мощные укрепления. В одном из наиболее крупных сооружений такого рода — близ Авариса — мог укрыться гарнизон в несколько тысяч человек. Стена длиной 624 километра связывала это укрепление с городами Пелузием и Гелиополем и служила защитой от набегов соседних сирийских и арабских племен.

Задолго до Рамсеса II в Египте существовало ведомство, которое точно измеряло всю обрабатываемую площадь. Около 2000 г. до н. э. египтяне уже умели определять разность высот точек земной поверхности, осушать болота, строить водохранилища и каналы. Чтобы сделать Нил судоходным, в обход первых водопадов был прорыт канал длиной около 80 километров; другой канал длиной 300 километров связывал Спут с Эль-Файюмом. Поблизости от него Аменемхет III построил плотину и большой водоем. В течение многих веков существовал, очевидно, канал на месте нынешнего Суэцкого канала.

ПИСЕЦ И БИБЛИЯ

До нас дошло наставление чиновника при землемерном ведомстве писца Аменемопса своему сыну, в котором он дает ему отеческие советы. «Никогда не опускай перо в

чернильницу с целью повредить другому человеку. Не передвигай пограничные камни. Не подделывай меры и веса и не бери взяток. Суди справедливо, не обижай слабого в пользу богатого и не отказывай тому, кто плохо одет... ибо это не твоя заслуга, что тебе живется лучше, чем ему. Бог любит больше того, кто приносит радость бедному, чем того, кто чтит знатных».

Тот, кто сравнит папирус Аменемопы и Библию, испытает радость открывателя. Так, египетский писец начинает свое письмо словами: «Склони уши свои, слушай слова мои и обрати сердце свое к тому, чтобы их понять». А в притчах Соломона мы читаем: «Приклони ухо твое, и слушай слова мудрых, и сердце твое обрати к моему знанию».

В другом месте еврейский переводчик изменил текст, так как ему не понравились слова: «богатство, нажитое неправедными путями, уходит в землю или обретает крылья и подобно гусю поднимается на небо». И текст Библии по сей день гласит: «Устремишь глаза твои на него и — его уже нет; потому что оно сделает себе крылья и как орел улетит к небу».

Таким образом, как мы видим, христианские принципы были созданием не только Запада. Многое, и может быть, отнюдь не маловажное, пришло из Африки; той самой Африки, которая якобы не внесла ничего в мировую культуру, «которая всегда лишь получала, не давая ничего взамен».

Египет в древности был великим и могущественным государством Африканского материка. Границы его власти в период высшего расцвета простирались до среднего течения Евфрата и Босфорского пролива. Он поддерживал оживленные торговые сношения со всеми известными тогда народами, в том числе с хеттами, критянами, с Эгейским архипелагом и Месопотамией.

ЗАГАДКА МЕРОЭ

Мудрость — не лекарство для
принятия внутрь.

Конголезская поговорка

КАМЕНЬ ОСТАЛСЯ ЛЕЖАТЬ

Это происходило в сороковые годы прошлого века. Уже много дней длилось путешествие по Нубийской пустыне на мерно покачивающихся спинах верблюдов. Сначала путь вел вдоль Нила мимо деревушек и одиноких укреплений с высокими сторожевыми башнями, и зеленые полосы его берегов все время виднелись на горизонте; затем путники двинулись вековыми караванными путями по степному плоскогорью, однообразие которого лишь кое-где нарушалось кустами и отдельными акациями.

В этом отдаленном краю, где можно встретить бедуинов, которые гонят своих верблюдов к ближайшему колодезю, караван однажды натолкнулся на таинственные развалины древнего города. Между огромными каменными плитами, оставшимися от разрушенных храмов, повсюду в песке валялись осколки цветной керамики и куски расколотых статуй. Земля, сколько хватало глаз, была усеяна обломками.

Цель достигнута! Рихард Лепсиус отметил этот радостный день в своем путевом дневнике. Был 1844 год. Уже двадцать лет в ученом мире знали о существовании этих развалин, но еще никто не взял на себя труда исследовать их ближе. И вот Лепсиус решил заняться ими.

Дни и недели протекали в напряженном труде. Участники немецкой исследовательской экспедиции, которая три года шла сюда по долине Нила, изучили предметы, лежащие на поверхности, точно измерили их, сделали зарисовки и тщательно скопировали надписи.

Незадолго до отъезда Лепсиус в раздумье остановился перед развалинами каменной стены. Опытным глазом археолога он определил по формам и линиям рельефа, что перед ним остатки древней культуры, носители которой не

были египтянами, хотя и испытали египетское влияние. Но какой народ мог построить эти храмы? И когда? Ответить на эти вопросы придется, вероятно, последующим поколениям, сказал себе ученый. Осторожно положил он поднятый им камень на прежнее место: на нем можно было различить надпись, сделанную странными, незнакомыми знаками, непохожими ни на какие другие и потому не поддающимися расшифровке.

Через несколько лет после возвращения на родину Рихард Лепсиус, профессор египтологии Берлинского университета, издал двенадцатитомный труд «Памятники Египта и Эфиопии». Это издание стало основой для любого научного исследования, без него до сих пор не может обойтись ни один специалист.

ПОГРЕБЕНЫ В ПЕСКЕ

Прошло сто лет. Много воды утекло за это время в Ниле, многое в мире изменилось. Но в Мусавват-эс-Суфра — так суданцы называют развалины, найденные в засушливой степи, — все оставалось по-старому. Камни и керамические осколки продолжали лежать там, где их оставил Лепсиус. Никто не проявлял к ним интереса — ни кочевники, каждый день проходившие мимо, ни ученые.

Однако в университете им. Гумбольдта не забыли о сообщении Лепсиуса. В то время как в Берлине готовились к празднованию 150-летнего юбилея этого научного и учебного центра, около руин снова появилась немецкая экспедиция. Ее задача — продолжить прогрессивные традиции германской египтологии и в то же время помочь молодой Африке в изучении ее истории.

В наш век техники люди путешествуют быстро. Расстояние от Берлина до суданской столицы Хартума самолет покрывает в один день. И на древних караванных тропах автомобиль все чаще заменяет верблюда. За несколько недель экспедиция профессора Хинце проехала в джипах шесть тысяч километров. И это в такой местности, где нет дорог и водитель ведет машину по компасу!

Экспедиция посетила места, где раньше были обнаружены находки, и сама сделала много новых открытий; они позволяют предположить, что когда-то эта страна была плодородной и густонаселенной.

Снова измеряли, фотографировали, снимали на кино- пленку... На тысячах снимков, в качестве трофеев научной разведки доставленных в Берлин, можно увидеть остатки стен и внушительных колонн, которые украшены изображениями богов, грифов, крылатых змей и царей, сидящих верхом на львах и слонах.

Здесь, в треугольнике, образованном Нилом и его притоком рекой Атбара, две тысячи лет назад находился центр африканского государства, сыгравшего большую роль в развитии всего континента. Это государство получило название Мероэ по имени столицы, развалины которой погребены в песке.

Профессор Хинце посетил около сорока мест, где были обнаружены находки, однако его неизменно влекло к Мусавварат-эс-Суфра, который сто лет назад посетил и описал Лепсиус. Хинце также поднял камень со странной надписью и попытался прочесть ее, но слова ничего ему не сказали: с тех пор как в 1910 г. англичанин Гриффит расшифровал непонятные знаки, мы знаем алфавит языка Мероэ, но не можем его понять, ибо его словарь и грамматика до сих пор неизвестны.

Что знаем мы вообще о Мероэ? Пока что еще очень, очень мало, хотя больше того, что древнегреческий летописец Геродот узнал от египетских жрецов 2400 лет назад.

«Идя дальше этого города [Мероэ], — писал Геродот, — мы спустя такое же время, пятьдесят шесть дней, в какое от Элефантины дошли до метрополии эфиопов, приходим к „перебежчикам“. Перебежчики эти называются асмах — египетское слово, по-эллински означающее „стоящие по левую руку царя“. Это были египетские военные люди, в числе двухсот сорока тысяч отложившиеся от египтян и перешедшие к эфиопам по следующей причине: при царе Псамметихе они составляли в городе Элефantine гарнизон против эфиопов... Египтяне прослужили три года в гарнизоне, и никто не сменял их; тогда они обсудили свое положение и по общему решению отложились от Псамметиха и перешли в Эфиопию... Затем они пришли в Эфиопию и передались во власть эфиопскому царю, а гот наградил их так: некоторые из эфиопов были с царем во вражде, он предоставил египтянам изгнать их, а земли заселить самим. С переселением египтян к эфиопам эти последние стали более благодущны, усвоивши себе египетские нравы. Таким образом, Нил известен на протяжении четырехмесячного

пути по воде и суше, не считая части реки, протекающей по территории самого Египта».

Не больше, чем Геродот, смогли сообщить и разведчики, направленные императором Нероном, чтобы подготовить его легионам путь в глубь Африки.

КЛЮЧ К РАЗГАДКЕ — В СУДАНЕ?

Теперь уже твердо установлено, что Мероэ было одним из древнейших африканских государств. Можно также определенно сказать, что тот, кто проникнет в историю этого государства, найдет, вероятно, ключ к сокровищнице африканского прошлого, до сих пор еще не полностью открытой.

С незапамятных времен в Судане скрещивались пути, соединявшие север и юг, восток и запад, по которым проходили целые народы. С незапамятных времен здесь вступали в соприкосновение и взаимодействие различные расы и культуры. Судан служил связующим звеном между миром Средиземноморья и тропической Африкой, своего рода перевалочным пунктом, откуда люди, товары и идеи растекались в разные стороны.

Кто владеет Суданом, тот владеет Африкой — так обычно говорили англичане, управлявшие из Хартума. Эта истина в приложении к нынешним историкам звучит так: кто узнаёт историю Судана, тот поймет историю всего континента. Любопытный факт: в поисках следов прошлого археологи ископали землю во всех концах света, за исключением Африки. Они полагали, что здесь открывать нечего. Положение изменилось в последнее десятилетие, когда такие люди, как француз Анри Лот, принялись за изучение древних наскальных рисунков в Сахаре, а английские историки начали раскопки в Нигерии.

Удовлетворенный результатами рекогносцировки, профессор Хинце как-то раз поднялся на земляную насыпь высотой восемь метров, которая кольцом опоясывает площадь около 150 метров. Сверху ему открылся вид на развалины, простирающиеся, по-видимому, до самого подножия гор, которые виднеются на горизонте.

Стоит ли начинать раскопки здесь, в Мусавварате? Многие говорят в пользу этого. Прежде всего эта земляная насыпь, которая в прошлом, безусловно, достигала 20 мет-

ров в высоту. Она окружала водоем, или *хафир*, как говорят суданцы; в нем накапливалась дождевая вода в таком количестве, что ее хватало для снабжения двадцати тысяч человек. Но что могло заставить такое число людей поселиться в засушливой степи вдали от Нила? Этот вопрос — один из тех, которые еще предстоит решить. В Мусавварат-эс-Суфра есть и другие загадки. Например, чем объяснить, что развалины занимают столь большую площадь? Когда была построена столица Мероэ и сколько времени она существовала? Наконец, именно здесь можно надеяться найти что-нибудь вроде «розеттского камня» — камня с многоязычной надписью, которая могла бы помочь расшифровке памятников Мероэ.

Мусавварат обладает, однако, и множеством минусов. Это отдаленность от населенных пунктов, трудности, сопряженные с транспортом и доставкой оборудования, необходимого в нынешнее время для археологических изысканий. Питьевую воду и продовольствие сюда приходится доставлять за 40 километров из провинциального города Шенди.

Однако Хинце, отбросив сомнения, принял решение: раскопки будут проводиться здесь. Он, конечно, не мог знать, что в ближайшее время его ожидает успех, который поразит специалистов всего мира.

Два года спустя, в апреле 1960 г., бедуины, гнавшие верблюдов на водопой в Вади-Адабет, были поражены. Долина Мусавварат стала неузнаваемой: возле стен и остатков колонн древних храмов вырос целый город палаток. За оградой стояли машины и автомобили. Повсюду бегали овцы и куры: это запасы продовольствия на несколько недель — под открытым небом их держать удобнее, чем в холодильнике. Первая суданская археологическая экспедиция, прибывшая из Германской Демократической Республики, разбила лагерь.

Раскопки требуют большого труда. Археологи наблюдают за тем, как копают землю и в ведрах уносят прочь. Это означает, что ученым приходится стоять под палящим солнцем и провожать глазами каждый удар лопаты, каждый камень, сдвинутый с места. Ведь то, что разрушат или не заметят, будет утрачено навеки. Кроме того, надо делать снимки, выбирая для этого подходящий момент, ибо храм не передвинешь в другое место, а некоторые надписи можно прочесть лишь при определенном освещении; надо тща-

тельно нумеровать все находки и уточнять отметки на картах... А тень при этом отбрасывает только пробковый шлем!

БОЛЬШАЯ УДАЧА

Этот день ничем не отличался от других. Ученые находились на месте работ и рассматривали раскопанные накануне части храма. К общей радости выяснилось, что это сооружение, обнаруженное под кучей обломков, которые не привлекли к себе большого внимания, сохранилось настолько, что его можно полностью восстановить. В результате бури или землетрясения стены его рухнули таким образом, что рельефы оказались прижатыми к песку и без всяких повреждений пролежали много веков.

Камень за камнем появлялся из песка. Как при игре в кубики, на доске архитектора части складывались одна с другой. Наконец можно было увидеть рельеф в целом. Он изображал жертвоприношение: царь подносит своему богу богатые дары. Имя бога ученые уже знали: Апедемак, львиный бог Мероэ. Безымянный художник изобразил его в виде человека с головою льва. Но кто царь?

В то время как археологи лопаткой и кистью очищали рельеф, их взгляд упал на иероглифы. Они поразились: до сих пор здесь находили только мероитские надписи, которые не удавалось расшифровать. Но эти иероглифы читались. Надпись гласила: «О Апедемак»; далее следовал титул царя и его имя: Аракакаман.

Это была большая удача. Наконец ученые смогли определить, когда возник храм, один из самых красивых и хорошо сохранившихся в Судане: около 300 г. до н. э. Очевидно, примерно с этого времени искусство Мероэ начало обособляться от искусства Египта и пошло своим путем. Это открытие имело огромное значение для истории искусства.

Мусавварат переживал радостный день. Усилия людей были богато вознаграждены. Они нашли больше, чем даже могли ожидать.

Все последствия и значение находки пока еще трудно было оценить. Ближайшие дни принесли новые неожиданные успехи.

Один из членов экспедиции телеграфировал на родину с просьбой проверить, какие землетрясения были засвиде-

Скульптурные изображения голов баранов и львов из храма львов (государство Мероэ)

Рельефный портрет правителя государства Мероэ, по приказу которого был воздвигнут храм львов

тельствованы в эпоху Мероэ. Ответ не заставил себя ждать: в Судане землетрясения отмечены в 100 и 21 г. до н. э., а затем в 221 г. В одну из этих дат мог погибнуть храм, а может быть, и весь район Мусавварата. Следовательно, город существовал на протяжении многих веков.

Это опровергает мнение некоторых американских ученых, которые несколько лет назад посетили царские гробницы в Мероэ и заявили, что сооружения Мусавварата «были воздвигнуты только во славу богов, но никогда не были обитаемы».

ОТКУДА ПОЯВИЛСЯ ГОРН?

Экспедиция нашла и каменоломню, где добывался строительный материал для храмов и дворцов. Там еще лежали почти законченные колонны с такими же знаками каменотеса, какие можно было найти на зданиях. Археологам впервые удалось восстановить крышу античного храма, так как все ее части хорошо сохранились.

Внутри раскопанного храма археологи нашли остатки листового золота — следовательно, крыша была позолочена. Из-под песка они извлекли бокалы, керамические изделия и даже черепки китайского фарфора. Очевидно, люди Мероэ владели гончарным искусством и поддерживали торговые связи, которые простирались до Китая.

Но особое ликование вызвал маленький железный горн, который лежал в храме рядом с цветными стеклянными бусами и бронзовыми статуэтками. В Египте той эпохи железо было мало известно, там употреблялась только бронза. Неужели остальная Африка опередила в своем развитии страну в долине Нила? Чтобы ответить на этот вопрос, профессор Хинце отправился к развалинам Мероэ.

АФРИКАНСКИЙ БИРМИНГЕМ

На расстоянии одного дня пути от Мусавварата Нубийская пустыня скрывает под развалинами богатства города, который когда-то был столицей царства Мероэ.

В начале этого века один английский ученый начал здесь пробные раскопки; возле одного из храмов он натолкнулся на груды шлака: перед ним, бесспорно, были отходы

железной руды. Ученый приказал убрать шлак, так как его интересовали лишь изображения богов и духовный мир жителей Мероэ, а не их материальная культура. Об этом теперь нельзя не сожалеть. Ведь вместе со шлаком погибла большая часть древнейшей плавильной печи.

Немецкие археологи снова исследовали эти места и снова нашли древнюю установку для добычи железа. Специалисты могут даже восстановить устройство печи и расположение в ней воздухопроводов. Впоследствии находки помогут ответить на вопрос, кто у кого в прошлом воспринял умение выплавлять железо и технические методы.

«Мы можем с уверенностью утверждать, — писал известный ученый Дюбуа, — что в те времена, когда наши предки употребляли еще каменные или в лучшем случае бронзовые орудия, африканцы уже выплавляли железо. Возможно, их раса внесла более важный вклад, чем другие, в развитие металлургии».

Историки когда-то называли Мероэ «африканским Бирмингемом». Действительно, кучи отработанной породы встречаются там часто. Возможно, и леса-то исчезли именно потому, что огромное количество деревьев сжигалось в топках печей. Однако эта и другие загадки материальной культуры царства Мероэ найдут свое разрешение лишь после того, как будут раскопаны не только храмы, но и городские развалины Мусавварата. Эту задачу профессор Хинце считает целью следующей экспедиции.

РАБЫ, ЗОЛОТО И СЛОНОВАЯ КОСТЬ

Плавильные печи могли появиться лишь в результате длительного развития организованного человеческого труда. И государства также возникали лишь на исторически подготовленной почве. Поэтому, чтобы проникнуть в тайну Мероэ и понять значение этого государства для Африки, необходимо знать историю Судана. Что же мы знаем о ней?

Древние египтяне окрестили Судан «страной Куш». Греки называли его Эфиопией. Арабы дали стране имя, существующее поныне: Судан. Значение всех этих названий одно: страна черных.

Еще пять тысяч лет назад фараоны посылали армии наемников, чтобы подчинить Судан своей власти. Эта страна играла для них такую же роль, как Сибирь когда-то для

русских царей: была доступным и близким источником сырья, а возможно, и местом изгнания. Отсюда доставлялись рабы, отсюда в казну фараонов текли золото и слоновая кость. А тот, кто господствовал на караванных путях в этой стране, тот скорее всего властвовал и над таинственной Внутренней Африкой.

Вместе с наемными войсками фараонов двигались чиновники, торговцы, ремесленники, а за ними следовали жрецы, которые приносили с собой египетских богов и иероглифы. Судан был «египтизирован», но отнюдь не без борьбы: люди никогда не соглашались стать рабами без сопротивления. В процессе этой борьбы, возможно около трех тысяч лет назад, в Судане возникло первое государство со столицей в Напате.

В ПОИСКАХ ЗОЛОТЫХ ЦЕПЕЙ

Когда в начале VI в. до н. э. персидский царь Камбиз покорил страну в долине Нила, он услышал чудеса о Судане. Там, говорили ему, такой здоровый климат, что люди доживают до ста двадцати лет, а страна так богата, что даже цепи пленников выкованы из чистого золота.

В 525 г. персидский царь направил в Напату своих послов с подарками, однако они не были приняты. Суданский царь обратился к гостям с такой речью: «Персидский царь послал вас ко мне с дарами не потому, что считает важным для себя союз со мною; вы сами говорите неправду, потому что пришли в качестве соглядатаев в мои владения, и тот человек, который послал вас, бесчестен. Если бы он был честен, то не добивался бы обладания другой страной кроме своей и не искал бы порабощения народа, не причинившего ему никакого вреда». Так сообщает Геродот.

Камбиз страстно желал одного — захватить Судан, и ничто не могло его остановить. Он направил свои войска против Напаты, но песчаные бури, голод и жажда унесли в могилу почти всю его армию.

Позднее столица государства была перенесена южнее, в Мероэ. Господство персов в Египте имело и другие последствия: между 500 и 350 гг. до н. э. египетское влияние все более слабело и в стране Мероэ сложилась самобытная африканская культура. В это же время жители Мероэ отказались от египетского иероглифического письма, которое

было ранее в употреблении. Возможно, что царь Эргамен, широко образованный человек, ввел алфавит, состоявший из двадцати трех букв. Кроме того, были введены интервалы между отдельными словами и гласные. Мы можем читать эти письмена, но не понимаем их, ибо язык нам неизвестен. Во всяком случае с египетским языком у него нет никакого сходства.

Кто основал царство Мероэ, какой народ его населял? До сих пор никто еще не ответил на эти вопросы. Твердо установлено лишь, что история внутриафриканского государства, поддерживавшего связи с Египтом, Эфиопией и Римом, была полна превратностей.

Его расцвет относится к периоду с IV в. до н. э. до II в. н. э. Когда оно прекратило существовать — неизвестно. Можно предположить, что оно пало жертвой вторжений. Из надписи на камне, найденном в Эфиопии, следует, что в 350 г. царь Аксума предпринял поход в страну Куш, уничтожая по пути города из камня и соломы: возможно, это и были города Мероэ. В VII в. в Нубии возникло царство Мукурра — христианское рабовладельческое государство; такое же государство под названием Алоа возникло и на территории Мероэ. Оно существовало до XV в. К этому времени ислам окончательно восторжествовал здесь над христианством, и на месте прежних государственных образований возникли исламские султанаты.

МИР МАГРИБА

Магриб — это птица,
Туловище ее — Алжир,
Крылья ее — Тунис и Марокко.

*Североафриканская
поговорка*

НАЗВАНИЯ СОХРАНИЛИСЬ

Земли от Ливии до Атлантического океана и от Средиземного моря в глубь Сахары считают своей родиной берберы. Когда-то они себя называли «мазиг», что означает «свободный человек». В надписях, относящихся еще к третьему тысячелетию до н. э., египтяне с уважением и даже отчасти со страхом отзываются о сильных и воинственных смуглых техену, живших к западу от них. Позднее встречаются упоминания о племенах темху — также рослых людях, но с несколько более светлой кожей. Надписи о победах фараонов Мернепта и Рамсеса III сообщают о набегах этих племен из Ливии — так тогда назывались все страны Северной Африки к западу от Египта. На первом месте были перечислены вожди племени, которое египтяне называли «машауаша» и которое стало настолько могущественным, что объединило в антиегипетский союз почти все народы Средиземного моря — критян, филистимлян, шардан, этрусков...

Греки считали горы Северной Африки концом света и садом богов. По их поверьям, там жил великан Атлас, который держит на своих плечах небесный свод. Жителей Северной Африки древние греки называли атлантами, т. е. детьми великана Атласа. В названиях Атласских гор и Атлантического океана память о греческих великанах живет и поныне. Названия сохранились, но греческая колонизация надломилась, натолкнувшись на сопротивление мазиг.

Финикийцы, упорно двигавшиеся на запад, в 814 г. до н. э. основали недалеко от нынешнего Туниса поселение, которое начало быстро развиваться; все остальные финикийские колонии в Африке были вынуждены ему подчиниться. Это был Карфаген, или, как его называли финикийцы, «Карт Хадашт» («Новый город»). Карфаген держал в своих руках всю средиземноморскую торговлю. Его колонии находились на территории нынешних Алжира и Туниса, в Сицилии, на Корсике и Сардинии, а позднее также в Испании.

Карфаген представлял собой выдвинутый вперед форпост Ближнего Востока. Он никогда не переставал считать себя сыном метрополии — Тира, и тирский бог Мелькарт регулярно получал жертвенные дары из Карфагена. Однако среди населения Карфагена преобладали мазиг, т. е. берберы. Хотя они охотно принимали пуническую религию и культуру, язык и образ жизни карфагенян, хотя некоторым из них даже удавалось стать в карфагенских войсках крупными полководцами, они никогда не переставали быть африканцами и противиться чужеземному господству финикийцев. В борьбе против Карфагена образовалось два больших берберских царства: Нумидия, охватывавшая нынешние Восточный Алжир и Южный Тунис, и Мавритания, в которую входили Западный Алжир и Северное Марокко.

СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ ФЛОТ БЕРБЕРОВ

Цирта, резиденция нумидийских царей, блистала праздничным убранством. Царь Масинисса (238—149 гг. до н. э.), который в течение нескольких лет занимал трон Нумидии, разослал гонцов во все концы своего могущественного царства с вестью, что при дворе ожидают высших сановников и иностранных послов. Это была та пора года, когда под жарким солнцем созревает богатый урожай, и жители Северной Африки радостно благодарили богов, устраивая пышные празднества. Царь принял своих гостей в большом зале нового дворца. Никто не знал, зачем их вызвали. Масинисса восседал на троне с лавровым венком на голове. С невозмутимым выражением лица смотрел он выступления борцов и танцовщиц, слушал певцов и поэтов, которые славил царя и богов, воспевали подвиги и трудолюбие нумидийцев.

Когда закончилось последнее выступление, Масинисса поднялся со своего места. Лицо его было серьезным, в глазах сверкала решимость. Он поднял руки, и мгновенно воцарилась тишина.

— Используя наши раздоры и слабости, враг грозит границам Нумидии, Рим и Карфаген борются за обладание нашим отечеством,— начал Масинисса, обращаясь к послам, чиновникам и придворным.—Мы недостаточно прислушивались к голосу богов и не следовали их воле. Но теперь боги открылись нам, их слова горят в наших сердцах. Так слушайте ныне весть богов, которая является и нашей волей: Нумидия должна стать могущественной и свободной. У нее будет много судов, которые отправятся торговать в дальние страны и защитят нашу страну. Никакие распри не должны более разделять племена, их объединят трудолюбие, искусство и науки. Пусть трубят в горны, пусть реют флаги, чтобы годные к воинской службе мужчины явились на сбор: для охраны наших границ мы создадим армию. Нога врагов не коснется нашей земли. Знайте, что отныне родина наших отцов будет принадлежать не Риму и не Карфагену, а народам, населяющим Нумидию и Мавританию.

Масинисса вобрал в легкие воздух, его лицо горело от возбуждения, он воскликнул:

— Вы, знатные люди, идите домой и шлите сюда. к берегу моря, строителей для сооружения судов. Пусть художники высекут эту весть на стенах храмов. Пусть народ распашет новые земли, как это делали мы, когда создавали образцовые имения; ибо лишь оседлый и зажиточный народ может дагь отпор врагу. А вы, послы, сообщите вашим повелителям о том, что услышали здесь.

Взоры всех присутствующих были прикованы к Масиниссе, с каждым его словом их уважение к нему возрастало. Иностранные послы в задумчивости молчали: впервые мир услышал, что Африка принадлежит не карфагенянам, римлянам или другим иноземным пришельцам, а самим африканцам.

Нумидия превратилась в могущественное царство. Огромные области были распаханы. На монетных дворах Масиниссы стали чеканить деньги с изображением дпидеи и лаврового венка, что способствовало росту торговли. Из вооруженных кочевников была создана дисциплинированная армия, а нумидийский военный флот, первый в исто-

рии берберов, охранял берега. Цирта превратилась в важнейший политический центр Северной Африки.

Тем не менее за шестьдесят лет царствования Масинисе так и не удалось осуществить свою главную политическую задачу — завоевать Карфаген и сделать его столицей Северной Африки. Между тем римские легионы готовились к последней и решающей схватке со своим великим соперником; Рим решил любыми средствами добиться того, что ему не удалось 115-ю годами ранее: окончательно уничтожить Карфаген. В 146 г. до н. э. после трехлетней осады Карфаген был сровнен с землей. Владения Карфагена (на территории нынешнего Туниса) стали римской провинцией под названием «Африка». Царства Мавритания и Нумидия попали в зависимость от новой мировой державы — Рима, которая стремилась всю Северную Африку превратить в свою колонию.

НЕСГИБАЕМЫЙ ЮГУРТА

Был 104 г. до н. э.; уже семь лет нумидийские племена с огромным мужеством сопротивлялись римским легионам Мария и Суллы. Но в конце концов остатки легионов с триумфом вступили в Рим. По обеим сторонам широкой дороги к Капитолию выстроились толпы людей. Народ не хотел лишиться себя развлечения, которое пообещал ему Марий, — увидеть пленного нумидийского царя Югурту, посмеявшегося воспротивиться великому Риму и разбить римское войско, увидеть человека, которого сенат объявил кровавым узурпатором.

Марий выступал в обычном роскошном одеянии римских полководцев. За его колесницей в тяжелых цепях следовал Югурта и двое его сыновей. По толпе пробежал шепот изумления: перед римлянами был не дикий нумидиец, и ничто в пленнике не выражало смирения. Лицо с высоким лбом и энергичными чертами излучало ум, благородство и энергию. С поднятой головой Югурта шагал через толпу. При каждом его движении звенели цепи. Длинное царское одеяние скрывало шрамы от ударов плетью. Но сила его духа не была сломлена. На знатных римлян, которые велели поднести свои носилки поближе к нумидийцу, он бросал взгляды, полные ненависти. На Капитолии за ним захлопнулись тяжелые железные двери

тюрьмы. Когда в подземной темнице ликторы * сорвали с него украшения и одежду, он гневно воскликнул:

— Вы зовете нас варварами, дикарями, но ведь это мы создали богатства и блеск Рима. Вы ненасытны. Может быть, еще много лет сотни тысяч ливийцев будут для вас, как когда-то для Карфагена, строить пруды, плотины, акведуки и каналы, сооружать великолепные храмы и крепости, прокладывать дороги... Но помните — строите не вы, а народы Ливии. Придет время — ваши победы приведут вас к гибели ранее, чем вы это поймете, ибо могущество ослепит вас.

Саллюстий написал о Югурте целую книгу и увековечил его речи. Со смертью Югурты окончилась последняя в древности попытка объединить Северную Африку для отпора завоевателям. Но Югурта оказался прав. Берберские племена выдвинули ряд крупных деятелей, игравших большую роль в римской истории: Люсий Квиет стал генералом конницы при императоре Траяне, знаменитый юрист Сальвий Юлиан по поручению Адриана произвел реформу римского права; берберы заседали в сенате и были римскими консулами; Септимий Север первым из уроженцев Африки поднялся на императорский трон (193—211 г.). Но хотя на протяжении четырех веков североафриканские страны носили названия римских провинций — Африка, Нумидия, Мавритания, однако берберы, как свободные, так и рабы, многочисленными восстаниями подрывали римское господство.

В IV в. вся Северная Африка была охвачена восстанием ливийских племен. Восставшие называли себя агонистиками — борцами за истинную христианскую веру. Имения римской знати были уничтожены, долговые письма крестьян сожжены, рабы получили свободу. Восстание продолжалось почти 80 лет и нанесло сокрушительный удар римскому господству. Римляне были вынуждены отступить из Северной Африки под натиском вандалов, которых позднее оттеснили византийцы.

По истечении столетий о господстве карфагенян, римлян, вандалов и византийцев напоминают только развалины. Завоеватели не оказали длительного влияния на североафриканцев, которых они называли ливийцами, мав-

* Низшие должностные лица в Древнем Риме, в обязанности которых входило приведение приговоров в исполнение.

рами, нумидийцами, варварами и в конце концов берберами. Чужеземное господство разбилось о сопротивление африканцев. Только одно завоевание привело к глубоким изменениям в жизни населения: подчинение Северной Африки власти халифов.

ПОБЕДНОЕ ШЕСТВИЕ САРАЦИНОВ *

Лишь через двадцать четыре года после подчинения Ливии эмиром Абдаллой, полководцем третьего „правоверного“ халифа Османа — завоеватели достигли границы Туниса. В этот промежуток времени были убиты два халифа и арабам пришлось отступить. Только в 660 г. начали они новый поход на Северную Африку, получивший на Западе название «победного шествия сарацинов». Полководец Окба ибн-Нафи должен был осуществить завет пророка — пронести через всю Северную Африку его зеленое знамя как символ победоносного ислама, который арабы задумали распространить огнем и мечом. В действительности арабских кочевников манили обширные плодородные земли Северной Африки, а арабских купцов — богатые византийские города на побережье Средиземного моря. Ислам служил лишь религиозным предлогом для завоевания.

Бесконечные колонны арабских войск уже в 683 г. достигли южных отрогов гор Высокого Атласа, а на равнине Сус — Атлантического океана. Прошло еще несколько десятилетий, прежде чем арабские завоевания завершились: к началу VIII в. вся Северная Африка перешла под власть ислама. Его успех объясняется тем, что арабам удалось привлечь на свою сторону большинство берберских племен. В то время среди берберов различались два главных племени — зената и санхаджа: первые были кочевниками и обитали в степях, оазисах и полупустынях на территории от Триполитании до Марокко; большинство санхаджа, населявших Марокко, Кабилию и марокканскую часть Сахары, вели оседлый образ жизни и занимались земледелием. Берберы группы масмуда, самой известной в племени санхад-

* Упоминаемое англичанами авторами кочевое племя в Аравии. В средние века христиане распространили название «сарацины» на всех арабов, а затем на всех мусульман вообще.

жа, умели кроме того обрабатывать железо и медь, славились своим ювелирным искусством.

Однако при всех своих различиях эти племена, существовавшие независимо друг от друга, по укладу жизни походили на арабов. Именно поэтому берберы быстро подчинились арабскому влиянию и приняли мусульманство. Учение ислама было им ближе, чем христианство. Благодаря тому, что ислам не знает расовых предрассудков, берберские племена достигли при нем небывалого расцвета. Помимо письменности и литературы ислам принес жителям Магриба новые методы ведения сельского хозяйства и новые культуры, в частности сахарный тростник, хлопок и рис.

В ТЕНИ ДЖАМА СИДИ ОКБЫ

Потребовалось немного времени, чтобы в Северной Африке стерлись все следы латинской культуры и христианства. Вскоре после завоевания Северной Африки на ее монетах появился девиз ислама: «Нет бога кроме Аллаха, и Магомет — пророк его».

Однако настоящая арабизация берберов началась лишь в XI в., после массовой иммиграции арабских племен хилаль и сулейм. Пришельцы смешались с берберами, населявшими территорию нынешних Туниса и Алжира, и те восприняли язык и обычаи арабов. Но 200 тысяч переселенцев — ничтожное число по сравнению с 10 миллионами берберов, и, конечно, арабы не могли коренным образом повлиять на состав населения. Непрístupные горные области и большая часть Марокко не были затронуты завоеванием: там племена берберов сохранили свой язык и свои обычаи.

Переселение XI в. определило облик Северной Африки. Ислам придал стране восточный колорит. Современная Северная Африка сформировалась в результате арабской иммиграции и порожденных ею вековых традиций. Ее религиозным и светским центром на много столетий стал Кайруан — Мекка Северной Африки.

В степи, на том самом месте, где Окба ибн-Нафи приказал разбить палатки своей армии, выросли толстые стены самого старого арабского поселения Северной Африки — Кайруана. Там, где зубчатые стены сходятся острым углом на фоне голубого неба, высятся купола и минарет великой

мечети — Джама Сиди Окба. Минарет напоминает христианские колокольни древней Сирии. Пятьсот гранитных и мраморных колонн, доставленных из Суса (бывшего Гад-румета) и разрушенного Карфагена, поддерживают мечеть. Она стояла уже 200 лет, когда в Европе был построен первый собор. Из года в год, как и теперь, тысячи паломников шли не в Мекку, а в священный город Кайруан, который уже через несколько десятилетий приобрел мировую известность и стал у мусульман считаться одним из четырех врат рая.

ЕВРОПЕЙЦЫ УЧИЛИСЬ В МАГРИБЕ

В Северной Африке, которую арабы называли «Магриб» *, что означает «Запад», сложилось своеобразное берберо-арабское искусство, получившее у историков название мавританского стиля. Во всех странах Магриба дети посещали «мактаб» — начальную школу, которая давала основы знаний. Те, кого готовили к научной или духовной карьере, учились в «медресе» — средней школе. Мировую славу принесли Магрибу его высшие учебные заведения.

В X в., за два века до того как в Европе открыли свои двери первые университеты, был основан один из самых крупных мусульманских университетов — Карауин в Фесе. В нем учились студенты не только из арабских стран, но также из Франции, Италии, Англии и других стран Европы. Вслед за ним были созданы университеты в Марракеше и Тунисе, ставшие потом знаменитыми. Еще в 1800 г. в одном только Алжире было четыре крупных университета — в Алжире, Константине, Тлемсене и Мансуре. Европейским «цивилизаторам», однако, после колонизации удалось превратить Северную Африку в край почти полной неграмотности; в ней остался лишь один университет, да и тот посещали почти исключительно французы.

В странах Магриба многочисленные библиотеки были когда-то заполнены сотнями тысяч красиво переписанных книг в роскошных переплетах; среди них находились переводы Эвклида, Аполлония, Птолемея, Гиппократа, Галена,

* Магрибом чаще всего принято называть западную часть Северной Африки — Марокко, Алжир, Тунис.

Платона, Аристотеля. Процветали искусства, астрономия, физика, химия, математика, медицина и философия. Северной Африке мы в значительной мере обязаны тем, что египетское искусство и греческая философия сохранились для потомков. Даже великие открытия китайских и индийских ученых средневековья дошли до Европы через Северную Африку. Последняя поддерживала связи с самыми отдаленными странами и использовала знания других народов.

Магриб дал миру великого мыслителя и историка Ибн-Хальдуна (1332—1406), выдающегося географа Идриси (1100—1166), смелого путешественника средневековья Ибн-Баттуту (1304—1377). Жизнь и деятельность великого философа-материалиста арабского средневековья Ибн-Рошда, или, как его называют в Европе, Аверроэса (1126—1198), также тесно связаны с Магрибом.

РЫЦАРИ ИЗ КАНО

В 1851 г. немецкий ученый Генрих Барт, путешествовавший в одиночестве, после многих опасных приключений добрался до города Кано, расположенного к югу от гор Аир* и являвшегося центром могущественного государства. Барт едва поверил своим глазам, когда перед ним появились всадники странной внешности: на головах их были островерхие железные шлемы, в руках — круглые щиты, мечи, копья и кинжалы, коней и всадников покрывали панцири. Пока стража впускала его через ворота в мощных зубчатых стенах и провожала во дворец владыки Кано — Осуману, Барт терялся в догадках: «Какое поразительное сходство! Настоящие рыцари средневековой Европы!». Барт внимательно рассматривал всадников: «Несколько столетий назад берберы, жившие на севере континента, вероятно, выглядели именно так. Но берберы здесь — и в таком одеянии! Неужели на них не повлияли события, происходившие на севере? Какая изолированность!».

К удивлению Барта, Осуману оказался весьма образованным человеком и очень гостеприимным хозяином. Барт часто и подолгу беседовал с Осуману, и тот рассказывал ему много интересного об истории Северной Африки. Прибли-

* Горный массив Аир находится в Сахаре.

вительно в 1000 г. берберы вторглись в Сахару. Между ними и местными жителями началась борьба, длившаяся несколько столетий. Около 1150 г. берберский царь Римфа приказал построить Кано. К этому времени ислам уже окончательно вытеснил местный культ. В Кано были воздвигнуты мечети и дворцы. Семь гигантских ворот в стенах города открывали вход в него. Из Марокко и Атласа сюда перебирались ученые, ремесленники, купцы, воины... Кано еще больше расцвел, когда в XIV в. нубийский форпост христианства в Судане был разрушен и ислам Северной Африки получил свободный доступ на юг вплоть до Донголы и Чада и установил контакт с мусульманскими городами-государствами Восточной Африки.

После турецкого завоевания Северной Африки в XVI в. начался упадок древней культуры и литературы Магриба. Наука, некогда стоявшая выше, чем в какой-либо другой стране, застыла на уровне средневековья. Берберские царства на юге Сахары стали распадаться. Связи с Севером ослабли. Когда на побережье Гвинеи появились первые европейцы, торговля с Европой передвинулась туда, в обход берберских государств. Дороги через Сахару, процветавшие в средние века, опустели. После возникновения так называемых пиратских государств, пустыня была окончательно отрезана от Севера, южные берберские племена оказались полностью изолированными. Они цепко держались за остатки старой культуры, неспособной уже более к развитию. Французский колониализм довершил начатое, сохраняя эту изоляцию. Вот и получилось, что берберы, населявшие огромную область Сахары вплоть до Нигера, оказались в стороне от современной культуры.

Они не отказались от древнего берберского языка и доисламской культуры и из всего ислама восприняли только религию.

КОРСАРЫ — ВЛАСТИТЕЛИ МОРЕЙ

В 1504 г. папа римский направил две крупные галеры, вооруженные пушками, в Геную, чтобы доставить оттуда в город Чивита-Веккиа богатую церковную казну. На обратном пути галеры потеряли друг друга из виду, но это не беспокоило капитана судна «Парло Виктор», которое двигалось несколько быстрее. Что может с ними случиться!

Североафриканские моряки уже много лет не показывались в этих водах. В Европе почти ничего не знали о том, что делается в государствах Северной Африки.

Поэтому когда на горизонте появился иностранный галиот * и взял курс на галеру, капитан «Парло Виктор» ничуть не встревожился. Галиот шел очень хорошо. «Толковые моряки», — подумал капитан. Галиот подошел ближе. Но что это? Он прошел наперерез курсу галеры у самого бушприта, затем невероятно быстрым движением повернул на параллельный курс и оказался рядом. Его палуба заполнилась темными фигурами, которые взяли папскую галеру на abordаж, прежде чем итальянская команда поняла, что она — в плену, а судно — в чужих руках. Такая же участь постигла чуть позже и вторую галеру.

Корсары, одержавшие блестящую победу, были с ликованием встречены в Алжире. Когда галиот, ведя захваченные галеры на буксире, вошел в гавань, прогремел салют в честь моряков. Город представлял собой чудесное зрелище. Над гаванью высились арки ворот, стройные, как лилии, башни и купола мечетей ярко выделялись на зеленом фоне предгорий. На широких ступенях тысячные толпы народа приветствовали моряков.

Это был первый удар, который корсары нанесли Европе после 1492 г., когда сотни тысяч мавров, в течение более чем 700 лет считавшие Пиренейский полуостров своей родиной, были изгнаны из Испании и оттеснены в Северную Африку.

Они решили мстить, подрывая богатую испанскую торговлю. Но поскольку открытое нападение на Испанию было им не по плечу, они обратились к партизанской войне, к пиратству, стремясь непрерывными нападениями наносить ущерб противнику и сеять панику на морских торговых путях.

Новое поколение мавров — в Европе их теперь стали называть корсарами или пиратами — постепенно распространило свою организацию на все североафриканское побережье. Уже через несколько десятилетий после захвата папских галер им удалось разбить самый крупный соединенный флот европейских держав, которым командовал генуэзец Андреа Дориа: мавры стали неограниченными хозяевами Средиземного моря. Опорными пунктами им слу-

* Небольшая легкая галера.

жили портовые города Северной Африки, достигшие благодаря этому бурного расцвета.

Алжир был уже к этому времени крупным центром. Корсары гордо называли его «городом свободы». Сюда из внутренних областей Африки бежали африканцы, чтобы под защитой ислама спастись от жестоких царьков и работорговцев. Испанцы, португальцы, итальянцы и выходцы из других европейских стран искали здесь убежища от преследования инквизиции. Все они жили в Алжире как полноправные граждане. Было немало европейцев, которые завоевали глубокое уважение корсаров и участвовали в их организации. В Алжир стекались со всех морей товары, захваченные каперами*: изюм, миндаль, пряности, сахар, шелк, жемчуг Бахрейна, драгоценные камни Индии, золото Востока, персидские ковры, искусные изделия сарацинов из кожи и стали, венецианские украшения, английские ткани и даже гамбургская сельдь. Многие товары подвергались в Алжире переработке и снова отправлялись в путь, теперь уже по обычным торговым каналам.

Корсары с каждым годом расширяли область своей деятельности, им все больше сопутствовал успех. Страховые ставки на суда и грузы повысились в Европе до невероятных размеров. Корсары стали грозой европейских торговых домов. Европе было не под силу бороться с ними ни на море, ни на суше. Постепенно традиционные торговые пути опустели.

Начав с небольшого, корсары стали могучей силой, господствовавшей на море. Французский король Франциск I даже заключил с ними союз против императора Карла V. Пиратство играло важную роль в политике европейских держав, которые дрожали от страха перед корсарами и одновременно добивались их благосклонности.

Благодаря могуществу корсаров странам Северной Африки удалось сбросить турецкое иго, изгнать пашей и добиться независимости от константинопольского султана. Корсары также защитили Магриб от многократных попыток европейских держав захватить богатые североафриканские области.

К началу XIX в. страны Магриба процветали. На приморских землях раскинулись тщательно обработанные вино-

* Частновладельческие вооруженные суда, занимавшиеся грабежом.

градники, оливковые и финиковые рощи. Плоды, которые они давали, вывозились в самые различные страны. Вот что рассказывает о странах Магриба французский географ Розе, совершивший путешествие по Северной Африке.

«На каждой улице множество украшенных замечательными арабесками фонтанов из мрамора или шифера, которые питает водопровод. В толстых городских стенах оставлены проемы, предназначенные для мусора, и власти заботятся об их очистке.

В Алжире любая религия пользуется свободой. Терпимость распространяется даже на иностранные культы. Христианам отведено для церкви помещение в государственном здании; евреям принадлежат десять молелен, из них четыре в пределах города.

Магометане отличаются необыкновенной чистоплотностью. В городе много бань. В одном только Алжире сто общественных и специальных школ. На полях пасутся тучные стада. Каждой семье принадлежит несколько хижин, стоящих посреди садов и огородов; их окружают фиговые деревья, посадки пшеницы, гороха, бобов, картофеля, а также небольшие виноградники. Вся земля обработана. Арабы почти все умеют читать и писать».

ВСАДНИКИ ИЗ САХАРЫ

Учиться в молодости—это значит высекать борозду в камне, учиться в старости — это значит проводить борозду в песке.

Старайтесь свои шалаши отдалять один от другого, а сердца — сближать.

Пословицы туарегов

ЛЮДИ ПОД ВУАЛЯМИ

Белые стены Эль-Мхамида, словно скалы, высятся в песчаном море Сахары. Еще издалека видны пасущиеся вокруг стада верблюдов: сюда, на рынок, расположенный в сердце пустыни, прибывают караваны из Центоальной Сахары и даже из пограничных южных районов. Внутри рынка, в тени сводчатого зала, купцы раскладывают свои товары. Жители пустыни являются в Эль-Мхамид не более двух раз в год, чтобы запастись продуктами и оружием, узнать новости или обратиться к каиду, который представляет в Западной Сахаре власть марокканского короля и приезжает в Эль-Мхамид один или два раза в год из оазиса Дра, где находится его постоянная резиденция.

...Воины у въезда отсалютовали своим оружием уставшего образца, когда каид Седдегг остановился у ворот. Пройдя через площадь, кишевшую народом, он направился к столу, приготовленному для него в прохладном зале. В свите каида находился швейцарский журналист Ганс Циглер, который в это время (1957 г.) совершал поездку по Северной Африке.

Среди ожидавших возникло движение. Первым к столу приблизился высокий крепкий старик. Широкое одеяние скрывало его богатырское тело. Лицо было покрыто темно-синей вуалью, спускавшейся из-под тюрбана такого же цвета. Бен Абделла, повелитель десяти тысяч туарегов, явился со своими одиннадцатью сыновьями — с оружием в руках они застыли за его спиной, — чтобы принести каиду

жалобу на шейха Аит Атта. Разбирательство длилось четыре часа и велось с достоинством, напоминавшим религиозную церемонию. Когда хозяева пустыни мерным шагом покидали зал, посетители Эль-Мхамида почтительно расступились перед ними.

На Циглера появление «синих людей» произвело неизгладимое впечатление. В гордой неприступности туарегов он увидел нечто загадочное. Он написал очерк, который заканчивался следующими словами:

«...„Хозяева пустыни живут вне нашей эпохи. Их заботят лишь разведение верблюдов и извечные проблемы человеческой жизни — рождение, болезни, голод, жажда и смерть. Пустыня — вот их мир. Смотри, швейцарец, будь осторожен: эти люди не принадлежат к нашей расе, не пытайся их понять, и если тебе удастся их сфотографировать, не получив удара ножом в живот, значит, тебе повезло“, — так сказал мне старый еврейский купец и при этом взглянул на песчаное море, где под яркими лучами африканского солнца двигался на восток шейх Абделла во главе своих одиннадцати сыновей и длинного каравана нагруженных верблюдов».

ЛОЦМАНЫ ПЕСЧАНОГО МОРЯ

Неужели туареги действительно столь загадочны, что мы не можем их понять? До того как европейцы впервые увидели их, о племенах туарегов ходили самые странные слухи. Да и позднее путешественники и исследователи давали самые противоречивые отзывы об обитателях пустыни в зависимости от того, какой прием был им оказан. Генриху Барту они показались коварными разбойниками, и он был явно рад, покидая области, населенные туарегами. Вестерман в «Истории Африки» называет их пиратами и «грозою оседлых народов». Француз Дюверье, который первым из европейцев посетил в 1860 г. туарегов Аджжера, изображает их как настоящих рыцарей, гостеприимных и благородных.

При поверхностном суждении туареги могут показаться живущими вне истории, изолированными от других народов. Однако в племенах туарегов скрываются силы, которые когда-то приводили в движение большую часть Африки и даже Европы. Они рано отгородились от европейцев,

так как скоро поняли, зачем приезжают к ним белые путешественники, зачем в их горы направляются вооруженные патрули... Они вели самую ожесточенную борьбу против белых чужеземцев. Об их храбрости, об их походах молва идет от Марокко до Судана, от Томбукту до Нила. На всем этом огромном пространстве — как в прибрежных районах, так и в пустыне — туареги в течение столетий вели войны, разрушали и создавали государства, выступая верными союзниками и защитниками африканских государств, отстаивавших свою независимость.

Более месяца шел Бен Абделла со своим караваном через Сахару, пока снова увидел черные кожаные палатки своего племени в вади Ахаггара. Это нагорье, почти лишенное растительности, вздымается на огромную высоту. Его уходящие в небо вершины покрыты черной корой. Давно застывшая лава и крутые скалы сверкают под лучами беспощадного солнца, заглядывающего в безлюдные пропасти. Камни, которые то накаляются днем, то охлаждаются ночью, с громким треском раскалываются на куски. Ахаггар и два других горных района Сахары — Аир на юге и Тибести на востоке, а также бассейн Нигера от Томбукту до Ниамея являются родиной туарегов. Здесь, в разбросанных далеко друг от друга палаточных поселениях, они ведут спартанскую жизнь кочевников. Природа воспитала их неприхотливыми, а пустыня с ее суровыми условиями существования сделала воинственными.

Всегда ли туареги господствовали в Сахаре? Или до них здесь жили другие племена и народы? И если так, то откуда явились сюда туареги и когда они осели в пустыне? Нет ни письменных, ни устных преданий о их происхождении, об этом молчат арабские и античные историки и путешественники, выступающие в других случаях столь надежными свидетелями. Туареги и сами не могут сказать ровно ничего о том, давно ли их предки начали скитаться по этим скудным пастбищам со стадами верблюдов, овец и коз, давно ли они целыми семьями с палатками и всем домашним скарбом странствуют вслед за своими стадами, лишь во время сезона дождей возвращаясь на место постоянного жительства. Только в легендах и поэзии туарегов есть какие-то смутные намеки на прошлое этого народа.

АХАЛ ЗОВЕТ...

В те ночи, когда полная луна льет свой серебряный свет на скалистые плоскогорья, вдалеке можно услышать ритмичные звуки маленьких барабанов, зовущих к танцу, и мелодичную, часто грустную музыку, исполняемую на однострунном инструменте — имзаде. В такие ночи в поселениях, отстоящих одно от другого на многие километры, молодые туарегские воины вскакивают на белых верблюдах. На левом плече воинов на кожаном ремне — обоюдоострый меч с маленьким крестообразным эфесом. В левой руке — большой, в рост человека, щит из прочной, как железо, кожи антилопы, в правой — двухметровое железное копьё. По приглашению одной из туарегских девиц они отправляются на ахал — состязание в исполнении любовных песен.

Хозяйка ожидает их, сидя вместе с подругами на красочных коврах вдали от палаток; сюда могут приходить даже юноши из чужих племен.

Ахал проводится ныне, как и столетия назад. Этот обычай порожден одиночеством туарегов, желанием отвлечься от однообразной жизни.

Хотя у туарегов в большинстве случаев главенствующая роль в семье принадлежит мужчине, однако еще ощущается влияние матриархата, существовавшего на протяжении тысячелетий. Женщина является центром семьи и общественной жизни. Она — уважаемая госпожа, освобожденная от физического труда. Только она знает древнее геометрическое письмо — тифинаг, которым туареги до сих пор записывают свои песни. Только ей известны гайны целебных растений. После долгих испытаний претендентов на ее руку девушка сама выбирает себе мужа, которого может впоследствии покинуть. Поэтому девушки устраивают ахал.

При приближении всадников они не могут удержать возгласа восхищения. Гибким, почти грациозным шагом верблюды движутся вокруг площадки. Музыка затихает. Слышны только тяжелое сопение животных и их быстрый шаг по утоптанной земле. Внезапно, словно сговорившись, всадники как один спешиваются. Барабанный бой возобновляется, и вскоре кожаные сандалии юношей и девушек начинают отбивать по земле ритм танца.

Красивые лица девушек ничем не закрыты. Они гра-

Tyaper

циозно драпируются в непритязательные белые или темные одеяния без каких-либо украшений, если не считать изящного кинжала, который торчит у некоторых красавиц за поясом. Наоборот, мужчины — они достигают двухметрового роста — выглядят, как сказочные, замаскированные существа: из-под литама — покрывала, закрывающего лицо, — видны только глаза. На руках звенят металлические кольца. После окончания танца все усаживаются полукругом около хозяйки. Один из гостей берет имзад, затем он переходит из рук в руки. Экспромтом рождаются песни о прекрасной женщине, о славном подвиге мужчины, о выдающемся событии... Умение слагать песни — обязательный элемент обучения девушек и юношей. Новые песни возникают каждый день, но лишь немногие из них доживают до следующего ахала. Есть и песни, переходящие от поколения к поколению, как, например, та, что сейчас поет хозяйка.

Выводя заунывную мелодию, она откидывает голову немного назад и закрывает глаза. Наведенные специальным камнем тени под глазами еще более подчеркивают тонкие черты ее лица, которое под ярким светом луны приобретает выражение странной отрешенности. Слушателям начинает чудиться, будто перед ними та самая женщина, о которой поет в ночи хозяйка: Ти-н-Хинан, легендарная праматерь туарегов Ахаггара.

МОГИЛА В АХАГГАРЕ

Туареги рассказывают, что когда-то берберская женщина, принадлежавшая к высшей знати, покинула свою страну: имя ее было Ти-н-Хинан. Она уехала на высоком белом верблюде в сопровождении верной служанки Такамат, и никто не знал, куда она направилась. Сначала все шло хорошо, но путь был долгим и запасы пищи кончились. Однако Такамат, которая выросла в пустыне, знала, как выйти из положения: она отыскала муравейник, внутри которого хранились зерна; этого для Такамат и ее госпожи хватило до самого Ахаггара. Здесь, в краю, который был «страной ужаса» для всех злых и враждебных пришельцев, они остались навсегда, ибо духи, что, извергая громы и молнии, пляшут в горах, отнеслись к ним благосклонно. Здесь они родили детей, положив этим начало великому

племени туарегов. От рода Ти-н-Хинан пошло благородное племя кель-рела, ставшее господствующим в районе Ахагарских гор, от Такамат — племя кель-улли, вассалов.

Ученые вначале не придавали значения этой легенде, пока не узнали, что камень, найденный в окрестностях Абалессы, туареги называют могилой Ти-н-Хинан. Неужели это подтверждение старинной легенды и туареги действительно прибыли в этот район из другого края? Каково же было изумление скептиков, когда в 1926 г. в захоронении действительно нашли скелет женщины и предметы, указывающие на ее высокое положение.

От путешественников древнего и нового времени до нас дошло множество самых фантастических сведений о туарегах, о происхождении этих загадочных жителей пустыни. Открытие в Абалессе еще более все запутало. Одни считали туарегов потомками древних египтян, другие видели в них погомков викингов, вандалов и даже крестоносцев — ведь у туарегов светлая кожа, а у некоторых племен белокурые волосы и голубые глаза. Были среди ученых и такие, что искали родину туарегов на Кавказе. После того как вскрыли могилу Ти-н-Хинан, некоторое время предполагали, что в Ахагаре нашлись остатки исчезнувшего народа легендарной страны Атлантиды, которая, по преданию, в незапамятные времена погрузилась на дно моря. Ахагар и в самом деле словно специально создан для королевы Атлантиды Антиinei: согласно легенде, ее многочисленных поклонников по тайной тропе проводили через цепь скал в горный замок и там после любовного свидания с королевой убивали, а трупы, покрытые тонким слоем золота, выставляли как статуи в главном зале замка. Аналогичную легенду связывают с именем Ти-н-Хинан.

Скорее всего туареги являются чистокровными берберами. Сами они называют себя амазигами, имошагами или имохагами. Их язык — томашек — еще и сегодня лишь немногим отличается от языка других берберских племен, который сохранился, например, в гористых районах Марокко. Письменность туарегов представляет собой дальнейшее развитие древнего ливийского алфавита, который был распространен в Нумидии в эпоху Масиниссы.

СВЕДЕНИЯ, ДОШЕДШИЕ ОТ АРАБОВ

Первые сведения о войнах Сахары, закрывающих себе лицо, принадлежат арабским историкам. Туареги уже давно жили в пустыне, по всей видимости выделившись ранее из состава берберских племен Севера. Они скитались по широкому простору Сахары и оседали в горных районах. Разбитые вначале на многочисленные роды, туареги в средние века объединились в племенные союзы, существующие поныне.

Старейшим из таких союзов является группа ажжер в Тассили-н-Ажжер: ее влияние когда-то простиралось от Гата до Мурзука и далее до самой Куфры *; в это объединение входит ряд племен.

Другая головная группа господствует в горах Ахаггар.

Третью группу составляют туареги Аира, а в излучине реки Нигер живут туареги юлимиден.

Туареги сохранили до нынешних дней свою древнюю общественную организацию. Деление племен на «высокорожденных» (*имадшеган*) и «зависимых» (*имгад*) имеет экономические корни. Имгад получают половину приплода скота в качестве вознаграждения за охрану и заботу о стадах «высокорожденных». Население некоторых оазисов по сей день отдает туарегам часть своего урожая — пережиток того времени, когда обитатели Сахары находились в феодальной зависимости от туарегских племен. С развитием классовых отношений и частной собственности место туарега в обществе стало зависеть не от традиционной принадлежности к той или иной группе, а от его имущественного положения.

Когда в XVI в. турки завоевали Северную Африку, туареги заимствовали у них титул султана для обозначения военачальников больших племенных объединений. Франция, подчинив себе пятьдесят лет назад туарегов, во главе всех племен поставила *аменокала* — верховного правителя.

Вероятно, туареги рано приняли ислам. Однако их поговорка гласит: «Ислам хорош, но у нас свой собственный ислам». Мусульманство сочетается у туарегов с элементами их прежней религии — тотемизма, а также христианства, с которым они ознакомились в доисламский период.

* Оазисы в Сахаре.

Об этом свидетельствует повторение в их орнаментах и украшениях креста в том его виде, в каком он встречается в коптской церкви*. В отличие от остальных мусульман туареги моногамны; их женщины никогда не были порабощены и не носили покрывала. Тем не менее туареги выступали в качестве самых ревностных борцов за ислам. Из них составлялись те отборные части, которые в VIII в. во главе мусульманских войск выступили верхом на верблюдах из пустыни, перевалили через Атлас, пересекли Гибралтарский пролив и донесли учение пророка до самого сердца Кастилии. Приблизительно в 1000 г. туареги основали поселение, которое впоследствии стало всемирно-известным университетским городом Томбукту.

НАГРОМОЖДЕНИЯ КАМНЕЙ НА КАРАВАННОМ ПУТИ

Когда сезон дождей в Судане заканчивается, вода уходит, а дороги высыхают и снова делаются проезжими, из Ахаггара на юг отправляется большой караван из тысячи или более верблюдов. На их спинах большие мешки, туго набитые ценным товаром — солью, которой богата Сахара. Она пользуется большим спросом в Судане и играет поэтому важную роль в хозяйстве туарегов. Каравану предстоит проделать длинный и трудный путь. Помимо воды и корма для скота караван запасается только порошкообразным мясом, смешанным с пшеницей и пшеничной мукой; этот концентрат растворяют в воде и употребляют в пищу.

День за день, подобно гигантскому змею, извивается караван по сухим руслам рек, по мрачным ущельям, преодолевает скалистые плоскогорья, пока не выходит на каменистую равнину. Теперь на его пути все чаще встречаются нагромождения камней, поражающие своей правильной формой. Природа не могла создать эти каменные кучи, они должны быть делом рук человека. Но кто их воздвиг?

Велико было удивление ученых, когда на этот вопрос ответили сами туареги, которые, по мнению буржуазных ученых, не знают своей истории. «Это могилы», — заявили туареги. И действительно, под камнями были обнаружены хорошо отшлифованные каменные орудия — могиль-

* Египетская христианская церковь.

ная утварь, которую можно найти в захоронениях каменной эпохи других стран.

Фукс в книге «В стране мужчин под вуалями» передает разговор с туарегом:

«... — Их соорудили иссабаты, — сказал Хенани Адебарра. — Они сложили каменные кучи над могилами покойников, чтобы те не могли встать и напугать живых.

— Иссабаты — это племя туарегов?

— Нет, давно-давно, — при этом он большим пальцем указал назад, что означает у туарегов давние времена, — еще до того как туареги пришли в Ахаггар, здесь жили иссабаты. У них не было гандуры*, не было шейхов, они не закрывали себе лица. Одеждой им служили шкуры. Они не знали ни железа, ни других металлов, все их орудия были из камня. Они никогда не молились и рисовали зверей на скалах.

— У них были верблюды, как у туарегов?

— Нет, верблюдов у них не было. Когда они увидели их у туарегов, то очень испугались. У них не было полей. Они охотились с собаками на муфлонов, которые тогда во множестве водились в горах, мясо их ели, а шкуры надевали на себя.

После краткой паузы Адебарра продолжал:

— Один старик рассказывал мне однажды об Аккаре, вожде иссабатов. Он был ростом с верблюда и обладал гигантской силой. Передвигался он огромными прыжками и в один час проходил путь, на который другому нужен целый день.

— Что же, значит, он был великаном?

— Да, все иссабаты были великанами, но Аккар превосходил всех ростом и силой. Он все время охотился, день и ночь, и убивал каждого муфлона, который попадался ему на глаза. Не потому, что нуждался в их мясе, а просто из любви к убийству. Тогда другие иссабаты испугались. Что будет, рассуждали они, если Аккар уничтожит всех муфлонов? Мы умрем с голоду. Тогда они решили умертвить его. Однажды, когда он спал, они напали на него и убили. Над его трупом они сложили большую грудку камней. Еще и сегодня этот каменный холм можно видеть в начале русла Таремут...»

По-видимому, иссабаты обитали в районе Ахаггарских

* Верхняя одежда типа рубахи.

гор до того, как легендарная царица Ти-н-Хинане привела сюда туарегов. Должно быть, у иссабатов была темная кожа. Сведения об этих племенах дошли до нас еще от древних египтян. Геродот называл их мелано-эфиопами, т. е. черными эфиопами. В те времена, к которым относится происхождение надгробных памятников, земля здесь, по-видимому, была плодородной: вряд ли древнейшие жители Ахаггара стали бы уносить мертвецов в пустыню и там предавать земле. Да и туареги рассказывают, что задолго до них Сахара была покрыта прекрасной травой и деревьями, среди которых бродили различные животные. При этом туареги показывают на горы и добавляют: «Там, где обитают духи и свистит ветер, все это высечено на скалах». Они имеют в виду многочисленные наскальные рисунки в горах Сахары, о создателях которых они говорят с уважением и удивлением.

Караван с солью проводит в пути от трех до четырех месяцев. Он доходит до реки Нигер или на востоке до озера Чад. На обратном пути верблюды нагружены ничуть не меньше: туареги обменивают соль на сорго, черное просо, циновки и шкуры для палаток, белые и синие ткани, чай, сахар...

Но вот однажды на горизонте вновь появляются очертания Ахаггара. Тогда туареги становятся в ряд и благодарят Аллаха за оказанную им помощь. Они привезли с собой товары, но это еще не все: они многие узнали и увидели — чужих людей, чужие поселения, зверей, которые не водятся в Ахаггаре. Вот один из них выводит кремнем на родной скале изображение льва, жирзфа, зебры, страуса, людей далекого Судана... На часто посещаемых караванных путях трудно найти скалу, которая не была бы испещрена этими рисунками. Некоторым из них всего месяц, другие сделаны сотни лет назад. Правда, они не отличаются такой художественностью и точностью, как наскальные рисунки древнейших обитателей Сахары, но и они говорят о культуре и о быте племен пустыни на протяжении многих веков.

ТУАРЕГИ БОРЮТСЯ

В центре Сахары на высоте 1400 метров расположен оазис Таманрассет, центр военного округа «Южные территории». Прямые улицы с домами в колониальном сти-

ле, где живут французы, несколько контор, почта, гостиница, кафе, аэродром и базар — вот и весь Таманрассет. Этот городок возник из двух небольших поселений туарегов и миссионерской станции. Французы называют его «центром и резиденцией аменокала», но туареги избегают его, и даже аменокал появляется здесь крайне редко. Для них Таманрассет — чужой город, принадлежащий *руми*, т. е. европейцам. Он болезненно напоминает им о сражении, в котором они потерпели поражение.

Французским войскам, которые вторглись сюда из плодородных областей Севера, только несколько десятилетий назад удалось утвердиться в горах Ахаггара. Благодаря выгодному расположению этот горный район стал могучим центром ислама, который оказал завоевателям решительное сопротивление. Берберский город Гардая и остальные шесть городов группы оазисов Мзаб энергично сопротивлялись вторжению иностранцев. На их пути стоял Эль-Голéа — цветущий город-сад в пустыне, затем большой торговый оазис Ин-Салах в центральной части Алжирской Сахары; всюду здесь шли ожесточенные бои, многие солдаты колониальных войск и иностранного легиона нашли свою смерть в песчаных дюнах. Но самое сильное сопротивление французам оказали воины Сахары под вуалами. Еще и сегодня туареги исполняют старый танец в память подвига шестерых воинов, которые атаковали отряд в 150 колониальных солдат и уничтожили всех до единого. Только в 1928 г., в битве при Тит, недалеко от Таманрассета, туареги были разбиты.

Однако Франция так и не сумела навязать свою власть этим смелым и гордым людям. Туареги продолжали жить трудной, но свободной жизнью, к которой привыкли. Никогда они не признавали колониального управления и иностранного военного контроля и по-прежнему остаются подлинными хозяевами огромных просторов Сахары. Вот почему французские империалисты после второй мировой войны лихорадочно спешили заручиться симпатиями жителей Сахары. Совсем недавно в раскаленной бесконечности камней и песка были открыты гигантские естественные богатства*, и в борьбе, разгоревшейся вокруг этих богатств, «рыцарям Сахары» принадлежит решающая роль.

Франция надеялась привлечь на свою сторону туаре-

* Прежде всего нефть и железная руда.

гов и направить их против освободительного движения в Алжире. Однако туареги, связанные с народами Магриба глубокими и очень прочными узами, рядом с ними ведшие борьбу против французского господства, активно поддерживали алжирских борцов.

Аннексированные Францией части Сахары принадлежат Алжиру. Рано или поздно под давлением освободительного движения Франции придется отдать их алжирскому народу, и туареги будут всячески этому способствовать.

ГАНА — ТЫСЯЧЕЛЕТНЕЕ ГОСУДАРСТВО

Наши отцы нашли тропинку —
мы строим дорогу.

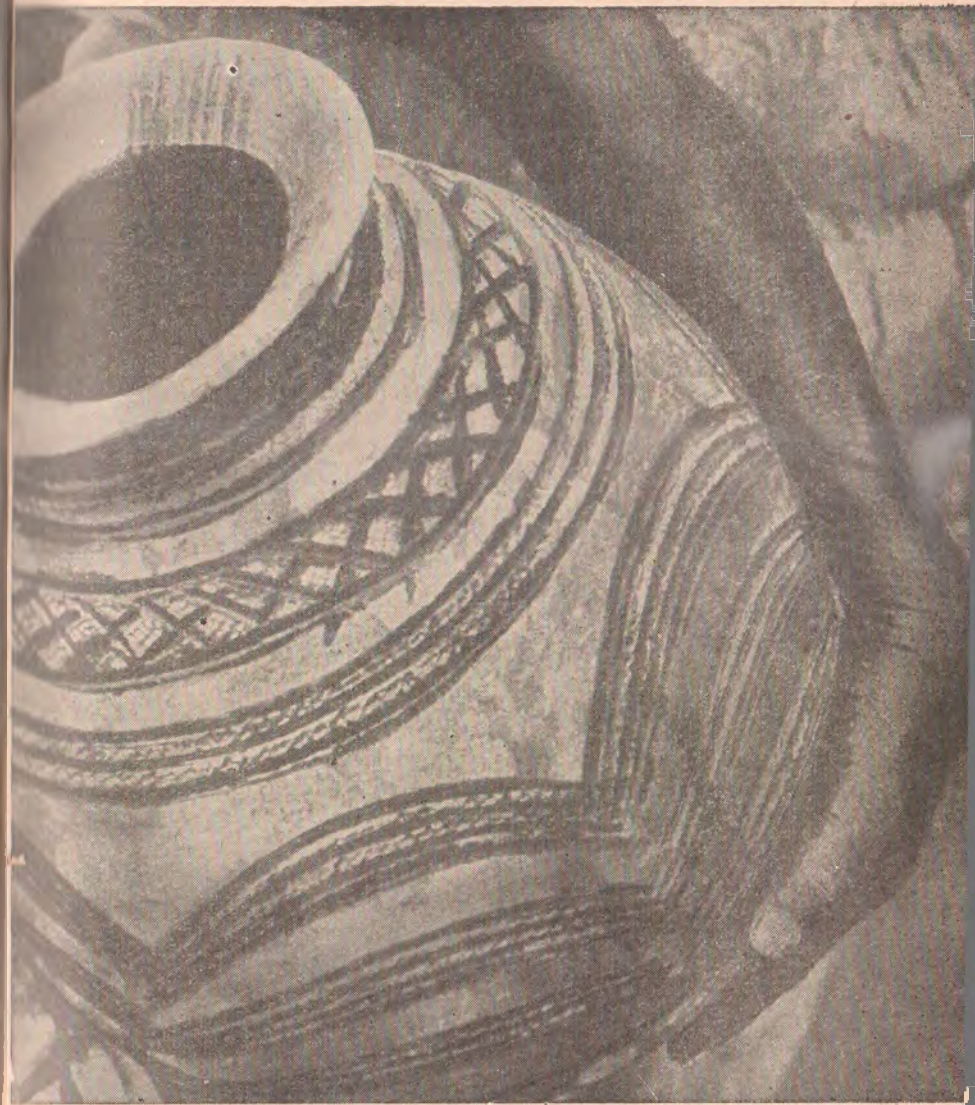
«ТОЛЬКО ВПЕРЕД — НАЗАД НИ ЗА ЧТО!»

Много изменений произошло на Золотом берегу: в Аккре, в здании парламента с широкими мраморными лестницами, дорогими коврами и гобеленами, за письменным столом сидит африканец — новый премьер-министр молодой африканской страны — и терпеливо отвечает на вопросы представителей печати. Он делает это с юмором и достоинством. У всех присутствующих создается впечатление, что перед ними политический деятель крупного масштаба.

«Мы намерены, опираясь на наши завоевания, незамедлительно распространить движение на весь Африканский континент — заявил Кваме Нкрума своим слушателям. — Поэтому наша страна приняла имя, дорогое для всех африканцев, так как оно будит воспоминания о их великой и богатой истории. Гана была когда-то одним из самых блистательных государств, созданных народами этого материка.

Нами руководили не романтические мотивы; мы сознательно избрали это название как источник вдохновения, как символ свободы. Законодательство, образование, вообще культура достигли в этом государстве большого развития. Его имя должно служить нам залогом такого же славного будущего».

Эти слова были произнесены в мае 1957 г. С тех пор название «Гана», извлеченное из забвения, стало известно во всем мире. Но что знаем мы о древнем государстве, название которого так много говорит африканцам?

Роспись гончарных изделий
по народным мотивам (Гана)

ЗАБЫТЫЙ ГОРОД

Нелегко определить, где Чингисхан и его наследники, монгольские ханы, основывали свои резиденции: они жили в юртах, которые складывали и увозили с собой. Немного сохранилось и от дворцов Карла Великого: они были построены из дерева.

Аналогичная судьба постигла Гану, так как в этой части Африки в отличие от долины Нила каменные строения были редкостью. Здания, когда-то придававшие столице блеск, либо были уничтожены иностранными завоевателями, либо превратились в прах.

Происхождение Ганы теряется в легендарном прошлом.

Это было одно из древнейших государств так называемой «Черной Африки». Ни в древнем Египте, ни в раннесредневековой Европе о нем ничего не знали. Лишь несколько столетий спустя, когда ислам одним ударом завоевал всю Северную Африку, арабские искатели приключений открыли отдаленное африканское государство. За ними последовали мусульманские купцы и путешественники, которым мы обязаны первыми подробными сведениями.

КАЖДОМУ — СВОЕ

«Когда мусульмане завоевали Северную Африку, некоторые купцы проникли в западную часть страны черных и узнали, что нет там более могущественного правителя, чем царь Ганы. Его владения простирались на запад вплоть до Атлантического океана». Так сообщал потомству арабский историк Ибн Хальдун. Столица этого могущественного государства приводила в изумление и других путешественников из стран мусульманского Магриба. Они упоминают, что жители Ганы, хотя и были язычники, терпели у себя мусульманских торговцев и ремесленников. Мусульмане в этом царстве могли занимать даже пост министра.

Араб ал-Бекри, описывая город в XI в., в пору его наивысшего расцвета, пишет, что чужеземцы жили в специальном квартале, где было двенадцать мечетей. В другой части города в священных рощах находились древние места отправления культа, а также королевская резиден-

ция. Здесь же проживало коренное население, в большинстве своем оно принадлежало к народу сонинке. Там имелись высокообразованные люди, вокруг которых собирались ученики. При дворе царя можно было видеть людей, одетых в «специально для них сшитые платья из шелка и бархата», мужчины брили себе бороду, а женщины — голову.

ЛОШАДИ КАЙЯМАГИ

Махмуд Кати на основании устных преданий описал жизнь при дворе царя Кайямаги Каниссааи:

«Рассказывают, что в конюшнях его дворца всегда была привязана тысяча лошадей и что существовал обычай — падшую утром лошадь еще до вечера заменять другой... Каждая лошадь имела отдельную циновку и была привязана к ней за шею и за ногу шелковым шнуром. Около лошади стоял медный сосуд, в который она мочилась. Нигде не было даже следов навоза. К каждой лошади было приставлено три конюха, они всегда сидели возле нее...

Вечером с наступлением темноты Кайямага выходил, чтобы провести ночь в беседах со своими подданными. Однако он покидал свой дворец лишь после того, как перед его воротами раскладывали и разжигали тысячу костров — причем все одновременно. Огонь этих костров освещал пространство между небом и землей и озарял светом весь город. Только после этого властитель выходил и садился на террасе червонного золота...

Однажды он приказал приготовить ужин на десять тысяч человек, и все, в том числе и он сам, ели. Когда подданные покончили с едой, царь поднялся с места и удалился в свои покои. Остальные не покидали террасу до тех пор, пока дрова не прогорели и не превратились в пепел, — лишь тогда ушли и они. Так повелевали обычаи и приличия».

ИСТОЧНИКИ БЛАГОДЕНСТВИЯ

Из сообщений такого рода мы черпаем и другие подробности жизни при дворе Кайямаги.

Трон наследовался по материнской линии: братом царя или старшим сыном сестры. Придворная жизнь от-

личалась пышностью, да и вообще те, кто стоял у власти, жили в благоденствии, которое зиждилось на широкой торговле золотом.

В торжественных случаях царь надевал драгоценности и головной убор из золота и садился под балдахином, который окружали десять лошадей, украшенных золотом. Позади трона стояли десять пажей со щитами и мечами, тоже отделанными золотом. По правую руку находились сыновья вассальных князей, впереди — министры. Вход в шатер царя охраняли огромные собаки в ошейниках с золотыми и серебряными бубенцами: они постоянно сопровождали царя. Начало аудиенции возвещалось ударами в большие деревянные барабаны. Высшие придворные должности занимались по большей части мусульманами. Царь, как утверждают, мог выставить войско в двести тысяч человек, в том числе сорок тысяч лучников.

Основу богатства Ганы составляли доходы от торговли на рынках — Гана представляла собой тогда важный перевалочный центр, — дорожные пошлины, взимавшиеся со всех купцов на караванных путях, и наконец золото, добыча которого велась в крупных размерах.

«Гана — это большой город на окраине Магриба, — сообщал в IX в. арабский географ ал-Якуби. — Там встречаются купцы, которые оттуда проникают в пустыню и достигают областей, из которых поступает золотой песок».

ВОИНЫ АЛЛАХА

Другой летописец, Абу-Абдаллах аз-Зухри, упоминает, что некоторые жители Ганы до 469 г. хиджры (т. е. по нашему летосчислению до 1076 г. н. э.) исповедовали христианство. После 1076 г. они были вынуждены отречься от прежней веры и встать под защиту Аллаха. Военственные берберские племена, явившиеся из Сахары, принудили знать принять ислам. Так Гана превратилась в мусульманское государство.

За сорок лет до этого на границах Ганы возникла мусульманская секта. Яхья бен Ибрагим, вождь берберского племени санхаджа, вернувшись в 1035 г. из паломничества в Мекку, привез с собой проповедника, который объявил, что на него сошла милость Аллаха. Однако его строгие моральные принципы не нашли отклика среди подданных

и вождь был вынужден вместе с благочестивым марабутом* и семьей его учениками бежать от народного гнева на остров в низовьях Сенегала.

Спустя семь лет он во главе фанатически настроенного войска предпринял завоевательный поход, который поверг в ужас весь Магриб. Африканские сектанты прошли все Марокко, затем Испанию и вскоре дошли до Пиренеев. Там, где они появлялись, верующим воспрещалось какие-либо отклонения от правил, предписанных религией. Во имя Аллаха и его пророка ислам должен был быть очищен от искажений.

После подчинения Пиренейского полуострова часть воинствующей секты, члены которой называли себя альморавидами, обратилась на юг, против государства Ганы. В его городах ислам имел своеобразные, несколько смягченные формы: например, женщины здесь, как и раньше, не закрывали лиц. Армия воинов-берберов после четырнадцатилетней кампании завоевала Гану и в 1076 г. взяла ее столицу. Гана была обложена данью, что в корне подорвало ее благосостояние, а вместе с ним — и политическое влияние. Вскоре она распалась на несколько отдельных княжеств, начался период упадка.

В 1224 г. из Ганы ушли последние купцы: торговля там уже не сулила наживы.

После почти тысячелетнего существования Гана пала, но не зачахла созданная трудом многих поколений культура, которая возникла в результате торговли и общения с чужеземными народами.

До недавнего времени никто точно не знал, где, собственно говоря, находилась столица Ганы, центр государства. Там, где находятся его развалины — в Кумби-Сале, на юге Мавритании, — расстилается безбрежная пустыня. От многолетних трудов крестьян ничего не осталось, почти бесследно исчезли многочисленные колодцы, оросительные каналы, улицы... Памятники материальной культуры рассыпались и занесены песком. Однако воспоминания о древних временах живы поныне. Они побудили народы Судана скинуть иго иноземных завоевателей и основать новые государства.

* В средневековой Западной Африке — священнослужитель.

ЕГО ЗВАЛИ КАНКУ МУСА

...Зажги, моя родина, свет
твоих очей,
Мудрость твоих веков,
Твой блеск
И сияющую славу.
У твоего входа,
У ворот твоих, о моя хижина,
Резец мастеров Бенина,
Великого города африканской
империи,
Вырежет свою мудрую маску,
Призывавшую быть на страже.

Силла Ассан (Мали)

ЛВЫ МАЛИ

Когда в малийском городе Бамако, что стоит на берегу Нигера, наступают сумерки, на улице ремесленников, где ткачи неустомимо протаскивают на своих станках челноки, а резчики опытной рукой вырезают изящные скульптуры из дерева, перед домами загораются лампы и мужчины вступают в неторопливую беседу. Убеленный сединами старец откладывает в сторону резец и на мелодичном языке бамбара заводит рассказ: «Жил когда-то в нашей стране великий царь, богатый и могущественный. Его звали Канку Муса...» И слова его озаряют светом древнюю историю Африки.

«Говорят, что в стране Мали около четырехсот городов, — гласит хроника, составленная африканским историком Махмудом Кати, — и что ее земля таит величайшие богатства. Из всех стран подлунного мира только Сирия может соперничать с нею. Жители Мали живут в достатке. Растение гуру (орех кола) и золотые кони имеются там в таком количестве, как нигде более в Текруре, кроме страны Боргу».

Возникновение государства Мали, название которого в наше время приняла молодая республика на реке Нигер, относится к раннему средневековью. В XIII в. правители Мали, являвшегося тогда провинцией значительно более

древней Ганы, стали столь богаты и могущественны, что под водительством Сундиаты покорили соседние страны и расширили границы своих владений до побережья Гвинейского залива и Сахары. «Народ Мали победил племена сусу и завладел всеми княжествами этого древнего государства, — читаем мы у суданского хрониста Ибн Халдуна. — Он подчинил себе государство Гану, а на западе земли до самого Атлантического океана. Народ Мали принял ислам, и первым в эту религию перешел правитель по имени Бермендана. Он совершил паломничество в Мекку, и позднее все другие правители следовали его примеру».

ЗОЛОТОЙ ДОЖДЬ В КАИРЕ

Мали стало еще обширнее и могущественнее, когда в 1312 г. на престол взошел внучатый племянник Сундиаты Канку Муса. Он присоединил к своим владениям города Тамбукту и Гао — богатые торговые и научные центры. Как сообщают африканские летописцы, он во главе десяти тысячной армии и каравана из ста мулов, груженных золотом, двинулся по древней торговой дороге через всю Сахару в Мекку к гробу пророка, всюду по пути повергая людей в изумление.

Это должен был быть огромный караван. Впереди шли носильщики, за ними верблюды и мулы, а позади, верхом на коне, ехал царь с пышной свитой. Далее следовали отряды оруженосцев, маркитанги и гриоты*. Бесконечно длинная цепь, точно змея, извивалась под жгучим солнцем по каменистой пустыне, от колодца к колодцу.

Африканский монарх был настолько щедр, что в каждом крупном селении, через которое проезжал, повелел воздвигнуть мечеть во славу Аллаха. В 1325 г. он прибыл в Каир и устроил пышный праздник, о котором даже спустя сто лет во всем мусульманском мире рассказывали чудеса. Такое великолепие стоит денег, и Канку Муса, исчерпав свои запасы золота, заключил заем, охотно предоставленный ему кайрским банкиром Сирадж эд-Дином. Когда знатный паломник спусти несколько лет двинулся в обратный путь, двенадцать тысяч рабов в туниках из парчи и йеменского шелка несли вещи и сувениры монар-

* Сказители, хранители народных преданий.

ха. С ним в Мали отправились художники, строители и ученые, чтобы содействовать развитию культуры и науки в государстве.

В последующие десятилетия Томбукту, богатый торговый город в излучине Нигера, превратился в один из влиятельных центров просвещения мусульманского мира. На рынки страны, которая на европейских картах значилась как «империя Мелле в стране черных мавров», устремился поток торговцев из Египта и Магриба.

Правители Мали заботились о том, чтобы связи со странами Средиземного моря не ослабевали. Между Нилом и Нигером ежегодно проходило в обе стороны двенадцать тысяч верблюдов, перевозивших самые различные товары, на дорогах в пустыне были сооружены караван-сарай и колодцы. В то время, когда эпоха великих морских открытий еще не наступила, Мали было доступно только с суши.

ЧТО НЕ НРАВИЛОСЬ ИБН БАТТУТЕ

В XIV в., когда империя Мали достигла наивысшего расцвета, в районе реки Нигер действовала разветвленная система орошения, на полях выращивался рис и хлопок. Берега «реки рек», которую европейцы и арабы долго принимали за Нил, были густо заселены. В городах наряду с продуктами сельского хозяйства продавались дамасские клинки, сукна из Ломбардии.

Стройные минареты и купола венчали мечети Томбукту. Ученые общались с учеными Мекки и Багдада.

В крупных городах создавались школы. Гонцы осуществляли почтовую связь. Торговля, ремесло и сельское хозяйство процветали, как никогда.

О законности и порядке в стране рассказывает в путевых дневниках Ибн Баттута из Танжера, живший в период расцвета Мали. «В этой стране царит порядок, — пишет он, — и как приезжие, так и коренные жители ничуть не опасаются разбоя или других насильственных действий». Одно не понравилось благочестивому и высоко нравственному мусульманину: «Из дурных нравов следует назвать лишь следующее: служанки, рабыни и юные девушки ходят совсем нагими, без единой ниточки на теле!». О том, как одевались остальные жители государства Мали,

еще и теперь можно узнать, заглянув в семейные сундуки некоторых представителей народностей малинке или бамбара: мы находим в них длинные синие одеяния, украшенные вышивкой, белые шаровары, кожаные сандалии, а в качестве головного убора — шапочки из черного сукна.

АФРИКАНСКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК

Благодаря Ибн Баттуте мы хорошо осведомлены о жизни и быте в древнем государстве Мали. Этот писатель-географ был одним из самых отважных путешественников древности и средневековья. «Даже путешествия Марко Поло бледнеют — не по своей культурно-исторической или литературно-исторической ценности, а по смелости и масштабам — при сравнении с поистине изумительным подвигом любознательного марокканца. Он за двадцать шесть лет объехал почти все известные в XIV в. нехристианские земли и, кроме того, оставил описания, которые относятся к числу самых ценных произведений такого рода, созданных в средние века», — пишет об Ибн Баттуте Р. Хенниг в книге «Неведомые земли». Ибн Баттута посетил Мекку и Мозамбик, Испанию и Западную Африку, побывал в стране болгар на Волге, и только случай помешал ему отправиться к Северному полярному кругу. В объемистом труде, который он после завершения путешествий продиктовал в Фесе писцу Ибн Джузайю — высокообразованному секретарю марокканского султана, мы находим ценные данные о всей Африке, которая тогда являлась частью мусульманского мира.

В 1352 г. Ибн Баттута направился с караваном на юг. Впрочем, предоставим слово ему самому: «В начале месяца мухаррема я выступил с караваном в путь. После перехода, длившегося двадцать пять дней, мы достигли Тагаззы... Поскольку я принял решение совершить путешествие в Мелли... я нанял в качестве проводников людей из племени мессуфа. Для этого путешествия нет нужды объединяться в большой караван, так как дорога здесь безопасная. Я ехал с тремя спутниками. В этой местности путешественникам не надо запастись провиантом... Как только путник прибывает в какое-либо поселение, являются африканки с пшеном, кислым молоком, курами, рисом и фуни — оно похоже на зерна горчицы, и из него приго-

товляют клецки, которые едят с густой кашей и бобовой мукой. Все это путник может купить в любом количестве.

Мы вышли из Загари и достигли большой реки — Нила или Нигера. Отсюда она течет к Томбукту и Каукау (Гао). Вступая в пределы Нубии, где исповедуют христианскую религию, Нил течет к ее столице Донголе.

В город Мелли я прибыл 14 джумада 753 г. (28 июля 1352 г.), а покинул его 22 мухаррема 754 г. (27 февраля 1353 г.). Моим спутником был купец Абу Бекр, сын Якуба. Мы повернули в сторону Мимаха и прибыли к большому каналу, через который можно было переправиться только на больших лодках... Я приехал в Каукау (Гао), большой город на Ниле, один из красивейших негритянских городов, богатый и изобилующий продовольствием. Там много риса, молока, кур и рыбы. Я оставался в Каукау около месяца... Из Каукау я направился по суше в Такедду с большим караваном, который состоял из жителей Тадамеса... Жители Такедды занимаются только торговлей. Каждый год они отправляются в Египет и привозят оттуда красивые ткани. Из Такедды вывозят медь в город Кубер, расположенный в стране негров-язычников, а также в страну Борну. Последняя находится на расстоянии сорока дней пути от Такедды, ее жители — мусульмане. Их правитель по имени Идрис никогда не показывается перед народом. Из Борну в разные страны вывозят прекрасных рабов, евнухов и ткани, окрашенные шафраном».

Путешествие по Африке Ибн Баттута предпринял по поручению султана Марокко с целью собрать точные сведения о стране черных. Он не избежал ошибки всех средневековых исследователей, приняв Нигер за Нил, так как в верхнем течении Нигер течет на восток.

Это была последняя поездка Ибн Баттуты. Путешественник вернулся в Фес и решил описать все, что ему довелось увидеть.

Там он и умер в 1377 г. семидесяти лет от роду.

АФРИКАНСКИЙ ПРАВИТЕЛЬ ИЩЕТ ЗАОКЕАНСКИЕ ЗЕМЛИ

Египетскому ученому по имени Ибн Фадл-аллах-аль Омари мы обязаны сведениями, которые вызвали оживленные споры среди специалистов. Это сообщение о по-

пытке одного из правителей Мали открыть заокеанские земли, предпринятой за два века до того, как отправился в плавание Христофор Колумб.

Ученый — он составил объемистую энциклопедию под названием «Масалик аль-Абсар фи мамалик аль-Амса-сар» — излагает историю, которую Канку Муса, посетивший в 1325 г. на пути в Меку Каир, рассказал тамошнему вали (губернатору) Ибн-Амир Хаджибу.

«Мой предшественник на престоле не считал невозможным достигнуть противоположного берега моря Аль-Мухит (Атлантического океана). Одержимый этой мыслью и вдохновленный желанием доказать ее справедливость, он приказал снарядить около ста судов, а еще сто судов нагрузить золотом, продовольствием и водой в таком изобилии, чтобы их хватило команде на несколько лет. Перед отправлением кораблей он обратился к их капитанам со следующими словами: „Не возвращайтесь обратно, пока не достигнете крайних границ океана или пока ваши запасы пищи и воды не иссякнут“. Они отплыли и долго отсутствовали. Прошло много времени, но никто не возвращался. В конце концов объявился только один корабль.

Мы спросили капитана этого корабля, что произошло. Он ответил: «Властелин, мы плыли долго, пока в открытом море не попали в сильное течение, похожее на реку. Я плыл позади других судов. Все они продолжали свой путь до того момента, как попадали в это течение, но тут же исчезали, и мы не могли понять, что с ними произошло. Я не хотел рисковать, бросаясь в это течение, и повернул обратно».

Однако властитель не поверил этому рассказу и не одобрил поведения капитана. Он снарядил на этот раз уже две тысячи кораблей; из них одна половина должна была служить для перевозки людей, другая — для перевозки продовольствия и питьевой воды. Он поручил мне управление государством и отплыл со своими спутниками. Больше мы никого из них не видели. Я остался неограниченным правителем империи».

Так гласит сообщение правителя Мали Канку Мусы в изложении Ибн Фадл-аллаха.

Мнения историков в этом вопросе расходятся, как бывает всегда, когда появляются новые факты. Некоторые исследователи указывают, что христиане вовсе не были первыми мореплавателями, что еще финикийцы отважи-

вались переплывать моря. Им на это возражают, что в античную эпоху, при отсутствии компаса и судов, пригодных для плавания в открытом море, судоходство было возможно только вдоль побережья. Эту точку зрения стараются опровергнуть ссылками на то, что еще в доисторическую эпоху происходили переселения народов через Тихий океан, что в Центральной Америке были найдены древнеримские монеты*. Известно также, что викинги достигали Гренландии и Лабрадора. Наконец, возможно, что задолго до появления первых европейцев на западно-африканском побережье бананы из Азии были завезены в Америку, а маис совершил путешествие в обратном направлении: из Америки в Африку (возможно, он был получен в обмен на другие продукты).

Как же можно утверждать, что африканцы не могли плавать в открытом море? Конечно, правитель Мали отправился в плавание на небольших гребных судах, наподобие тех, которые еще и теперь встречаются на Нигере, но не исключено, что эти суда все же достигли южноамериканского побережья. В 1511 г., спустя всего несколько лет после первого американского путешествия Колумба, некий Петр Мученик Англерийс утверждал, что на Панамском перешейке жили люди с кожей темного цвета. «Разве нельзя предположить, что некоторые из смелых исследователей были подхвачены течением и достигли берегов Южной Америки и там либо смешались с коренным населением, либо основали первую черную колонию в Новом Свете?» — спрашивает турецкий историк Ахмед Зеки паша. Как бы то ни было, бесспорным остается тот факт, чрезвычайно интересный с точки зрения истории культуры, что в начале XIV в. африканский правитель предпринял попытку достичь земли, которая впоследствии была названа Америкой. Канку Муса говорил о своем предшественнике. Был ли это его отец Абу Бакари, который правил недолго? Или предшественник отца — Мамаду, о котором почти ничего не известно? Не вызывает сомнений лишь время, когда, очевидно, было предпринято это моосское путешествие, — между 1300 и 1312 гг.

* Многие из «открытых» в Америке финикийских и римских древностей (в том числе древнеримские монеты) оказывались подделками.

В ГОСУДАРСТВЕ АСКИЕВ

Слушайте
песню лягушек,
Доносящуюся из болот,
Слушайте,
что они вам говорят:
Как хорошо
объединиться!
Как хорошо
договориться обо всем!
Как хорошо
голоса многих
слить в один голос.

*Западноафриканская
народная песня*

ЧУЖЕЗЕМНЫЙ ОЧЕВИДЕЦ

Мы ничего не знаем о том, каким путем Ансельм д'Игье попал в свое время в Африку и притом в самое ее сердце. Может быть, он в качестве врача сопровождал экспедицию купцов. А может быть, на берегу Средиземного моря его захватили в плен пираты-мавры.

Так или иначе, в 1401 г. молодой француз, сын богатого жителя Тулузы, оказался на берегу Нигера, «Гир Нигрен» — «реки рек», как его обычно называло коренное население. Здесь среди темнокожих мусульман он провел долгие годы. По-видимому, жилось ему совсем неплохо.

«Он жил спокойно и приятно, занимался литературным трудом и отдался целиком науке», — сообщил спустя 300 лет его земляк каноник Трико, работавший во французских архивах.

Занятия наукой не помешали молодому человеку интересоваться дочерьми этой страны. Однажды взор его упал на Салюказэ, девушку из богатой семьи. «Увлеченный девушкой и, кроме того, прельщенный ее приданым в виде золота и драгоценных камней, молодой человек сгорал от страсти», — пишет Трико.

Любовь его не осталась без ответа. Ансельм женился на темнокожей красавице из Гао и зажил с ней в счастли-

вом браке. Однако через двенадцать лет его охватила непреодолимая тоска по родине. В 1413 г. он с женой и шестилетней дочкой отправился по старым караванным дорогам к берегу Средиземного моря; здесь он сел на корабль, шедший в Европу. Его сопровождали шестеро черных слуг и служанок.

В Тулузе его встретили с почетом. Позднее Ансельм д'Игье стал известным врачом и естествоиспытателем. Кроме того, он написал подробную историю своих путешествий по Африке. Рукопись этого сочинения долгое время хранилась в иезуитской коллегии Лиона, а затем потерялась. Ансельм д'Игье составил также арабский словарь, который высоко ценился в литературных кругах.

СОННИ АЛИ, ЧЕРНЫЙ ПОЛКОВОДЕЦ

Итак, Европа впервые получила от очевидца сведения о сказочном государстве Мелле, в котором у власти находились черные правители. Название это мы уже с 1339 г. встречаем на картах, а после 1375 г. находим на них такие города, как Томбукту и Гао, или Гаго. На картах был также обозначен Нигер, но его называли Нилом. Эта ошибка была исправлена только в прошлом столетии, когда с карты Африки удалось стереть последние белые пятна.

Мы осведомлены о городе Гао и государстве Сонгаи в Западном Судане также благодаря Абдаррахману ас-Саади. Он жил в первой половине XVII в. в Томбукту и собрал все устные и письменные свидетельства в обширный исторический труд «Тарих ас-Судан» («История Судана»).

Более чем тысячу лет назад началась история маленького народа сонгаи. Он осел в излучине Нигера и создал собственное княжество. Имя его основателя и ныне живет в народных сказаниях: Фарам Бер стал национальным героем сонгаи. В IX в. арабские хронисты впервые упоминают город Гао; уже тогда он представлял собою важный торговый центр. Во второй половине XV в., когда на трон вступил Сонни Али, завоеватель, внушивший страх своим современникам, из маленького княжества выросло огромное государство.

В 1465 г. богатый купеческий город Томбукту оказался под угрозой набегов кочевников из пустыни, и огды города обратились к правителю Сонгаи за защитой и помощью.

Сонни Али отогнал туарегов, но тут же учинил кровавую резню и истребил многих образованных жителей города. Затем он подошел к Дженне, последнему свободному торговому городу на Нигере, и после семимесячной осады взял его. Так были заложены основы нового суданского государства, которое простиралось от Нигера до Сенегала и может считаться наследником Ганы и Мали.

СТОЙКИЕ ЖИТЕЛИ ДЖЕННЕ

Сонни Али двинулся в поход в 1473 г. Все окружающие территории он захватил одним ударом, а там, где встречал сопротивление, жестоко расправлялся с населением, так что, по словам летописца, «даже дождь не мог смыть пролитую кровь». Однако купцы Дженне не собирались легко сдаваться. Они заперли все одиннадцать ворот своего города, а сами засели в башнях и за зубцами каменных стен. Сонни приступил к осаде, которая продолжалась очень долго — семь месяцев и семь дней. После этого даже Аллах не мог уже больше помочь жителям Дженне. В руки Сонни попал город, который, если верить «Тарих ас-Судан», «ни разу со времени своего основания никем не был завоеван».

Когда открылись городские ворота, из них вышел мальчик, за ним следовали старейшины и вожди: правитель города за время осады умер.

Сонни был смущен.

— Как, — воскликнул он, — значит, я сражался так долго с ребенком?

Но как только Сонни увидел мать мальчика, он успокоился. К удивлению юного правителя и отцов города, Сонни отнесся к ним великодушно. Вскоре Сонни взял себе вдову правителя Дженне в жены. Дженне был спасен. Расцвет государства Сонгаи принес ему богатство.

К этому моменту история Дженне исчислялась уже пятью веками. За эти годы он благодаря своему выгодному расположению из маленькой рыбацкой деревушки превратился в важный торговый и перевалочный центр.

«В этот благословенный город прибывают караваны с востока, запада, юга и севера, — сообщает Абдаррахман ас-Саади. — В Дженне один из крупнейших рынков мусульманского мира. Кто отправляется туда торговать, безусловно получит прибыль и приобретет состояние,

размеры которого знает только Аллах (да славится имя его!)).

По мнению хронистов, город пользовался особым расположением неба. Недаром Аллах исполнил три просьбы, с которыми к нему обоатился в XII в. правитель Конборо, принявший ислам: «Пусть каждый, кого гонит из родной страны нужда, найдет в этом городе пристанище и по милости Аллаха наживет богатство; пусть в этом городе будет больше чужеземцев, чем коренного населения; пусть Аллах отнимет терпение у всех, кто приезжает для продажи своих товаров, чтобы они к выгоде жителей города сбывали их дешевле».

Городская знать, по-видимому, умела вести дела. В Дженне торговали не только солью и золотом, но и орехами кола, слоновой костью, пряностями, кожей, скотом... Этот удивительный средневековый рынок напоминал нынешние рынки Судана, но был в десять или в двадцать раз больше.

«Страна Дженне плодородна и заселена, — сообщает Абдаррахман ас-Саади. — Торговля ведется ежедневно на многих базарах. Уверяют, что в стране 7077 деревень, расположенных близко одна к другой».

Экономическое могущество обеспечивало жителям города известную самостоятельность при условии, что они платили правителям Мали, а позднее Сонгаи столько, сколько те требовали.

ПРАВИТЕЛЬ ПЛАЧЕТ

Этцы города Дженне знали, какие богатства они приносят своим правителям, и вели себя независимо. Они сами устанавливали у себя законы и требовали уважения к ним. Своими привилегиями они гордились не меньше, чем бюргеры немецких ганзейских городов. Характерна в этом отношении история посещения города Дженне одним из правителей Сонгаи Исхаком II.

Представители горожан, старейшины, торговцы, судьи и ученые собрались в мечети, чтобы приветствовать владыку. Тот обоагился к ним с такими словами:

— Клянусь Аллахом, я предпринял путешествие в эту страну только для блага и в интересах верующих. Назовите мне тех, кто угнетает жителей этого города.

Жители Дженне посоветовались между собой. Затем один из них, юрист Махмуд Багайого, вышел на один шаг вперед и осторожно спросил:

— Ты говоришь то, что думаешь, Исхак?

— Клянусь Аллахом, я говорю чистосердечно.

— А если мы назовем тебе угнетателя, что ты сделаешь с ним?

— Он получит по заслугам: палки, смерть, тюрьму, изгнание и должен будет возратить все, что вынудил у вас силой или в качестве дани.

Тогда юрист сделал еще шаг вперед.

— Хорошо, — сказал он. — Мы не знаем здесь большего угнетателя, чем ты. Ты — отец всех угнетателей и только благодаря тебе они существуют. Лишь по твоему приказанию и при твоем попустительстве захватывается здесь чужое имущество.

Властитель стоял подавленный. Он пролил слезы раскаяния и назначил Махмуда Багайого главным судьей города. Отправляя эту должность, последний вскоре утратил расположение сограждан, и они убили его.

Город же пережил семьдесят девять правителей — хороших и плохих, — и после каждого нападения и грабежа он всякий раз расцветал, торговля и ремесла в нем развивались все больше. Просуществовал он около тысячи лет. Час его упадка наступил лишь в первой половине прошлого столетия, когда караванная торговля в Сахаре окончательно заглохла.

ЛЮДИ НАБОЖНЫЕ НЕНАВИДЕЛИ СОННИ АЛИ

Слава Сонни Али достигла Европы. В 1483 г. португальский король даже отправил посольство ко двору суданского властителя, чтобы получить разрешение торговать с побережьем Западной Африки.

После двадцати семи лет правления, заполненных военными походами, Сонни Али умер: он утонул в реке в 1492 г., в том самом году, когда отправился в плавание Колумб.

У черного завоевателя была «плохая пресса». Его биографы оставили потомству образ, продиктованный ненавистью, которую должны были испытывать и ученые, и купцы, с беспомощным гневом взиравшие, как грубый сол-

дат разрушает их дело, и духовные лица, гневно упрекавшие правителя в том, что он «позволял себе большие вольности по отношению к религии: разговаривал во время молитвы, пропускал священные омовения, насмехался над людьми. Часто он откладывал ежедневные пять молитв до вечера или скороговоркой произносил первые слова, а затем высокомерно говорил придворным: остальное разделите между собою...» (из «Тарих ал-Фетташ»).

Народы Судана лучше думают о Сонни Али. В их памяти он живет как человек сильной воли, суровый не только по отношению к другим, но и к себе.

Африка не забывает, что именно при нем Судан превратился в великую державу.

После смерти Сонни Али в Гао к власти пришла новая династия аскиев, и на трон взошли властители, которые покровительствовали торговле, ремеслам и наукам.

Сонни Али преследовал высокообразованных людей. Их дочерей он делал своими наложницами, школы закрывал. Но поколение спустя аския Мохаммед готов был почтительно поцеловать судье руку.

«Он испытывал живую симпатию к улемам — святым людям... и щедро раздавал им рабов и богатства. Он восстановил религию и назначил кади и имамов. Да вознаградит его Аллах за усердие к исламу!» — писал Махмуд Кати.

Аския Мохаммед совершил паломничество в Мекку, но с меньшей роскошью, чем правитель Мали — Канку Муса.

Махмуд Кати, составитель суданской хроники «Тарих ал-Фетташ», находился в свите Мохаммеда. Он оставил подробное описание путешествия. Рассказывает он и о почестях, оказанных благочестивому властителю Сонгаи в городе пророка.

Аския Мохаммед вернулся из путешествия с самым высоким в исламском мире саном калифа. За ним, как в свое время за Канку Мусой, в страну на Нигере последовало множество архитекторов, врачей и ученых.

ЛЕВ АФРИКАНСКИЙ

В 1520 г. христианские пираты захватили на средиземноморском побережье тридцатилетнего берберя, который умом и ученостью выделялся среди остальных пленников.

Пираты привезли его в Европу и подарили папе Льву X Медичи.

Имя мавританского пленного было Хасан ибн Мухаммед ал-Ваззан. Он происходил из испанского города Гранады, но был вынужден оттуда бежать. Еще в молодости он — сначала в качестве писца и нотариуса, а затем как посланник султана Феса — бывал в далеких африканских странах, неведомых европейским путешественникам.

От него глава западной христианской церкви почерпнул ценнейшие сведения об искусстве, науке и технике у африканских «язычников». Папа сумел за это отблагодарить. Пленника отпустили на свободу и крестили, причем его крестным отцом был сам Лев X. Так Хасан ибн Мухаммед ал-Ваззан стал Львом Африканским.

Под этим именем образованный мавр опубликовал трехтомное сочинение, в котором рассказал о южном материке все, что видел собственными глазами или знал со слов других путешественников. Он объездил почти все страны западного мусульманского мира, бывал в Испании, Марокко, Тунисе, три раза посетил Египет. Он видел Константинополь, бывал в Аравии, в Сирии.

Побывал он также — что нас сейчас более всего интересует — и в Гао. Сообщения его о богатстве западноафриканских государств были для Рима и для европейских дворов настоящей сенсацией.

ИСЛАМ ЖДАЛ РЕШЕНИЯ ОТ ТОМБУКТУ

В Томбукту и Гао, крупных богатых центрах торговли, кишевших банкирами и спекулянтами, жизнь кипела ключом, сообщает Махмуд Кати. Сюда прибывали караваны из Египта, двигавшиеся через Феццан и плоскогорье Аир, из Триполитании, Константины, Феса, Марракеша и Мавритании. Они доставляли говары Востока и Запада, оружие из Дамаска, ткани из Венеции, шелка из Йемена, лошадей из Берберии и Леванта.

Духовная жизнь также оживилась. Аския Дауд, заботясь о купцах, не забывал об ученых и мудрецах. Хорошо зная, как велико их влияние, он щедро оделял их подарками и проявлял по отношению к ним такую же предупредительность, как и его отец, мудрый ал-Ходж Мохаммед. Он поощрял культурные связи между Меккой и Томбукту...

Большая мечеть Санкоре (в Томбукту), знаменитый центр мусульманства, принимала учащихся из Феса, Константины и других городов. Знаменитые специалисты преподавали там право, медицину, теологию. Мохаммед бен-Махмуд комментировал — и, по-видимому, с превосходным знанием дела — сочинение эль-Могили о логике.

Выдающиеся ученые Мекки и Медины с благоговением подчинились решению мудрого ал-Акита из Санкоре по вопросу о том, совершать ли молитву по пятницам вместе с женщинами или раздельно. Слава Уриан ар-Раса (Лысого) особенно широко распространилась в Марокко; там каждый образованный человек знал лекции этого ученого... Между имамами Магриба, восточных стран и мечети Санкоре происходил регулярный обмен письмами. Эпистолярный стиль Томбукту составил целое направление в литературе.

Махмуд Кати приводит даже пример этого стиля:

«И да воздадутся тебе приветствия, более обольстительные, чем все лакомства, и почести, более блистательные, чем жемчуга; и да распространятся эти почести со всем их благоуханием и благодатью на всех твоих предков и потомков».

«Из года в год непрерывным потоком прибывали в Сонгаи паломники, мудрецы и любопытные. Аскии взяли за правило принимать паломников, проходивших через Гао, беседовать с ними и обильно чаепать из этого богатого источника познаний...» — пишет Жан Габю в книге «Три лица Африки».

ПРИСТАНИЩЕ МУДРЫХ

Такие историки, как Махмуд Кати и ас-Саади, писали здесь хронику Судана, Ахмед Баба составил биографии ста ученых, многие из которых были чернокожими. В Томбукту были большие библиотеки, но от них до нас дошло очень немногое. Значительную часть уничтожили марокканцы, которые сожгли города на Нигере, кое-что перекочевало в архивы Лиссабона, Севильи и Парижа, где эти сокровища, покрываясь пылью, ждут, чтобы их снова открыли.

«Томбукту достиг вершины славы и блеска... В то время среди городов Африки, от провинции Мали до Магриба, не было ни одного, равного ему. Столь прочны были его

Нигерийские воины в традиционном одеянии

заведения и политические свободы, столь чисты нравы, в такой безопасности находились личность человека и его собственность... В городе царили кротость, готовность помочь бедным и чужеземцам, вежливость по отношению к студентам и людям науки, которых охотно поддерживали», — пишет Абдаррахман ас-Саади в «Тарих ас-Судан»: уж он-то знал, о чем писал, ибо сам принадлежал к словию ученых.

В его словах звучит гордость своим родным городом: «Томбукту, — сообщает он далее, — никогда не был осквернен поклонением перед изображениями. На его земле склонялись лишь перед добром. Он является пристанищем мудрых и благочестивых, обителью святых и молящихся».

ВПЕРЕДИ БАРАБАНЩИКИ

Насколько властители Сонгаи в те времена считались с жителями города на Нигере, показывают слова, произнесенные Исхаком II. Опускаясь после проигранного сражения на подушки, усталый и измученный, он промолвил:

«Это поражение и все связанные с ним неприятности беспокоят меня меньше, чем мысль о том, что скажут в Томбукту, когда узнают о нем, а главное, что скажут недовольные, которые собираются за мечетью Сенкор».

В Томбукту было много мечетей и школ, где изучали Коран, там действовали различные ведомства. После смерти аскии Мохаммеда правители Сонгаи, сохранившие за собой титул аскиев, создали хорошо действующий аппарат управления, в который входили четыре губернатора, наместники провинций, главные сборщики налогов, главные лесничий и ловчий — последний наблюдал также за уплатой налога на охоту, — командующие флотом и армией.

Среди чиновников существовал строгий порядок распределения мест во время церемоний в зависимости от их ранга. Было точно установлено, сколько барабанщиков должно идти перед тем или иным лицом, какие знаки достоинства надлежит выставлять, предписывалась даже прическа, приличествующая данной должности.

Перед армией Сонгаи не могли устоять беспорядочные отряды воинов, защищавшие соседние владения. Суд, во всяком случае при жизни аскии Мохаммеда, был неподкупен, кредит получил широкое развитие, рынки находились под регулярным контролем.

В Томбукту, по словам Льва Африканского, состояние человека оценивалось по количеству книг на полках и числу лошадей в конюшне. Город насчитывал сто тысяч жителей, как и соседний Дженне. Он был больше Гао, в котором проживало семьдесят тысяч человек.

РИС В КОЖАНЫХ МЕШКАХ

Не только города, но и земля на обоих берегах Нигера была заселена сравнительно густо. О наличии продовольствия в государстве Сонгаи Махмуд Кати сообщает: «Съестные припасы, которые давали поля, имелись в таком изобилии, что их невозможно было ни сосчитать, ни измерить. Посевы практически покрывали всю землю, подвластную аскию».

Европейские путешественники, наталкиваясь сейчас в заброшенных и разрушенных поселениях близ Нигера на каменные колодцы и каналы, проходящие глубоко под землей, поражаются, когда узнают от местных жителей, что эти сооружения возникли в древние времена. Махмуд Кати оставил потомкам описание того, как во времена аскиев строились колодцы.

«...Они были выкопаны не по приказу Сонни и не потому, что жители владели многочисленными стадами, а потому, что последние... выращивали овощи и продавали их, а вода из колодцев для овощей полезнее, чем речная.

И вот поэтому они устраивали колодцы. Прежде всего они проделывали в земле отверстие и удаляли землю, а затем обкладывали стенки получившейся ямы камнями и глиной. Затем они приносили связки дров, и накладывали их в колодец, и приносили кувшины, полные буланги (масло из растения карите), и обмазывали им стены, а затем поджигали дрова. Различные вещества спекались в своеобразную глазурь. После того как она остывала, стены обливали водой, часть золы из колодца удаляли, а часть оставляли. Сооружение колодцев стоило больших денег, но зато во всем Текруре не было таких овощей, как в городе Тендирма».

Спустя сто лет начался упадок Сонгаи. Государственная и правовая системы утратили свою действенность, экономическая жизнь застыла. Анархия и насилие, грабежи и разбой восторжествовали.

БЕНИНСКАЯ БРОНЗА

Наибольшая несправедливость, причиненная Африке, не в том, что у нас похитили сокровища искусства. Самое худшее то, что было приостановлено наше культурное развитие, что у нас украли нашу собственную историю и сделали все для того, чтобы лишить нас национального облика, привить нам комплекс неполноценности, комплекс «черного раба» перед лицом «белого сверхчеловека».

Диалло Осман

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С УШЕДШЕЙ ЭПОХОЙ

В начале нашего столетия одному художнику предложили во французской портовой таверне несколько африканских резных изделий из дерева.

— О нет, мосье, не за деньги!

Матросы вытащили статуэтки из карманов и положили на стол, уставленный стаканами с вином.

— Три бутылки красного вина, мосье.

Художник, недолго думая, согласился. Ему понравилось черное гладко отполированное дерево, своеобразная форма вещей и их выразительность.

На следующий день он показал свое приобретение приятелю, известному молодому художнику. Тот пришел в восторг.

Нет ли здесь выражения подлинной наивности, нестраченных сил? Не утверждают ли эти маленькие произведения искусства современную тенденцию к примитивизму, к символизации и абстракции?

Европейское искусство, искавшее в то время более правдивые средства выражения, открыло африканское искусство и с восторгом включило новые названия в свой словарь. Стали накапливаться коллекции, появлялись все новые произведения: головы и статуэтки, маски, увенчанные головным убором из перьев, парадное оружие и самые раз-

личные поедметы обихода. Однако наибольшую сенсацию произвели искусно выполненные бронзовые скульптуры из Бенина.

Бенин?

За несколько лет до этого газеты печатали страшные истории об этом городе в дремучих лесах на побережье Гвинеи.

Его называли «городом крови», так как здесь были убиты два англичанина. Несмотря на своевременное предупреждение, они с провокационной целью осквернили во время религиозного праздника святые места местного населения. Лондон в этот момент искал предлог для новых колониальных завоеваний и хотел убедить мир, что войска ее величества вступают в Бенин лишь для того, чтобы принести народам Африки свободу и благосостояние.

Так в 1897 г. началась кровавая «карательная экспедиция». Оба, властитель Бенина, был захвачен в плен. Его советников казнили, а главный город Бенин пушечными залпами превратили в груды пепла. Дворцы обы, содержавшие бесценные сокровища искусства, были сожжены.

Какие творения погибли, стало ясно лишь потом, когда добыча, попавшая в руки солдат и офицеров, появилась на европейских рынках, всюду вызывая восхищение.

Это заставило историков насторожиться. Они начали искать сведения о городе искусства, расположенном в непроходимых лесах, и нашли их на пожелтевших страницах, спрятанных в архивах. Первые сообщения были привезены в Европу португальцами, которые в конце XV в. торговали с побережьем Гвинейского залива, но сообщения эти вместе с пятнадцатью тысячами других португальских отчетов о путешествиях в период великих географических открытий хранились в Лиссабоне за семью печатями и были недоступны исследователям. Подробный отзыв о Бенине XVII в. написал голландский врач и историк Олферг Даппер.

«Этот город, — сообщает он, — вместе с царским дворцом имеет в окружности 5 или 6 миль. По одной его стороне тянется высокая стена, 10 футов вышиной, построенная из двух рядов толстых бревен, сбитых крест-накрест звеньями по 5 или 6 футов, плотно пригнанных одно к другому и прочно соединенных между собой; промежутки между ними заполнены красной глиной. На другом конце города, где нет стены, простирается болото и густой кустар-

Бенинские скульптуры
(бронза) в начале XX в.
изумили ученых всего мира

ник — поэтому здесь нет нужды в дополнительной защите. Дворец имеет четырехугольную форму и находится в правой стороне города, если считать от ворот. Он занимает такую же территорию, как город Гаарлем, и окружен особой стеной. Он разделен на многочисленные роскошные помещения; к нему ведут красивые длинные четырехугольные галереи, по размерам примерно такие же, как Амстердамская биржа... Все содержится в большой чистоте. В городе тридцать совершенно прямых улиц. Каждая имеет примерно 120 футов в ширину. От них отходят широкие переулки. Вдоль улиц стоят дома, построенные близко один к другому, так же как в Европе... Они обычно не очень высокие, но большие, с длинными галереями внутри, в особенности дома знати; в них так же много комнат, а стенам... они умеют придать такую гладкость, что те блестят как зеркало».

О населении Бенина Дашпер пишет:

«Город густо заселен, здесь много знати. Жители Бенина очень скромные люди и во всех отношениях превосходят все остальное черное население этого побережья; они живут между собою в мире, под властью хороших законов; к голландцам, как и к другим иностранцам, приезжающим сюда в качестве купцов, да и к своим собственным согражданам они относятся почтительно. Мужчины сложены лучше, чем женщины...

Торговля с чужестранцами с разрешения царя ведется на реке Бенин, возле деревни Готтон, куда голландцы прибывают на шлюпках и яхтах. Царь избирает нескольких чиновников и купцов, и только им разрешается встречаться с европейцами, которых жители Бенина называют „белыми“. Когда нагруженное судно причаливает к берегу, об этом сообщают царю, и он приказывает двум или трем чиновникам в сопровождении двадцати или тридцати купцов отправиться торговать с белыми. Купцы, получив в свое распоряжение столько носильщиков и гребцов, сколько им надо, идут от города Бенина по суше к Готтону».

Дашпер сообщает кое-что и о самом обе. Он покидает дворец только один раз в год во время праздника, чтобы показаться народу. Появляется он верхом на коне в роскошном одеянии, в сопровождении четырехсот вельмож и музыкантов. Его свиту окружают карлики и леопарды, над головой летают голуби.

«Царь Бенина может одновременно выставить на поле боя двадцать тысяч воинов, а если потребуется, то восемьдесят тысяч и даже все сто, поэтому соседним народам он внушает страх. Его войско находится под командованием военачальника, который обладает верховной властью над всеми вооруженными силами и может поступать по своему разумению, словно сам является царем. Последний пользуется неограниченной властью, подобно тирану, и всех подданных, даже самых важных и благородных, считает своими крепостными...

Его власть распространяется на многие города и деревни. Поблизости нет другого правителя, который имел бы столько деревень и городов. Ему приносят дань даже многие другие государства. Царь держит большое число жен и наложниц, у нынешнего царя их больше тысячи. После смерти его отца Камбады к нему по наследству перешли те из них, кто остался девственницами. Остальным вдовам запрещается снова выходить замуж, поэтому их помещают в монастырь, где их охраняют евнухи».

Неужели чужеземцы в то время не замечали в Бенине прекрасных скульптур из бронзы и терракоты? У Даппера на этот счет нет ни слова. Первые известия мы получаем от Ниендаля, другого голландца, который посетил город в 1701 г. Он, очевидно, видел эти произведения искусства, однако не смог оценить их по достоинству и назвал «грубыми и мерзкими». «Нельзя понять, — писал он, — что они изображают — людей или зверей, они совершенно непохожи на тех, кто меня окружает — купцов, солдат, охотников...» Так Ниендаль отозвался о произведениях искусства, которые ныне являются самыми драгоценными экспонатами для любого европейского музея и за которые платят до двадцати тысяч фунтов стерлингов за каждое.

Имеется свидетельство еще одного голландского путешественника, Цигфельда, написавшего книгу «В царстве морского бога». «Некоторые галеры, — пишет он, — больше других, они покоятся на опорах и сверху донизу покрыты литой медью, на которой вычеканены картины воинских подвигов и сражений. За ними тщательно ухаживают... каждая опора заканчивается островерхой башенкой, а на ней сидит, словно живая, отлитая из меди птица с распростертыми крыльями. С таким же искусством выполнены

Деревянные скульптуры работы гвинейских мастеров

одиннадцать человеческих голов, скрытых белым занавесом, на каждой из которых лежит бивень слона — это боги царя».

Государство Бенин находилось вблизи побережья, которое европейцы называли «берегом лихорадок» или «могилой белого человека». По их представлениям, здесь могли жить только народы, которые — во всяком случае, до появления португальцев — пребывали в состоянии апатии и тупости. Впоследствии выяснилось, что именно к этому периоду, предшествовавшему великим географическим открытиям, относится расцвет бенинского государства и его несравненного искусства. Это перевернуло все старые представления об Африке.

Многие годы европейцы не хотели верить, что бенинское искусство возникло в Африке: было принято считать, что и в области искусства история начинается на Западе. Источники бенинского искусства искали у португальцев, некоторые ученые даже приписывали ему индийское происхождение. Были исследователи, которые считали, что бенинская бронза — результат влияния этрусков, другие называли гиксосов. Только о коренном населении Африки никто не подумал. И тем не менее именно оно является создателем великолепных скульптур. Научкой доказано, что йоруба, которые насчитывают ныне более шести миллионов человек, и бини, которые насчитывают более одного миллиона, очень рано познакомились с обработкой металлов и овладели искусством литья латуни — одним из наиболее сложных методов литья. Многие их творения, относящиеся к эпохе от X до XIII в., имеют исключительно большую художественную ценность. Лучшие из них происходят из Бенина и Ифе.

У обоих народов художественное ремесло издавна находилось и находится сейчас в большом почете. Заказчиками были двор и жрецы. Из древних сообщений мы знаем, что для создания знаменитой бенинской скульптуры часто требовалось два-три года — такой тщательной обработке она подвергалась. В 1938 г. при раскопках были найдены одиннадцать бронзовых голов — портретов правителей, правительниц, героев и предков йоруба. Встречаются также бронзовые барельефы, на которых изображены первые португальцы и бои с ними. Доказательством того, что бенинское искусство не было завезено извне, а имеет своей родиной Западную Африку, служат статуэтки из терракоты,

отличающиеся такой же художественностью, которые вскоре после второй мировой войны были найдены в долине Нок. Как показали радиоуглеродный анализ и дальнейшие исследования, они бесспорно относятся к первому тысячелетию до н. э. Именно в это время в Западной Африке распространилась обработка металлов, приведшая к революционным изменениям в хозяйственной жизни коренного населения. На этой основе возникли первые государственные образования, которые объединили под властью одного правителя сначала племена, а затем целые народы.

Творениям африканского искусства соответствовали определенные политические и социальные достижения народов, их создававших, так как искусство всегда было и есть не что иное, как зеркало социальных отношений, порождающих его.

АЛТАРЬ В КУЗНИЦЕ

Возможно, о наличии такой закономерности догадывались некоторые из английских солдат, которые в 1897 г. нашли среди дымящихся развалин Бенина первые свидетельства его своеобразного искусства. Не исключено, что некоторые из них задавали себе вопрос, откуда появилось такое искусство? Могут ли подобные произведения выйти из рук недоразвитых, примитивных и некультурных людей? И что это было за государство, которое они только что уничтожили по приказу ее величества?

С тех пор прошло много времени, и ученые восстановили картину жизни в Бенине. Мы узнали, что вслед за ранними рабовладельческими государствами в Африке — как и в Европе — появились феодальные государства, где рабы уже превратились в крепостных. Знать выбирала из своей среды правителя. Если она была им недовольна, ему посылали яйцо в знак того, что «пора уходить». В Бенине существовала армия, ремесленники, чиновники; к ним принадлежали также женщины, получавшие чины и титулы. Например, с городским головой власть разделяла «хозяйка улицы», которая со своими двумя помощницами управляла женщинами города. Существовала также королевская тайная полиция, конница — в конницу, как и во всех феодальных государствах, принималась только знать, — ополчение.

Правда, в Бенине еще не знали другого оружия, кроме копья и меча, может быть, еще и лука.

Благодаря торговле, ремеслу и развитому земледелию население в общем жило в достатке, иногда даже зажиточно.

О врачевателях у нас подчас существует совершенно неверное представление. Они имели богатый опыт и даже умели варить из таинственных кореньев эффективные лекарства против смертельного укуса ядовитой мамбы.

Ремесленники образовывали нечто вроде цехов. В Бенине и в других городах страны йоруба были целые улицы литейщиков, резчиков по дереву и слоновой кости. Литейщики и кузнецы пользовались наибольшим почетом, из их среды выделялись потомственные вожди. Они работали только для двора и в качестве знака отличия носили на плече тесло. У них даже был собственный бог-защитник Огу, и в каждой кузнице стоял его алтарь. Чтобы достичь успехов в искусстве литья, надо было добиться его расположения. К бенинцам Огу явно благоволил, что доказывают двадцать семь бронзовых статуй, найденных до сих пор.

Африканские мастера, которые были современниками учеников Петера Вишера и Тильмана Рименшнайдера*, из воска изготавливали модели, затем покрывали их жидкой глиной, высушивали и обжигали, после чего они могли служить литейной формой. На готовую бронзовую отливку с помощью чекана и молотка наносили рисунок.

Поверхность металла при этом не деформировалась, и материал использовался весьма экономно.

Бенинские скульптуры, как и вообще все истинно африканские произведения искусства, не являлись самоцелью: они всегда имели какое-либо применение — служили дверным косяком, стулом или столом. Мы не всегда понимаем теперь, что они выражают, так как мир представлений бенинцев и их символика известны нам не до конца. Это относится и к резным маскам людей и зверей из дерева, которые предназначались для религиозных церемоний, и к тем произведениям искусства, которые невежественные, но высокомерные европейцы обычно называли «фетишами». Выставки африканского искусства в Европе убедили нас,

* Известные немецкие мастера скульптуры и литья XV—XVI вв.

что в этих произведениях краски, материал и рисунок всегда имеют глубокое значение.

Нашествие завоевателей из Западной Европы прервало развитие африканского искусства. Многие были уничтожены, многие под влиянием чужеземных господ выродились. Африканское искусство могло сохранить свою прежнюю живую форму лишь там, куда не достигала рука колониальных властей, в лесах или в горах в глубине материка.

Колониальное господство, а отчасти и влияние ислама затормозили, а то и вовсе прекратили развитие древнего искусства Западной Африки. Однако последнее сохранило свою жизненность и силу. «Мы завалили африканцев дешевыми европейскими изделиями. Но что они из них делают, особенно женщины! — писал несколько лет назад искусствовед Эрнесто Грасси. — Прекрасное, художественное возникает только в результате самых невероятных сочетаний красок — например, фиолетовой или голубой с розовой и зеленой; они взаимно оживляют друг друга, дополняют, и в результате их тона и оттенки приобретают особую яркость. Апельсин, красный платок в черной руке кажутся чуть ли не драгоценностями. Европейским вещам африканцы придают совершенно новое значение с такой смелостью, с такой легкостью, которые не могут не приводить в изумление. Красный цвет обычной набивной ткани подчеркивается накинутой сверху черной вуалью. Белизна крахмаленного полотна, оттененная оранжевой лентой, приобретает серебристый оттенок. Самые обычные зеленые туфли служат великолепным фоном для лилового пальто, ниспадающего складками...

Здесь искусство пронизывает всего человека. В искусстве перед нами предстает сама жизнь в своей первозданной, все переполняющей мощи».

ЗОЛОТОЙ СТУЛ АШАНТИ

Именно теперь, когда мы обрели независимость, одна из наших главных задач состоит в том, чтобы спасти старое, богатое культурное наследство, наполнить новым содержанием традиционные формы.

*Эффа Сатерленд
(ганская писательница)*

ОСТАЛСЯ ФОЛЬКЛОР

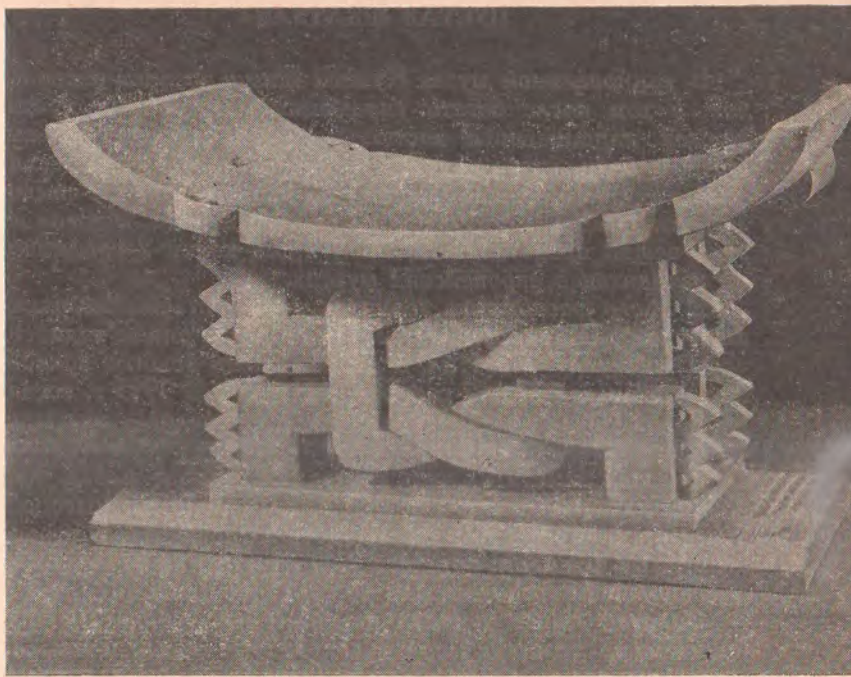
На стадионе города Кумаси взгляды многотысячной толпы в напряженном ожидании прикованы ко входу, откуда в любую минуту могут появиться всжди. Издалека отчетливо доносятся глухие удары барабанов, звуки труб, слова команды... И вот они показались. Красочная картина!

В роскошных одеждах, в золотых коронах и сандалиях шествуют землевладельцы страны ашанти, самой богатой провинции западноафриканской республики Гана. Впереди маршируют телохранители со старинным оружием, за ними следуют барабанщики, оруженосцы, придворные с зонтами в руках, мать-королева и жены короля и, наконец, в золотых носилках сам асантехене (король ашанти) Отумфуо Осей Агиеман Премпе II.

Знать занимает места напротив почетной трибуны, на которую вскоре поднимаются глава государства — президент — и представитель правительства из Аккры. Затем происходит все то, что всюду и всегда происходит на торжественных церемониях: произносятся приветствия, звучит национальный гимн, члены правительства обходят почетный караул. Президент Кваме Нкрума произносит речь.

По двум сторонам стадиона расположились два мира — современная Гана на одной стороне и старое феодальное государство ашанти — на другой.

Феодалы ашанти, которые в период господства колониального режима часто были его орудием, теперь должны приспособиться к новым, изменившимся условиям. В Гане

Золотой стул ашанти

это означает отказ от собственной налоговой и податной системы, от собственного суда, от большей части земель.

Труднее всего это асантехене, самому богатому землевладельцу; вожди помельче быстрее применились к обстоятельствам. Среди них есть такие люди, как, например, вождь одного из племен — Даке XI, который сменил свою мантию на комбинезон и открыл авторемонтную мастерскую. Другой вождь также занимает гражданскую должность. Аццу Мате Коле, смеясь, говорит: «У нас еще остался фольклор, но власть мы уже сложили на алтарь нации».

Он вскоре начнет новую карьеру в качестве адвоката. Так в Африке феодальные вожди уходят с политической арены.

ПУСТАЯ ШКАТУЛКА

В национальном музее Кумаси много древних экспонатов, в том числе богато украшенные серебряные троны вождей, национальные костюмы с великолепным шитьем, щиты и мечи, гитары, гонги и барабаны различной величины, а также резные изделия из слоновой кости, символические маски и статуэтки из бронзы и меди. Многие из этих вещей представляют собой лишь копии — подлинники находятся в европейских музеях.

В числе экспонатов хранится также старая железная шкатулка для драгоценностей. На табличке рядом надпись: «Эту шкатулку захватил в войне против ашанти полковник британской армии сэр Баден-Пауэлл. В 1955 г. госпожа Баден-Пауэлл возвратила шкатулку королю — асантехене Премпе II».

Следует заметить, что, когда полстолетия назад полковник захватил шкатулку, она была наполнена драгоценностями, а сегодня она пуста. Абсолютно пуста. В стране ашанти от прошлого осталось лишь то, что не нужно было колониальным господам, или то, что они вернули.

Золотой Берег повидал на своем веку множество колониальных властей. Первыми в 1365 г. здесь появились авантюристы из французского Дьеппа, спустя сто лет — португальцы, а еще через сто лет — англичане, голландцы, датчане и даже на короткое время немцы. Не было почти ни одной европейской колониальной державы, которая не боролась бы здесь со своими конкурентами за наибольшие прибыли, извлекавшиеся из торговли пряностями, золотом, деревом, слоновой костью. А в эпоху работорговли конкуренция вылилась в кровопролитную борьбу.

«МОГИЛА БЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА»

В ту пору завоеватели еще не углублялись в страну и сооружали свои фактории и крепости на побережье. Дальнейшему проникновению в глубину материка мешали дремучие леса, через которые вели потайные тропы, известные только посвященным, а также убийственный сырой и жаркий тропический климат, который доставлял много хлопот европейцам. Недаром в течение долгого времени они называли эти районы Африки «могилой белого чело-

века». Однако главным препятствием были ашанти; этот воинственный народ ценил свою независимость и оказывал энергичное сопротивление чужеземцам, даже если они имели многократный перевес в силах.

Ашанти основали в Кумаси свое собственное государство. Оно охватывало восемь провинций, во главе его стоял верховный вождь — асантехене, который командовал регулярной армией. Государственной святыней был и является поныне «золотой стул ашанти» — украшенный золотом трон из черного дерева. Предание повествует, что после того, как в Кумаси было посажено дерево о-кум, с неба прямо на колени первому правителю государства упал трон.

Трон считался священным: на нем якобы восседали души предков, защищающие народ ашанти. Он был символом силы и независимости.

Дерево о-кум, дерево мудрости, узловатый старый гигант, еще и сегодня стоит в парке государственной больницы в Кумаси, а стул асантехене по торжественным случаям показывают народу. Нетрудно себе представить, как восприняли ашанти в 1900 г. требование английского губернатора Ходжсона выдать стул!

В одно мгновение дворец губернатора был осажден тысячами ашанти. Пришлось вызвать английские войска, чтобы в буквальном смысле этого слова освободить высшего сановника ее величества. Только после ожесточенных стычек удалось расчистить ему проход к берегу реки.

ОРИНЫЕ ПЕРЬЯ И ДАТСКИЕ РУЖЬЯ

«Перед нашими взорами открылась равнина, которая простиралась, пожалуй, более чем на милю. Это было великолепное зрелище. Вдалеке были видны король и вожди, окруженные блистательной свитой, а перед ними стояла такая масса воинов, что приблизиться к королю казалось совершенно невозможным. Массивные золотые украшения отражали блеск солнца, который был так же нестерпим, как и жара.

При нашем появлении более ста оркестров разом грянули любимые мелодии вождей: ревели рога, гудели барабаны, звенели металлические инструменты».

Так в 1816 г. ашанти приняли английское посольство,

которое пришло просить мира после первого тяжелого поражения английской армии. Один из присутствовавших при этом путешественников, англичанин Боудич, был изумлен богатством ашанти.

Он писал:

«Некоторые воины держали на голове по большому барабану, в который били два других. На запястьях барабанщиков висели бубенчики, они при каждом движении громко звенели. На воинах были шлемы из орлиных перьев. За ними я заметил стулья черного дерева, украшенные золотом и слоновой костью. За стульями стояли молодые люди в куртках из шкур леопарда, в которых были спрятаны небольшие ножи с рукоятками из голубого агата. Через плечо у воинов висели длинные датские кремневые ружья, отделанные золотыми пластинками...

Тут загудели рожки из слоновой кости, тоже украшенные золотом. Барабаны прямо-таки оглушали — приближался король. Я увидел главного повара; перед ним несли множество блюд и горшков из чистого серебра. Присутствовал тут и палач — огромный негр с золотым топором.

Король встретил нас рукопожатием. Он был довольно тучен и имел добродушный вид. Я был поражен тем, что правитель, которого мы считали варваром, держался с таким достоинством. На руках у него были браслеты из золота и жемчуга, на пальцах дорогие кольца. Тело его прикрывала шелковая рубашка темно-зеленого цвета».

АНГЛИЧАНЕ БОЯЛИСЬ ВОИНОВ АШАНТИ

Старое государство ашанти было богато золотом. В рудниках Обуаси драгоценный металл, по-видимому, находили самородками. Это богатство позволило правителям ашанти приобрести оружие для пятидесяти тысяч воинов. С помощью этой армии ашанти долгое время вели войны против соседних племен. Они направили свое оружие и против чужеземцев, когда те, появившись на побережье, угрожали их независимости.

Солдаты английских колониальных частей боялись воинов ашанти. В период между 1807 и 1824 г. англичане вели против ашанти четыре войны. Каждый раз им при-

ходилось отступать с большими потерями. Спустя семь лет они заключили с асантехене договор, в котором торжественно признали независимость его государства. Однако это не помешало британским колонизаторам готовить новую войну. В 1853 и 1863 гг. английские солдаты опять вторглись в страну ашанти и опять вернулись ни с чем.

В 1872 г. английские войска захватили и сожгли Кумаси, однако и тут им не удалось уничтожить противника и завоевать всю страну. Снова Великобритания была вынуждена заключить мир и признать независимость ашанти. Только через двадцать пять лет англичане добились большого перевеса сил и сломили сопротивление противника. В 1897 г. они вступили в Кумаси и объявили страну ашанти своим протекторатом. Еще один, последний раз ашанти поднялись против поработителей в 1900 г., но безуспешно: было уже слишком поздно. Вся Африка находилась под колониальным игом. Существование независимых африканских государств стало невозможным.

МАНИКОНГО И БЕЗБОЖНЫЕ ХРИСТИАНЕ

В один прекрасный день эти чернокожие откроют, что вы, белые, — вовсе не христиане, и призовут к священной войне, чтобы во имя Христа изгнать вас из Африки.

Бернард Шоу

ПОДАРКИ ДЛЯ МАНИКОНГО

Сан-Сальвадор, крошечный городок на севере Анголы, известный африканцам также и под своим старым названием «Мбанза-Конго», был когда-то столицей государства Конго. Оно занимало территорию, равную Франции, а власть его простиралась на 500 километров в глубь континента.

В Европе об этом государстве впервые узнали, когда в Лиссабон с прогнившей обшивкой и разодранными в клочья парусами возвратилась из дальнего плавания каравелла португальского капитана Диогу Кану. Это было в 1482 г. — за десять лет до того, как Колумб на корабле «Святая Мария» отправился на запад и открыл «Вест-Индию».

Португалия в то время искала морской путь в Индию, чтобы обойти с фланга сухопутный барьер, образуемый турецкими мусульманами. Было точно известно, что подобный путь ведет вокруг южной оконечности Африки, так как индийские торговые суда не раз совершали этот рейс в обратном направлении. Однако мореходство переживало еще период младенчества, техника его была весьма несовершенна. Не решаясь оторваться от берегов, экспедиции, выходившие из Лиссабона, очень медленно продвигались на юг.

Капитан Диогу Кану также не пошел дальше устья неизвестной большой реки, протекавшей через девственный лес. Прибрежные жители, как сообщал Кану, называли ее Нзади (Заирес), что означает «большая вода». Название «Конго» эта река получила позднее.

В память о своих путешествиях Диогу Кану поставил два каменных столба. На одном из них (до наших дней он не сохранился) были герб португальского короля и надпись:

«В год нашего спасителя 1482-й по повелению августейшего славного и могущественного владыки, короля Португалии Жуана II, открыл эту страну и водрузил столб Диогу Кану, рыцарь его двора».

В широком устье реки, куда вошла каравелла Диогу Кана, вскоре появились длинные плоскодонки с темнокожими гребцами. Сначала они выжидательно кружились около чужеземного судна, а затем приблизились к нему вплотную. Несколько африканцев взобрались по трапу на борт, их приняли дружелюбно и дали им небольшие подарки. Как писал позднее участник экспедиции, францисканский монах-португалец, африканцы были «по своим обычаям и настроениям благонравны, держались уверенно и бесстрашно».

Хотя никто не мог понять их речи, однако из знаков и жестов гостей португальцы заключили, что находятся в большом королевстве, что его столица лежит где-то в глубине страны, а правитель зовется «маниконго».

Диогу Кану выбрал четырех разведчиков, чтобы они с подарками для правителя добрались до столицы и разузнали подробности о стране и ее обитателях. Португальцы сели в лодки конголезцев и отправились вверх по реке.

Они плыли много дней и недель и в конце концов достигли залива, где стояла целая флотилия лодок. Когда их плоскодонка причалила к берегу, ее окружила шумная толпа. Однако оказалось, что португальцы еще не у цели. Теперь им пришлось проделать пешком длинный путь через лес. Только через десять дней они вышли наконец на плоскогорье, где находилась резиденция маниконго.

Вскоре после прибытия в столицу португальские послы узнали, что Диогу Кану, не дожидаясь их возвращения, поднял паруса и взял курс на север. При этом он насильно увез четырех сыновей вождей прибрежных племен. Теперь португальцы целиком оказались во власти африканского правителя. Однако вскоре они поняли, что им нечего опасаться за свою жизнь.

Португальцы могли довольно свободно передвигаться по городу и наблюдать окружающую их жизнь. Вскоре они изучили язык страны; подолгу бродили они по улицам мимо домов, построенных в основном из глины. Как и в Европе того времени, ремесленники селились цехами — горшечников, ткачей, кузнецов, фокусников. Жрецы и врачи здесь тоже составляли привилегированную касту.

Португальцы видели, как ко дворцу властителя каждый день прибывают посланцы из различных частей страны. При дворе было много министров и сановников. На дворцовые праздники съезжались тысячи вельмож.

В государстве маниконго функционировала слаженная система управления. На перекрестках дорог заставы и таможенники взимали налоги. В качестве денег, как и по всей Африке в то время, ходили раковины каури, и «монополия» их добычи принадлежала маниконго: он владел островом Луанда, где в большом количестве собирались эти раковины. Португальские моряки из отведенного им дома наблюдали, как посланцы доставляли ко двору мешки, полные раковин, и высыпали их на циновки во дворе.

Жизнь в Конго не всегда была мирной и спокойной. Случалось, что некоторые вассалы пытались отделиться от маниконго, и тогда португальцы видели, как мимо их дома шли войска, вооруженные стрелами и луками, копьями и дротиками. В такое время на улицах кузнецов работа не прекращалась даже ночью.

Несколько лет спустя в устье Конго вновь появились португальские каравеллы. Диогу Кану доставил обратно четырех молодых африканцев, чтобы обменять их на своих земляков. Он вез подарки для «короля мавров», в том числе, как сообщает хроника, «восемнадцать коней в богатой сбруе, а также оружие и образцы специй».

Пленникам из Конго в Лиссабоне оказали хороший прием. Их обучили португальскому языку и окрестили. Теперь их в сопровождении нескольких францисканских монахов привезли на родину, чтобы они подготовили почву для проникновения португальцев.

Столица маниконго встретила чужеземцев барабанным боем, звуками труб и песнями. Люди стояли шпалерами, оставляя белым гостям лишь узкий коридор для прохода ко дворцу, где находился трон короля.

«Черный властелин восседал на высоком стуле, инкрустированном слоновой костью. Его черная кожа лоснилась под лучами тропического солнца. На голове его красовалась высокая дубяная шапка, похожая на митру, на левой руке — кольцо из слоновой кости — отличие королей и князей, а с плеча свисал коровий хвост — знак королевского достоинства».

Согласно португальскому церемониалу, глава посольства поцеловал маниконго руку и вручил ему послание из Лиссабона. Маниконго Нзинга-а Нкуву поблагодарил за оказанную честь.

ВСЕМОГУЩЕЕ ХРИСТИАНСТВО

Так в Конго появились португальцы. Вернувшись на родину, сыновья вождей рассказали чудеса о Лиссабоне и о том, что они повидали в Западной Европе. И всем африканским аристократам захотелось побывать в Португалии.

В хронике, составленной францисканскими миссионерами, есть такая запись: «Щедрость и радушие короля Португалии, многочисленные знаки внимания со стороны христиан, приветливая общительность Диогу Кану и частые изложения христианского учения произвели сильное впечатление на короля и настолько его склонили к истинной набожности, что ему ничто не доставляло большего удовольствия, чем слушать разговоры на эту тему».

На подарки он ответил подарками и направил в Лиссабон нескольких сыновей аристократов. Они возвратились через несколько лет, овладев новым языком и приняв крещение.

Все большее число конголезцев получало европейское образование. С другой стороны, возрастало и число чиновников и священников, которые с помощью креста, четок и колоколов проповедовали всемогущее христианство.

Когда однажды войско маниконго, окропленное святой водой и несшее перед собой хоругви, разбило в жарком сражении соседний воинственный народ мундеквете, христианство одержало окончательную победу. Король крестился со всей своей свитой, принял новое имя «дон Жуан да Силва» и начал по всей стране строить церкви, фактории и миссии.

Через несколько лет в столице, которая также приняла новое название — Сан-Сальвадор, выросли каменные здания, церкви, дворцы и целый европейский квартал с иезуитским колледжем и францисканским монастырем. В новом соборе с 1521 г. вел службу первый епископ-африканец, один из сыновей маниконго, получивший посвящение в Риме от самого папы.

НАРУЧНИКИ ДЛЯ КОНГОЛЕЗСКИХ ХРИСТИАН

Теперь португальцы предприняли попытку полностью европеизировать далекую африканскую страну. Аристократы стали называться герцогами и маркизами. При дворе маниконго был введен лиссабонский церемониал с канцелярскими служащими и обилием казенных бумаг.

Миссионеры, по их собственным данным, к этому времени обратили в христианство уже более ста тысяч «язычников». Но за миссионерами следовали работоторговцы. Они основывали фактории на побережье моря, а внутри страны искали подходящий товар.

Коммерция была важнее принципов христианства, и конголезские аристократы становились молчаливыми соучастниками охоты на людей. Один из маниконго обратился к папе с просьбой уговорить португальского короля более не настаивать на поставках рабов. Ведь для получения рабов приходилось вести войны и поработать другие народы, а это противоречило христианскому учению... Петиция осталась без ответа.

Теперь уже распятия, хоругви и святая вода не спасали конголезское войско от тяжелых поражений. Соседние народы давали ему отпор и в конце концов вторглись в Конго. Сан-Сальвадор был взят и предан огню. Это вызвало ненависть к иностранным советникам. Она вылилась в восстание против «безбожных христиан», во главе которого встал Мбула Матади — «крушитель скал».

К власти пришли правители, которые стремились как можно больше урезать права и привилегии португальцев. В 1665 г. маниконго даже попытался силой изгнать европейцев из страны. Восстание не удалось, но могущество завоевателей было окончательно сломлено. Португальцы были вынуждены покинуть Конго и отступить в Анголу, которую они крепко держали в руках. Оттуда они еще не

раз пытались вернуть себе прежнее положение в Конго, но безуспешно. Народы Конго отстаивали свою независимость, пока в 1860 г. не явились новые, более могущественные завоеватели.

Об истории этих двух веков известно далеко не все. Во всяком случае, в этот период народы Конго стряхнули с себя все, что им ранее навязали лицемерные белые советники. Церкви и иезуитские школы исчезли, а с ними и все следы христианства, полностью дискредитированного работорговлей «набожных» португальцев. Художники народа балуба, которым отцы миссионеры запрещали заниматься их старым традиционным искусством — резьбой, беспрепятственно продолжали теперь дело своих отцов и снова создавали статуи, многоголовые фигуры богов и танцевальные маски, несколько напоминающие древнеегипетские образцы.

ВОСКРЕШЕНИЕ В НОВОМ СВЕТЕ

Грязный поток любителей наживы, двигавшийся со стороны европейского Запада, затопил веселые поля и нивы... Африканского континента. После него остались лишь трупы задущенных стариков, отрубленные ноги и руки, обесчещенные жемчины, опустевшие хижины и дымящиеся посевы сорго... Этими позорными действиями Европа погубила цветы культуры в Западной Африке. Европейцы принесли в Африку презрение к человеческой жизни.

Л. Фробениус

КОПЬЕ И ОСПА

Время часто стирает память о страшных преступлениях. В особенности когда чьими-то стараниями свидетельствующие об этих преступлениях документы исчезают, убийцы получают рыцарские звания и адмиральские чины, а священники клянутся, что нанесенная несправедливость представляет собой для ее жертв благословение божие. Так было в истории Африки.

«История Африканского континента, — пишет живущий в Лондоне африканский писатель Дерек Кэргэн, — это сказание о жестокости и алчности, об обмане и предательстве, о продажности и предельной безжалостности, не имеющих себе равных в любой другой части земного шара...

Над Африкой и африканцами надругались не только англичане. В течение веков французы, португальцы, голландцы, испанцы, бельгийцы и немцы грызлись между собой и составляли друг против друга заговоры из-за богатых остатков колониального пирога. Все они обманывали африканцев, обкрадывали африканцев, убивали африканцев. Они прибывали в Африку с полными карманами мошеннических соглашений, готовых для подписания, а

там, где не могли помочь соглашения, они пускали в ход оружие».

Но самым страшным преступлением из всех совершенных в Африке была работорговля, которая велась Европой в широких масштабах на протяжении четырехсот лет. Работорговля определила поворот, наступивший в XVI в. в развитии Африканского континента. Еще никогда народы не подвергались такому непрерывному кровопусканию.

«Копье и оспа пожрали людей», — отвечают жители Западного Судана недоумевающему иностранцу, когда тот в совершенно безлюдных местностях натывается на остатки больших поселений, даже городов, с каменными домами, стенами и башнями. На первом месте они называют копье: мор причинил здесь меньшие опустошения, чем оружие работорговцев, которые сначала обосновывались на побережье, а отсюда уже производили систематические облавы на так называемую черную слоновую кость.

РАСПЛАТА ЗА «ПЕРВОРОДНЫЙ ГРЕХ»

Печальная слава зачинателей работорговли принадлежит португальцам. Первый груз рабов из Африки был доставлен ими на родину уже в 1441 г. Но это было лишь скромное начало. Торговля черными людьми приняла чудовищные масштабы только после того, как на новооткрытом континенте за Атлантическим океаном были разбиты плантации, нуждавшиеся в более трудоспособной и более выносливой рабочей силе, чем коренные жители Америки — индейцы.

Когда в 1492 г. Колумб высадился на Гаити, его население насчитывало миллион жителей. Спустя двадцать пять лет на острове осталась всего лишь тысяча людей. То же происходило повсюду, куда ступала нога конквистадоров.

При завоевании страны подвергались уничтожению все, кто оказывал сопротивление. Тот, кому удавалось уцелеть, в последующие годы становился жертвой жестоких методов эксплуатации, болезней, занесенных европейцами, или инквизиции, установленной прибывшими в Вест-Индию иезуитами. Какую выгоду в этих условиях могли принести золотые и серебряные рудники или плантации! Для их эксплуатации не было рабочей силы.

Выход из положения нашел испанский священник, епи-

скоп Бартоломе де Лас Казас, которого позднее часто называли «спасителем индейцев». Он посоветовал ввозить рабов из Африки, так как африканцы находились на более высоком уровне общественного развития и более отвечали требованиям Нового Света, чем коренные жители Антильских островов. Император Карл V принял это предложение, а когда и папа дал свое благословение, исчезли последние сомнения: рабство, мол, является расплатой за первородный грех, поэтому оно так же необходимо и справедливо, как частная собственность, а следовательно, угодно богу.

Более того, согласно учению церкви, черные рабы даже должны были радоваться своей судьбе: ведь в языческой Африке у них не было никакой надежды попасть в рай. Так вокруг работорговли засиял ореол славы и она стала христианской миссией. Каждый мужчина, каждая женщина, каждый ребенок, доставленный в цепях на работорговое судно, проходил предварительно обряд святого крещения — за умеренное вознаграждение, разумеется. В скором времени, однако, требование папы — переправлять в Америку только крещеных рабов — стало соблюдаться менее строго.

В XVI в. на рынке Лиссабона, который превратился в крупнейший перевалочный пункт работорговли, ежегодно продавалось двенадцать тысяч рабов из Африки. Только английские суда в период с 1680 по 1786 г. перевезли в Америку более двух миллионов человек. Купцы королевской привилегированной компании раскаленным железом выжигали каждому рабу клеймо в виде трех стрел. Англичане, проявлявшие наибольшую беспощадность и энергию в работорговле, сделали ее осью своей политики. Только благодаря прибылям от работорговли такие города, как Ливерпуль, Бристоль и Лондон, стали портами мирового значения, а Англия в целом — великой морской державой.

Ливерпульские купцы опередили своих конкурентов, так как располагали необходимыми для работорговли товарами. Их поставляла английская промышленность. Ткани, железные изделия, дешевые украшения, ружья, порох и прежде всего спиртные напитки обменивали на рабов, а рабов в Вест-Индии обменивали на сахар, ром, хлопок и кофе, на которые большой спрос предъявляла Европа. Это была тройная коммерция.

Ливерпуль и его окрестности представляли собой сплошную мастерскую. Здесь неустанно вращались веретена, стучали ткацкие станки, грохотали молоты в кузницах и на верфях. Мужчины, женщины, а то и дети работали по пятнадцать и даже по шестнадцать часов в сутки, чтобы удовлетворить непрерывно возраставшие потребности рынка. Между работоторговлей и подъемом европейской промышленности существовала тесная связь.

«Эпсха западноевропейской работоторговли, — пишет немецкий историк Вальтер Марков, — явилась для общественного развития всей Африки катастрофой, имевшей страшные последствия... На протяжении примерно четырех столетий Европа и Африка развивались диаметрально противоположными путями в буквальном смысле этого слова: в то время как Европа быстро достигла мирового господства, Африка, за счет которой она развивалась, превратилась, по выражению Маркса, в заповедное поле для охоты на чернокожих. Внуки ученых, преподававших в университетах Санкоре в Томбукту, вывозились в качестве рабов на американские плантации».

Цвет интеллигенции западноафриканских государств был истреблен или вывезен, поля пришли в запустение, системы орошения разрушились, города обратились в груды пепла, целые племена были уничтожены. Культуры, достигшие между X и XIII вв. наивысшего развития, стали достоянием прошлого.

За период работоторговли Африка потеряла сто миллионов, а может быть, даже сто пятьдесят миллионов человек. В то время как население Европы выросло во много раз, в Африке его численность осталась на уровне XV в. Во время некоторых походов работоторговцев погибало по шестьдесят тысяч и даже по сто тысяч человек. Огромные области полностью обезлюдели.

По подсчетам американского африканиста негритянского происхождения Уильяма Дюбуа, в XVI в. из Африки в Америку было доставлено 900 тысяч африканцев, в XVII в. — 2,8 миллиона, в XVIII в. — 7 миллионов, в XIX в. — 4 миллиона, в общей сложности около 15 миллионов человек. Другие авторы называют цифру 20 миллионов. Погибло при этом в несколько раз больше.

Немецкий исследователь Африки Лео Фробениус в 1900 г. побывал в деревнях «Черного континента», где улицы были обсажены в четыре ряда пальмами, а дома

искусно украшены. Он рассказывает о шелковых тканях, изделиях из кожи, инструментах и орудиях, которые в художественном отношении вполне могут выдержать сравнение с предметами обихода Древнего Рима. Однако все это встречалось лишь в местностях, которые избежали ужасов работорговли. Там, где она свирепствовала, она уничтожала какой бы то ни было социальный порядок и проявления высокой культуры.

Но и после прекращения работорговли европейцы не перестали опустошать страну. Вот, например, телеграмма агентства Гавас о «продвижении» европейских колониальных войск в Западной Африке: «Полковник Доддс не намерен после взятия Абомея оставаться в городе. Его план состоит в том, чтобы сжечь город дотла. Перед уходом он намерен снести с лица земли и Кано. Кроме того, он опустошит все деревни, находящиеся на территории племен, которые выступили против нас, чтобы они надолго запомнили наказание!».

Еще в конце XVIII в. каждый пятый человек на земном шаре был негр. Но в результате работорговли и ее страшных последствий доля черной расы в общей массе населения нашей планеты все время сокращалась. Ныне лишь каждый тринадцатый ее обитатель имеет черный цвет кожи. В то время как за последние три века численность населения во всех странах возросла, в Африке, несмотря на большую рождаемость, она осталась неизменной.

САМБА — АФРИКАНСКИЙ ТАНЕЦ

Работорговля повлекла за собой огромные последствия для истории и культуры не только Африки, но и Америки. Африканцы привозили с собой в Новый Свет свои культурные растения — просо, кофейное дерево, банан, инжир. Они привозили также свои представления о мире видимом, в котором живет человек, и о мире невидимом, где обитают боги, свои сказания и легенды о матери земли Асаса, о боге рек Осиа Тандо, свое искусство, свои танцы, свою музыку... Вокруг Карибского моря возник африканский мир. Среди населения средней части бразильского побережья и Центральной Америки ныне преобладают африканцы: они составляют около тридцати миллионов человек. А во всей Америке численность выходцев из Африки

достигает пятидесяти миллионов человек. В Нью-Йорке сейчас проживает один миллион «афро-американцев», как их называют в США, в Чикаго — 600 тысяч.

Каждому, кто попадет в бразильский порт, может показаться, что он по воле случая оказался в Африке. Здесь темнокожие люди определяют облик улиц. Значительный процент населения — африканского происхождения, и они еще поныне соблюдают некоторые обычаи родной страны: поют африканские песни, танцуют африканские танцы, чтят африканских богов. Из Африки пришел танец самба, так же как и острые кушанья прибрежных жителей. Здесь из глины изготавливают поразительно красивую керамику — блюда, кувшины и сосуды и покрывают их древним орнаментом, как делали когда-то в Африке. В Бразилии, как и на островах Вест-Индии, африканское влияние возобладало над культурой коренного населения и европейских иммигрантов.

Политическое развитие латиноамериканских государств, в особенности их борьба за национальную независимость, немыслимы без активного участия потомков африканских рабов. Восстания рабов помогали завоевывать свободу. Их часто возглавляли люди, по праву вошедшие в историю, например «Черный Спартак» Туссен-Лувертюр, который в конце XVIII в. сплотил вокруг себя восставших рабов Гаити и завоевал им свободу.

ИМПЕРИЯ НГУСЭ НЭГЭСТИ (ЦАРЯ ЦАРЕЙ)

Кровь бывает только одного цвета, а дух не имеет никакого.

Поговорка народа басуто

ТАМ, ГДЕ ИИСУСА СЧИТАЛИ ТЕМНОКОЖИМ

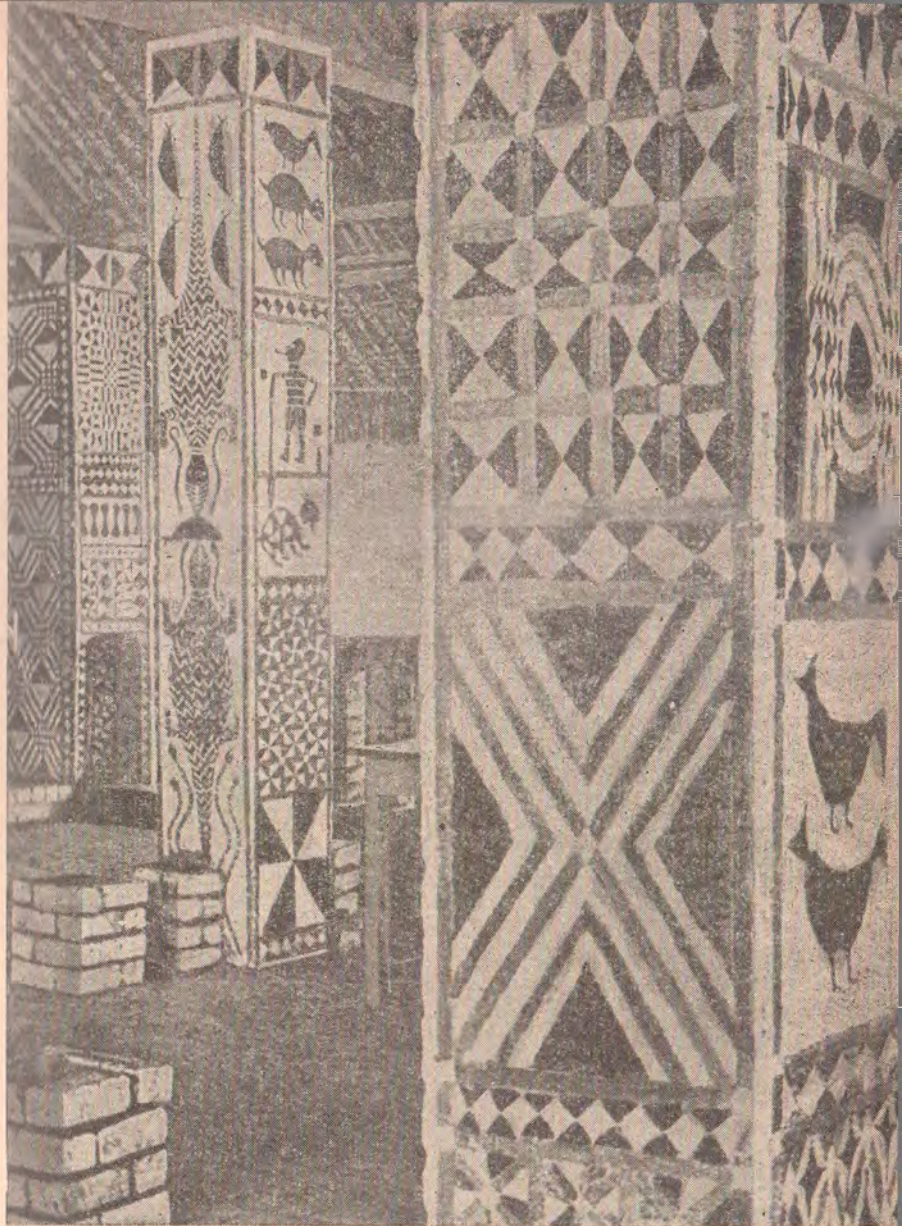
Историю Эфиопии можно проследить далеко в глубь веков. Еще за сотни лет до нашей эры вооруженные отряды из Южной Аравии регулярно пересекали Красное море и в поисках рабов, слоновой кости, золота и других сокровищ бродили по равнинам и горам нынешней Эфиопии. Наименование страны происходит от греческого слова «Эфиопиа», что означает «страна людей с обожженными [солнцем] лицами». Древнегреческие философы называли «Эфиопией» все земли к югу от Египта.

Позднее жители Южной Аравии стали большими группами переселяться в долины горных областей Эфиопии; они смешались с кушийскими племенами, населявшими Эфиопию к тому времени.

Археологические данные позволяют думать, что в первые века нашей эры было создано царство Аксум. Еще более древняя история Эфиопии тесно связана с южноарабским государством Саба. То, что рассказано об этом в хрониках эфиопских монастырей, кажется почти легендой.

ПОТОМКИ ЦАРИЦЫ САВСКОЙ

Согласно легенде, царица Савская, библейская «царица юга», почти три тысячи лет назад предприняла путешествие в Иерусалим, чтобы испытать мудрость царя Соломона. Вряд ли в Эфиопии есть такое место, где не вспоминали бы об этой любовной истории, так как с ней эфиопы связывают происхождение своего легендарного императора Ме-

Стенная роспись (Конго)

нелика I. Статья 3 главы I «Конституции Эфиопии» ныне гласит:

«В силу закона титул императора навсегда связан с родом его величества Хайле Селассие I, потомка императора Сахле Селассие, происходящего по прямой линии от династии Менелика I, сына царя иерусалимского Соломона и эфиопской царицы, известной под именем царицы Савской».

ЧТО СТАЛО С АКСУМОМ?

Во времена легендарного Менелика I в Эфиопии еще не было признаков христианства. В начальный период царства Аксума исповедовалась доисламская и дохристианская религия — там поклонялись луне, солнцу и утренней звезде. К жителям Аксума вскоре после расширения границ страны стали притекать по караванным путям богатства всей Эфиопии, в которой многие видели сказочную страну золота — Офир. Аксумиты разбогатели и превратились в неогоаниченных владык страны.

Царство Аксум расширяло свои границы и расцветало. Возникали города, но большинство их к настоящему времени разрушилось, об их внушительных постройках часто свидетельствуют лишь огромные камни.

Австриец фон Калло, который в 1831 г. одним из первых европейцев посетил суданские государства и еще мог наблюдать уходящее величие «царя царей» Эфиопии, сообщал в своих путевых записках:

«Я проехал мимо монастыря под названием Абба Панталеон и мимо обелиска, возвышающегося на скале над ним, и попал на высеченную в скале древнюю дорогу шириной в 15 метров, сильно разрушенную; взглянув на двухметровый парапет, легко убедиться, что дорога сооружена в очень отдаленном прошлом. На парапете на равных расстояниях друг от друга изваяны цоколи, на которых когда-то стояли гигантские скульптуры богов; вокруг лежат обломки статуй, в частности два огромных, но почти совсем разрушенных изображения Сириуса.

Из ста с лишним цоколей сохранилось всего одиннадцать. Как и статуи, они выполнены очень грубо и, по-видимому, относятся к древним временам. На них можно различить надписи, впрочем, уже выветрившиеся. На некоторых цоколях, судя по обломкам, стояли сфинксы.

В этом месте когда-то возвышался величественный храм, от которого сохранилась значительная часть террасы высотой около трех метров. Своим расположением он напоминает древние нубийские храмы. На земле я заметил осколок разбитого обелиска, который, как и многие другие встречающиеся в Аксуме памятники, древнее этой дороги; они также сооружены в пору седой древности и уступают египетским обелискам. Поскольку на них нет каких-либо надписей, я полагаю, что они воздвигнуты в те времена, когда в Эфиопии еще не было письменности...

На террасе стоит небольшая церковь. Ее основанием служит фундамент более древней церкви, построенной в 320 г. н. э. Фрументием, эфиопским апостолом; его церковь в свою очередь поставлена на фундамент еще более древнего эфиопского храма... На террасе, где сохранились еще и другие следы древности, происходило коронавание правителей».

Португалец Мигель де Кастаньо́за, который в составе португальского отряда из четырехсот человек под командой Христовано да Гама с 1541 по 1543 г. участвовал в победоносном походе нгусэ Клавдия против войск исламского полководца эмира Мухаммеда ибн Ибрагима, в своем сообщении упоминает о двух больших бассейнах вблизи расположенного в горах монастыря Дебра Дамо на востоке провинции Тигре; предполагают, что водохранилища были построены еще в те времена, когда Эфиопия заселялась пришельцами из Южной Аравии. Резервуары высечены глубоко в скалах, к ним спускаются ступени. Теперь известно, что ранее в Эфиопии было много резервуаров для собирания воды и плотин, служивших для орошения. Столицей Эфиопии был Аксум. Крупным центром торговли являлся порт Адулис, который в греко-римскую эпоху имел, вероятно, большое значение для торговли Египта с Индией. Аксумские властители носили титул *нагаши*, а позднее *нгусэ нэгэсти*, что означает «царь царей».

Из надписей аксумских царей, повествующих о походах против соседних стран и покорении народов, явствует, что царям Аксума принадлежали северные области нынешней Эфиопии и почти вся Эритрея. В I в. они предприняли поход на юг, где сейчас проходит граница Эфиопии. Одна из надписей гласит: «...Я переправился через поток и подчинил семене, народ, живущий на той стороне Нила, в негостеприимных горах, изобилующих снегом, где [господст-

вуют] снежные метели и морозы и [лежит] такой глубокий снег, что в него погружаешься по колено».

В IV в. аксумитами были покорены государство Мероэ, а также южноаравийские государства Химьяр, Райдан и Саба. Нагаши Эзана принял христианство, которое позднее стало государственной религией.

НОВЫЙ АЛФАВИТ

В правление Эзаны вместо старого алфавита, содержавшего одни согласные, было введено новое, огласованное письмо. Надписи на каменных плитах и на монетах, относящихся к позднейшим годам царствования Эзаны, говорят уже о принятии христианства. Вероятно, самая древняя из этих надписей — та, что сделана на каменной плите и находится за пределами Аксума. Она составлена на двух языках — греческом и эфиопском, но выполнена письмом трех видов — греческим, сабейским и древнеэфиопским — геэз, близким к сабейскому. Еще в 356 г. римско-византийский император Констанций, обращаясь к Эзана и его соправителю и брату Шеазана, величал их «высокочтимыми братьями Айзана и Сайзана, царями Аксума», но два века спустя всякая связь с христианской церковью оборвалась. Вероятно, в VI в. при нагаши Калебе, которого греческие писатели называли его вторым именем — Элла-Асбехой, в Аксум явились египетские и сирийские монахи. В результате их деятельности христианская церковь Аксума вместе с александрийской отложились от Рима и отвергла догмат о двойственной ипостаси Христа. Аксумская церковь примкнула к египетской монофизитской церкви*. Ее глава, *абуна*, с этого времени и вплоть до 1950 г. назначался египетским патриархом. В настоящее время эфиопская церковь стала полностью автономной. С 1950 г. абуна избирается эфиопским духовенством.

В VII в., в период расцвета Аксума, над Африкой пронесся вихрь исламских завоеваний. Спустя несколько десятилетий зеленое и красное знамя пророка развевалось уже на побережье Атлантического океана. Южная Нубия в течение столетий оборонялась против превосходящих сил

* Христианство монофизитского толка признает только одну — божественную — природу Христа.

ислама, но на полуострове Сомали, в Эритрее и на побережье Данакиль арабы закрепились довольно скоро. Их поддерживали осевшие там ранее арабские купцы и некоторые африканские племена, не прекращавшие борьбы против господства Аксума.

Еще в доисламские времена арабские торговцы основывали поселения и фактории на восточном побережье Африки. Но после того как воины Магомета одержали победу, туда хлынул поток арабских купцов, моряков и работников.

Вскоре во многих портах от мыса Гвардафуй до таинственной Софалы воцарились арабские шейхи, правившие небольшими княжествами. Вооруженные караваны проникали в глубь полуострова Сомали, а через Сеннар, Дарфур, Уаддаи, Багирми, Канем и Борну достигали государств в излучине Нигера и на Гвинейском побережье.

Христианско-эфиопское государство Аксум, отрезанное от всего мира на севере воинствующим исламом, а на юге и западе умеренным исламом арабских купцов, представляло собой словно уединенный остров в океане мусульманства. Основа его могущества — морская торговля с Востоком — была подорвана. Ее место заняла караванная торговля, которую вели арабы. Адулис, когда-то большой и богатый порт, опустел.

В путевых записках австрийца фон Калло, который в 1831 г. посетил Адулис, мы читаем:

«Там, где когда-то стоял богатый и могущественный морской город, гавань империи Аксум и Эфиопии, я увидел всего лишь огромную, простирающуюся на 300 метров с востока на запад кучу обломков и необработанных глыб лавы, из которых когда-то здесь возводились здания, засыпанные фундаментом, развалины христианской церкви более позднего времени, остатки храма в виде обломков колонн и капители. К сожалению, я не нашел никаких следов надписей, которые кто-то здесь видел, знаменитых мраморных плит и других памятников давно ушедшей эпохи».

Одно из древнейших государств Африки в VIII — начале IX в. почти исчезло из поля зрения Европы и даже других африканских стран, хотя до XI в. сохранялись его остатки.

Позднее стали уже говорить не об Аксумском, а об Эфиопском государстве.

В ПОИСКАХ ЦАРСТВА ПРЕСВИТЕРА ИОАННА

В страны Средиземного моря проникали неправдоподобные сведения об Эфиопии. Рассказы о войнах легендарного христианского государства Аксум против его мусульманских соседей стали в Европе героическим эпосом. Упорно распространялись туманные слухи, будто где-то в сердце Африки есть христианское царство, богатое золотом, слоновой костью, пряностями и ценными породами дерева. Европейские государи с вождением думали об этих сокровищах, а когда турки и арабы стали теснить их на восточных рынках, в ратушах крупных торговых городов Европы и во дворцах европейских правителей все большие надежды начали возлагать на африканское царство. Союзник с крестом в тылу ислама явился бы спасением для их опустевшей казны!

Начиная с XIV в. эфиопское государство в представлениях европейцев чаще связывается с царством пресвитера Иоанна, которое до тех пор тщетно искали в Азии и о котором надеялись получить существенную помощь.

Со своей стороны Эфиопия также искала связей с европейскими рынками. Это объясняется тем, что с тех пор как в 1270 г. Екуно Амлак, захватив власть, восстановил династию Соломонидов, границы христианского государства почти соприкасались с областью господства ислама.

В разгар португальского проникновения в Африку, целью которого были поиски Эфиопии — «африканской Индии», пришло известие о том, что генуэзец Колумб состоящий на испанской службе, открыл морской путь в Индию через Атлантический океан. Испания, казалось, приобрела перевес над Португалией.

Еще за несколько лет до этого португальцы направили надежного человека собрать подробные сведения с царстве пресвитера Иоанна.

Одетый как богатый мусульманский купец, Перу ди Ковильям, знавший несколько языков, отправился на дхау* в Ост-Индию. После продолжительного, полного приключений плавания на арабских и персидских судах Ковильям достиг побережья Сомали. Никто не заподозрил в нем неверного, и, посещая разные значные места и базары, он узнал, что вскоре большой вооруженный

* Легкое и быстроходное парусное судно (араб.).

караван отправится в великое царство на юге. Сопоставив свои наблюдения, Ковильям пришел к выводу, что речь может идти лишь о царстве пресвитера Иоанна, и присоединился к каравану.

После нескольких недель пути они добрались до тропы, которая, извиваясь, вела вверх по горным ущельям. По мере продвижения вперед им встречалось все больше людей. Деревни были окружены палисадами и глиняными стенами, над воротами нависали тростниковые крыши. Каждый раз, когда караван приближался к какому-нибудь городу, из его ворот, по словам Ковильяма, навстречу чужеземцам устремлялось несметное число пеших и конных воинов. Их кони были покрыты леопардовыми шкурами, украшены серебряными и медными безделушками, красной кожей и жемчугом. Белые одежды всадников развевались на ветру, копья и мечи сверкали на солнце. Некоторые воины с причудливыми прическами, в ярких тюрбанах, с блестящими амулетами на шее держали в руках огромные кожаные щиты.

— Мы из царства Гондар, — говорили они: на их смуглых, с правильными чертами лицах, когда они улыбались, сверкали белые как снег зубы.

— Царство пресвитера Иоанна? — Воины строгательно качали головами.

Ковильям добросовестно брал на заметку все, что видел и слышал. Он видел церкви, построенные из бревен и обмазанные глиной, увенчанные блестящими крестами. По улицам двигались процессии священников в белых одеяниях с зонтиками для защиты от солнца, с хоругвями, распятиями и кадилами. Повсюду он видел кресты — на одеждах знати, на глиняных стенах. Крест был символом этого государства, которое, несмотря на вековую изоляцию, проделало в своем общественном развитии тот же путь, что и Европа, с той разницей, что под влиянием народов, поклонявшихся силам природы, а также своих соседей, исповадовавших мусульманство и иуданзм, христианство, смешавшись с элементами других культов, претерпело здесь своеобразное изменение.

Страна была покрыта густой сетью монастырей, которые владели значительной частью земли и играли важную политическую роль. Хотя Эфиопия была феодальным государством, однако рабство тоже занимало определенное место в ее хозяйстве. Земля принадлежала игусэ, он раз-

давал ее лишь своим придворным. Под властью нгусэ находилась огромная территория, заселенная различными народами: амхара, тиграи, галла, камбатта, агау, данакиль, сомали... Эти области либо сохраняли положение вассальных государств и облагались данью, либо были превращены в провинции, которыми управлял губернатор.

Личность нгусэ считалась неприкосновенной. Нгусэ жил замкнуто, видеть его могли лишь высшие чиновники и пажи. Когда он председательствовал в суде, лицо его было закрыто и за него говорил чиновник, «царский голос». Даже на заседаниях государственного совета нгусэ сидел в отдельном помещении и смотрел на происходящее через решетку. Его нога не должна была ступать на землю за оградой дворца. Покидал он его пределы во время публичных церемоний только верхом на муле, которого вели шесть пажей, под специальным балдахином. Впереди шли шесть мулов и шесть коней, и каждого из них вели четыре человека, а за ними шествовали шестнадцать пажей. Нгусэ постоянно сопровождали четыре скованных льва, за ними следовало сто человек с блюдами с мясом и столько же — с корзинами, полными различной едой.

Донесение Ковильяма окольными путями достигло португальской столицы, а самому ему пришлось навсегда остаться в Эфиопии: там относились подозрительно к чужеземцам и не выпускали их из страны.

ИЗ-ЗА МОРЯ ЯВИЛСЯ ВРАГ...

После завершения строительства Суэцкого канала в 1869 г. Восточная Африка приобрела мировое значение. Стратегическое положение стран, через которые протекает Нил, а также их роль поставщиков хлопка побудили европейские колониальные державы перенести в эту часть Африки центр тяжести своей захватнической политики. С 1883 г. хлопковые поля Египта перешли к англичанам. Они собирались в ближайшее время завладеть и хлопковым районом Судана. В лондонском министерстве колоний уже лежали наготове проекты сооружения Асуанской плотины, которая должна была не только оживить 200 тысяч гектаров бесплодной земли, но прежде всего дать английскому колониализму возможность распоряжаться судьбами страны, решать, быть ли ей пустыней или цветущим

краем. Однако с точки зрения Великобритании строительство могло иметь смысл только в том случае, если в верхнем течении Нила никто не мог бы построить другую плотину. Поэтому все устремления Британской империи были направлены на то, чтобы захватить озеро Тана и прилегающую территорию.

Европа, когда-то стремившаяся заручиться поддержкой «царства пресвитера Иоанна», теперь решила его завоевать. Однако Эфиопия, как и за столетия до того, оказалась неприступной. «Карательная» экспедиция англичан в 1867—1868 гг. не имела успеха. Аналогичная попытка Италии также провалилась.

В 1891 г. эфиопский император Менелик II обратился ко всем великим державам: «Я не собираюсь безучастно наблюдать, как вдалеке отсюда происходит дележ Африки... Эфиопия с незапамятных времен была независимой. И она достаточно сильна, чтобы остаться независимой...»

Рим посмеялся над этим посланием и в 1895 г. начал военные действия против Эфиопии. Менелик обратился к народу Эфиопии с манифестом:

«Из-за моря явился враг, он нарушил наши границы, чтобы уничтожить наш народ и нашу веру. Я испробовал все средства, в течение пяти лет — слишком долго — я вел переговоры, желая избавить мою страну от испытаний... Однако враг вторгается все дальше вглубь. Словно крот, подкапывается он под нашу страну и народ. Во имя отца, и сына, и святого духа я силой остановлю пришельцев, которые не желают внять увещеваниям. Пусть ко мне придут все, кто в силах держать оружие в руках! А тот, кто слишком слаб, чтобы воевать, пусть молится за нас...»

Итальянская авантюра завершилась в 1896 г. в безводной долине Адуа гибелью всей эритрейской армии Италии. Лопнула мечта о создании большой итальянской колонии, изобилующей плодородными горными равнинами, золотом и слоновой костью. Призрачными оказались полвека спустя и завоевания итальянского фашизма. В 1941 г. император Хайле Селассие I снова взошел на древний императорский трон, теперь уже окруженный ореолом не только сказочного правителя: он являлся главой государства, которое доказало свою силу и прочность.

ДРЕВНЯЯ СТРАНА ЗОЛОТА

Кто пьян от вина, тот
проспится,
А кто от мечты о богатстве —
никогда.

Занзибарская пословица

С ПУШКАМИ НА БОРТУ

Васко да Гама * нетерпеливо шагал взад и вперед по своей каюте. Он останавливался перед иллюминатором, рассеянно смотрел на волны и нервно барабанил пальцами по деревянной обшивке. С тех пор как в январе 1498 г. его сюда бросили якорь в порту Мозамбик, у него не было ни одной радостной минуты. Средства, которыми он с успехом пользовался во время путешествия вдоль африканского побережья, здесь оказались непригодными. На островах у побережья, у мыса Доброй Надежды медные колокольчики и стеклянные бусы оказывали на черных магическое действие. Но в гаванях Восточной Африки на его дешевые товары смотрят с презрением: «Мы привыкли, что гости преподносят нам более ценные подарки, они понимают, что мы не бедняки; а этими вещами вы нас унижаете», — дают понять чужестранцам местные жители.

К тому же его матросы, считавшие до сих пор, что Португалия не имеет равных себе в искусстве мореходства, с изумлением убедились, что Мозамбик буквально кишит судами, которые поддерживают связь с Восточной Азией. На обширном рынке Мозамбика продаются жемчуг, слоновая кость, серебро, драгоценные камни и пряности: гвоздика, имбирь, корица, перец — словом, те самые товары, ради которых португальцы собственно и отправились на поиски Индии.

* Португальский мореплаватель (1469—1524), открывший морской путь в Индию.

В довершение всего — встреча с шейхом Мозамбика, который явился на судно в дорогом шелковом одеянии! Его спутники — ушитых золотом поясов они носили кинжалы с тончайшей инкрустацией — пришли с великочепными подарками. Что это за туземцы, которых на борту судна не могло поразить ничто, кроме пушек и аркебузов? Их не удивили ни размеры судов, ни компасы и квадранты * — эти приборы они уже знали и умели ими пользоваться.

В письменном столе да Гамы лежали отчеты португальца Ковильяма, который первым из европейцев сумел достичь Восточной Африки. Как привлекательны в его описании здешние города и богатые восточные базары! Но Мозамбик превзошел все ожидания португальцев.

Европейские правители и торговые фирмы уже давно пытались выведать, где находятся сказочные рынки золота и пряностей, которые Африка тщательно скрывает от глаз чужеземцев. Служащему генуэзского торгового дома «Центурион» Антонио Мальфанте удалось проникнуть в один из таких центров торговли — в сахарский оазис Туат. Однако португальцы не могли поддерживать с ним регулярную связь: подступы к Сахаре охраняли исламские государства, обладавшие сильными армиями, а восточный выход из Средиземного моря запирала Турция.

Тогда торговые дома Европы стали искать пути, которые лежали бы вне контроля турок и арабов. Не только генуэзцев интересовало, как, минуя посредничество арабских торговцев, добраться до сокровищ Африки и стран пряностей. Европа испытывала нехватку золота: оно в уплату за предметы роскоши непрерывным потоком шло на Восток, который отказывался принимать в обмен европейские товары. Утечка драгоценных металлов грозила катастрофическими последствиями для европейских стран.

И вот ему, рыцарю Васко да Гама, Лиссабон поручил любой ценой найти путь в Индию. Снова и снова перечитывает он сообщения Ковильяма. «Суда, отправляющиеся в Гвинею, если они плывут достаточно долго на юг, достигают места, где материк кончается. Когда же они затем попадают в Восточный океан, им лучше всего навести справки относительно Софалы, или Лунного острова [Мадагаскар]. Там они найдут лоцманов, которые укажут им путь в Индию». Легко сказать! Как найти такого лоцмана?

* Старинный угломерный астрономический инструмент.

И снова да Гама мёрил шагами каюту. Ему нужно во что бы то ни стало выяснить, почему местные жители избегают португальцев.

Он принял решение действовать силой. К этому методу в последующие столетия снова и снова прибегали колониальные державы, когда безделушки, дешёвые товары, а позднее так называемая экономическая помощь не приносили успеха.

По приказу да Гамы три корабля построились в боевой порядок, матросы сняли с пушек кожаные чехлы и обстреляли герод. Жители в паническом страхе устремились с острова* на материк. Впервые в истории гром пушек европейских завоевателей слился с рокотом прибоя Индийского океана; началась эпоха, когда европейские «носители культуры», сея ужас и смерть, вторгались в Африку и, пользуясь преимуществом в силах, устанавливали в африканских странах колониальное господство.

Экипаж Васко да Гамы бросился в погоню за обезумевшими от ужаса жителями Мозамбика. Одно из маленьких, легких суденышек под парусом из сушеных пальмовых листьев перевернулось, и португальцы захватили его команду в плен. В ее составе находился араб, его-то и привели к Васко да Гаме.

Португальцы вывели у пленного, почему коренное население избегает их.

«Мозамбик находится на полпути между Софалой и Кильвой. Золото доставляется из большого королевства, лежащего в глубине материка, за Софалой, а пряности мы привозим из Индии. И то и другое — главные наши товары. Мы о них не рассказываем, так как оберегаем нашу торговлю», — показал под пыткой араб.

Так португальцы в первый раз услышали, что в Восточной Африке есть золото. Это были ценные сведения. Но да Гама искал путь в Индию. Гонимый жадой золота, он двинулся дальше, в Момбасу и Мелинду, и там нашел лоцмана, который привел его в Каликут — в Индию.

Когда четырнадцать месяцев спустя суда Васко да Гамы с поломанными реями и порванными парусами, с днищами,

* Город и порт Мозамбик, давший название всей территории португальской колонии, расположен на маленьком коралловом острове, отделенном от материка небольшим проливом.

заросшими раковинами, с трудом вошли в устье Тахо *, Лиссабон, а за ним и все столицы Европы слышали о золотой стране Мономотапа в Восточной Африке.

«Победоносный завоеватель, владыка судоходства и торговли с Эфиопией, Аравией, Персией и Индией» — такое добавление сделал к своему титулу король Мануэл Португальский.

«ХРОНИКИ КИЛЬВЫ» ПОД ЗАМКОМ

Худшие опасения арабов оправдались. Под прикрытием пушек португальцы возвели на восточном побережье Африки каменные крепости. Все большее число кораблей прибывало для охраны их владений. Они захватили торговые поселения арабов и продвигались все ближе к государству Мономотапа. В 1500 г. португалец Кабрал первым из европейцев вступил в Кильву, стоявшую на месте древнегреческой колонии Ралта. Позднее под покровом буйной растительности были найдены развалины дворца и башни, оставшиеся от древнего поселения.

Португальский адмирал Альмейда, вице-король Индии, сжег Момбасу, подчинил себе султана Кильвы и подверг жителей жестоким карам.

Знаменитые «Синет ал-Килавия» — хроники Кильвы, содержащие перечень более чем сорока властителей, царствовавших на протяжении пяти веков, перекочевали вместе с другими документами в португальский государственный архив. Там они долгое время хранились в секрете от других держав и исследователей. Португалия стремилась, чтобы мир ничего не узнал о ее колониях, не желая ни с кем делиться ни богатствами этих стран, ни сведениями о них.

В последующие столетия древняя культура Восточной Африки подверглась уничтожению. Такие города, как Кильва — торговый центр, насчитывавший триста мечетей, — были заброшены и превратились в бедные портовые поселки. Португальское колониальное господство распространилось на всю страну, которая позднее по имени портового города стала называться Мозамбиком.

* Река в Португалии, впадающая в Атлантический океан близ Лиссабона.

В 1502 г. во время второго путешествия в Индию Васко да Гама мог убедиться, что араб сказал под пыткой правду. На побережье Софалы арабы вели торговлю золотом. Томас Лопес, сопровождавший Васко да Гаму, писал:

«Маврские купцы рассказывают, что в Софале имеется невиданный рудник и что, по сообщениям их книг, царь Соломон каждые три года получал оттуда огромное количество золота».

А в 1505 г. Эдуардо Перейра сообщал португальскому королю:

«Ваши капитаны открыли большой рудник (гавань) и захватили его; многие считают, что это Офир, но что сейчас он называется Софалой».

Может быть, это и был тот самый загадочный Офир, легендарная страна золота, о которой говорится в Библии? А царь Соломон — тот самый царь, который фигурирует в Ветхом Завете? Возникает вопрос за вопросом, за ними в последующие века тянутся новые. Неточные указания старых португальских историков, для которых понятия рудника и гавани Софала тождественны, а Софала — то же самое, что и таинственное государство Мономотапа, еще более запутывают дело. Наконец уже в новое время в Египте был обнаружен роскошный храм Дейр-эль Бахари. Его иероглифические надписи и великолепные настенные фризы повествуют о том, что фараоны древнего Египта также знали Пунт — страну золота и благовоний.

Надпись в храме Дейр-эль-Бахари гласит: «По приказу божественного владыки Амона, повелителя Карнакского храма в Фивах, доставить ему драгоценности со всей страны, согласно его желанию...».

Царица Макара (Хатшепсут) исполнила это для своего отца Амон-Ра. Ничего подобного еще не бывало в этой стране в правление других царей... Могущественная область страны богов... которую египтяне знают лишь понаслышке... Там берут благовоний сколько хотят и нагружают ими корабли сколько заблагорассудится. Имеются деревья свежего ладана и всевозможные прекрасные вещи... Жители Пунта ничего не знают о Египте... При прежних царях товары его со времен Ра доставлялись через одного к другому...».

Открытие надписи в Дейр-эль-Бахари переносит нас назад, приблизительно к 1495 г. до н. э., когда Египет возобновил длительные морские путешествия в легендарный Пунт.

ЕГИПТЯНЕ ПЛЫВУТ В СТРАНУ ПУНТ

Вот уже три года как на золотом троне фараонов в Фивах восседала женщина. Макара Хатшепсут держала в руках скипетр — знак власти фараона, на ее голове была двойная корона — символ двойного египетского царства. Под ее сильной рукой процветали искусство и наука. Хатшепсут любила роскошные здания. Ее строители начали возводить в скале в честь Амона — божественного отца Хатшепсут — великолепный храм. Но к этому времени сокровищница Хатшепсут опустела.

Сенмут, министр и доверенный ее сердца, знал о ее заботах. В продолжение многих месяцев мысли его были заняты только тем, как бы возвеличить имя повелительницы. Храмовые книги открыли ему повеление Амона. Приблизительно за тысячу лет перед тем, при фараоне Сахурэ пятой династии (около 2500 г. до н. э.), египетские суда покинули гавань в Красном море и отправились на юг. Через три года они вернулись с грузом, состоявшим из 80 тысяч мер мирры, 6200 единиц золота и серебра, 2600 стволов деревьев ценных пород. Кроме того, они привезли чернокожих карликов для храмовой службы.

В последующие десятилетия много экспедиций было направлено в сказочную страну Пунт. Сенмут знал, что в одном из храмов третьего фараона Ментухотепа (около 2100 г. до н. э.), находящемся в пустыне к западу от Фив, имеется надпись, которая рассказывает, как путешественники, прибывшие из Пунта, складывают сокровища к ногам фараона. Читал он и надпись на могиле рулевого Хнумхотепа на Элефантине: покойник не менее одиннадцати раз ездил с капитаном Хеви в Пунт. Это было приблизительно восемьсот лет назад. Затем (около 1710 г. до н. э.) в страну вторглись гиксосы. После этого великий Нил поднимался и спадал пятьсот раз. Все эти годы ни одно судно не отправлялось в Пунт. Но теперь, когда достославный Тутмос I изгнал гиксосов, он, Сенмут, решил позаботиться о том, чтобы восстановить традиционные путешествия в страну Пунт. Хатшепсут доверила ему и поручила организовать экспедицию.

Вскоре судостроители двух маленьких портовых городов на Красном море получили приказ построить пять тридцативесельных кораблей. Это были красивые устойчивые парусники. Каждый имел 90 стоп в длину и 20 в ширину;

водоизмещение — 80 тонн. В середине обшитой досками палубы поднималась стройная кедровая мачта с длинной реей. Яркие паруса легко поддавались управлению. Трюмы были загружены тонким египетским полотном, корзинами с искусными украшениями, кувшинами со стеклянным бисером. Египет готовился к торговле, а не к завоеваниям.

В Косейр прибывали чиновники и солдаты, чтобы принять участие в путешествии. Весть о предстоящем отплытии судов в Пунт обошла всю страну, на мачтах уже реял выпел отправления. Когда солнце достигло зенита, когда вода в Ниле поднялась и одновременно установился северный ветер, причальные тросы были отданы и суда двинулись в море. Вел маленькую флотилию Чхути. Он уже не раз плавал на небольших каботажных судах на юг и знал Красное море до самых дальних его берегов. К равноденствию он уже будет у мыса Гвардафуй.

САБЕИ * БЫЛИ ОСВЕДОМЛЕНЫ ЛУЧШЕ

После нескольких недель пути вдоль побережья египетские суда достигли небольшой бухты у оголенного мыса Гвардафуй, покрытого расщелинами. Здесь они стали ждать северо-восточного муссона, который должен был погнать их далее на юг. Тем временем Чхути отправил на берег солдат и писцов — ознакомиться с побережьем и его населением. Это было поручение фиванских жрецов. Сведения, которыми располагали ученые жрецы, не простирались далее мыса Гвардафуй. Они даже не предполагали, что египетский флот продвигается вдоль материка. Древние египтяне не имели представления о форме и протяженности огромной массы суши, позднее получившей название Африки. Они знали только черных нубийских рабов, которых фараоны приводили из походов на юг.

Даже тысячу шестьсот лет спустя Птолемей писал о районах, находящихся к югу от Сахары: «В ту пору, когда на севере зима, солнце настолько приближается к южной части земного диска, что из-за чрезмерной жары какая-либо жизнь и пребывание человека становятся здесь невозможными; вот почему следует держаться подальше от этих стран».

* Племена, населявшие Сабу.

Посланцы Чхути обнаружили безлюдные земли, иссушенную почву, напоминающую пустыню. Тут над морем нависли черные тучи и дождь оповестил о приближении муссона. Чхути велел поднять паруса, и суда быстро двинулись на юг. На восьмой день норд-ост сменился ураганом. К счастью, наблюдатель на мачте вовремя заметил на горизонте мыс, а за ним закрытую бухту.

Когда египетские суда стали на якорь, сабеи на маленькой гребной лодке приблизились к ним. Египтяне были рады встретить людей в этой пустынной местности, и Чхути протянул им кубки из раковин, наполненные вином.

— Вы едете с товаром? — поинтересовался он.

Сабей переглянулись и закивали головами. Один из них указал на высокие волны.

— Ветер сбил нас с курса. Мы хотим на острове Сокотра обменять фимиам на товары из далеких восточных стран.

— Какие цены на базарах Сокотры? — спросил Чхути.

Оказалось, что на Сокотре за фимиам, древесину и драгоценные камни платят столько же, сколько в портах Красного моря. Это слишком дорого. Сколько ценных товаров нужно для одного только храма Амона в Фивах! Какая расточительность! А ведь золотые рудники Нубии уже истощились!

Чхути пытался выведать у сабеев сведения о неизвестной стране за побережьем: «Что там? Дикая страна зверей и демонов? Безлюдное царство смерти?». Сабей презрительно морщились, но обменивались быстрыми взглядами и молчали.

Египтяне остались при своем убеждении. Откуда им было знать, что сабейские суда помимо фимиама для Сокотры везли еще и другие, гораздо более ценные товары, предназначавшиеся для другого рынка, лежавшего гораздо дальше на юг. Случайно сабей открыли африканские рынки обмена в устье реки Руфиджи, где медные и бронзовые наконечники копий, топоры, кинжалы, иглы, бисер можно было с большой выгодой выменять на слоновую кость, кость носорога, черепаховые панцири и пальмовое масло. Никто, кроме сабеев, не должен знать, что в этой стране имеются плодородные зеленые долины и большие поселения крестьян, рыбаков и охотников.

Еще несколько недель плавания, и египетские суда на-

конец вошли в устье реки, которая по старинным преданиям вела в Пунт — страну золота и благовоний. Еще три дня пути, и они в стране золотых рудников. В поселении, расположенном у реки, они обменяли привезенные ими изделия на местные товары и заполнили ими трюмы. Еще три года понадобилось судам, чтобы добраться до Косейра. В гавани их встречал весь двор царицы Хатшепсут и огромная толпа народа.

После того как суда стали на якорь, рабы с черной лоснящейся кожей выгрузили на берег чудесные товары, каких не получал еще ни один египетский царь, — деревья ценных пород в кадках — они украсят террасы храма в скалах, — белоснежные клыки слонов, стволы драгоценных деревьев, ящики с финнамом и чудесным бальзамом цвета интаря, клетки с неизвестными птицами, длиннохвостыми белыми обезьянами, газелями и другими животными. В конце процессии шла группа пугливо озирававшихся туземцев с семьями: правитель Пунта послал их в подарок божественной Хатшепсут. По толпе на берегу пробежал шепот, когда два чернокожих великана вынесли толстое бревно из черного дерева, на котором висели большие блестящие кольца желтого цвета. Звук, который они издавали, ударяясь одно о другое убедительнее слов говорил о том, что они из чистого золота.

Теперь Хатшепсут могла закончить строительство «самого великолепного из храмов», а также каменную гробницу для своего отца Тутмоса I на западном берегу Нила. Сообщение Чхути о путешествии в Пунт в виде пестрых рисунков и иероглифов вскоре украсило колонный зал храма в скале.

Только при фараонах XX династии — Рамессидах — были вновь предприняты путешествия в Пунт. А затем Египту стало угрожать великое ассирийское царство Тиглатпаласара. Могущество Египта было сломлено, вместе с ним оборвались и его связи со страной Пунт.

ОТКУДА ПОЛУЧАЛ СОКРОВИЩА ЦАРЬ СОЛОМОН?

Соломон соорудил в заливе Акаба укрепленный порт — Эцеон-Гебер. Финикийцы построили для него флот из десяти кораблей, который доставлял царю неслыханные богатства. Сведения о них сохранились в истории.

По мере того как роскошь его двора увеличивалась, «весь мир захотел видеть царя Соломона и слышать его мудрые речи... и что ни год ему привозили новые дары — серебряную и золотую утварь, одежду и оружие, пряности, коней, мулов».

Флот Соломона, как когда-то египетские суда, через Баб-эль-Мандебский пролив достигал страны золота в Восточной Африке. Теперь она называлась Офир, так ее позднее называли и арабы.

«И прислал ему Хирам чрез слуг своих корабли и рабов, знающих море, и отправились они со слугами Соломоновыми в Офир, и добыли оттуда четыреста пятьдесят талантов золота, и привезли царю Соломону... И слуги Хирамовы и слуги Соломоновы, которые привезли золото из Офира, привезли и красного дерева и драгоценных камней... Ибо корабли царя ходили в Фарсис со слугами Хирама, и в три года раз возвращались корабли из Фарсиса и привозили золото и серебро, слоновую кость и обезьян и павлинов».

ЗАГАДОЧНЫЙ ОФИР

Старинные документы ничего не говорят о том, где находилась страна Офир. Возможно, это было лишним, так как путь к ней был хорошо известен. Ныне можно почти с уверенностью утверждать, что названия «Пунт» и «Офир» * относились к одной и той же богатой стране восточноафриканского побережья, с которой Египет поддерживал связи через Косейр. Таршиш времен Соломона — не что иное, как порт на восточном побережье. Офир не мифическая страна. В противном случае он не упоминался бы так часто, ему не была бы посвящена целая глава в Библии. Для португальцев эпохи Васко да Гамы Офир был реально существующим государством, еще не открытым европейцами. Португальцы первыми отправились искать его, но до этого на протяжении столетий любители приключений, золотоискатели, географы, филологи, историки, путешественники ломали себе голову над тем, где находится таинственный Офир.

* Не исключено, что Пунт, Офир и Момотапа были тремя различными странами. Авторы выдают гипотезу за действительность. Таршиш (Тартес) находился в Испании.

Первыми португальцами, которые явились в Восточную Африку, руководила вовсе не бескорыстная жажда открытий. Их интересовал только блестящий металл, благодаря которому они могли бы приобрести в Европе все, чего желали, — богатство, имя, титул, карьеру... И они надеялись найти этот металл в государстве Мономотапа *. Устье «реки доброго предзнаменования» — так Васко да Гама назвал Замбези — влекло португальцев в глубь Африканского материка. Когда португальская фактория Сена оказалась уже не в силах удовлетворять возросшую жажду золота, тысячная португальская армия под командой Франсишку Баррету в 1569 г. начала по берегам Замбези углубляться в страну. Целью ее была резиденция мономотапы, лежавшая где-то у подножия горы Фура: арабы называли ее Ауфут. Португальцы полагали, что оба эти названия представляют собой лишь видоизмененное «Офир».

В поселениях Тете, Масапа, Луанзе, Букуто, Дхло-Дхло и многих других хорошо вооруженные и организованные люди мономотапы встретили португальцев копьями. В долине Замбези пришельцы нашли свою смерть.

Когда в 1571 г. португальцы решились вторично предпринять наступление, то обнаружили, правда, несколько рудников, но в них после упорного труда сумели намыть всего несколько крупиц золота. Разочарованные и измученные, португальцы двинулись в обратный путь. Местность, прилегающая к Софале, утратила для них всякий интерес. Позднее наступавшие с севера племена банту вытеснили португальцев из долины Замбези. Их мечте о золотом царстве «Замбезия» не суждено было осуществиться. Когда впоследствии португальцам в конце концов удалось проникнуть в глубь Восточной Африки, государство Мономотапа уже перешагнуло апогей своего развития. Но если даже и тогда эта страна была еще сильной и богатой, какой же она была в период своего расцвета!

НАРОД СОЛНЦА

Несомненно, государство Мономотапа, процесс распада которого был ускорен иезуитскими и доминиканскими миссионерами и которое было вынуждено отступить от бе-

* Было создано в начале второго тысячелетия н. э., достигло расцвета в XIV—XV вв.

рега под давлением португальской колонии Мозамбик, достигало в свое время куда большего блеска, чем мы сейчас можем предположить. Территорию государства населяло великое племя макаранга, или каранга (прежде оно называло себя бакаланга или макалака — «народ солнца»), принадлежавшее к языковой группе банту. В период своего расцвета это государство охватывало нынешнюю Родезию и простиралось до самого Индийского океана, включая земли между реками Замбези и Лимпопо.

Один из почетных титулов могущественных правителей — мономотапа — стал известен португальцам. В их ослепленном золотом воображении он, подобно имени Монтезумы в Мексике, превратился в символ народа и страны, обладающих несметными богатствами. Под этим названием государство было нанесено на карты, причем правдивые сообщения побывавших там путешественников обрастали фантастическими рассказами о стране, изобилующей золотом.

В РЕЗИДЕНЦИИ МОНОМОТАПЫ

В наше время можно лишь в самых общих чертах представить себе жизнь в стране мономотапы. Уже в конце первого тысячелетия н. э. жители Мономотапы не только знали о существовании далеких восточных стран, но и поддерживали с ними постоянные отношения. Города этого государства были открыты для всех, кто желал торговать, на его базарах встречались представители многих народов и племен.

Как выглядела в те дни столица мономотапы? С самого раннего утра торговцы вереницами спешили на базар. На обширной площади в центре города они выставляли напоказ свои товары. Толпа представляла собой яркое смешение многих рас: темнокожих, хорошо сложенных мужчин и женщин среднего роста из племени каранга, коренастых негров из стран Центральной Африки, высоких светловолосых жителей Севера, мускулистых, стройных арабов и индийцев.

Базар с его пестрыми палатками, разложенными на земле циновками и товарами, яркими одеяниями и накидками людей поражал чарующим многообразием красок. А рядом возвышались украшенные орнаментом из светлого и тем-

ного гранита величественные каменные сооружения. Это была фигурная каменная кладка — в елочку, шахматным порядком, шевронами.

В обмен на местные товары — золото, слоновую кость, драгоценные камни, великолепную керамику и тонкие изделия кузнечного ремесла — арабы и индийцы предлагали ткани, жемчуг, фарфор, стекло, благовонные масла и мази, а также оружие и топоры. Знать страны Мономотапы высоко ценила индийские шелковые и бумажные узорчатые ткани и дорогое оружие.

Приезжали не только торговцы. Из четырех провинций, которыми управляли сыновья мономотапы, ко двору «господина рудников» прибывали пышные караваны с богатыми дарами — это дань и выручка от рудников.

Царский дворец стоял в стороне от шумного базара: ничто не должно было нарушать божественный покой мономотапы. На дворцовых воротах красовалось каменное изображение орла. Хотя «народ солнца» поклонялся одному богу — мозимо, — орла и льва он считал священными существами. Во внутреннем дворе слуги разгружали прибывший караван. Вход в покои охраняла стража. Только когда носильщики и погонщики удалялись, сыновьям мономотапы и ближайшим доверенным лицам разрешалось войти внутрь.

Вот в большом, слабо освещенном зале с простыми темно-серыми стенами собрался весь двор: главные жены короля, которые владели большими именьями, где сами вершили суд; высшая знать и вассальные правители, чьи дочери и родственницы большей частью были женами мономотапы; пажи, т. е. сыновья вельмож, ожидавшие, чтобы мономотапа назначил их на правительственную службу или пожаловал землей.

Внезапно наступила полная тишина. В передней части зала отодвинулся занавес, скрывавший правителя, который восседал на сверкающем троне, покрытом дорогими мехами. Исходящий от трона блеск слепил глаза. Словно под воздействием магической силы все придворные пали ниц; поднялись они лишь после того, как владыка вновь скрылся из виду. Ни одному придворному не разрешалось слишком близко подходить к трону.

Мономотапа приступил к церемонии. Правой рукой он взял из чаши, которую держали двое слуг, зерна маиса и бросил их на пол перед вассалами. Это символическое выражение его могущества: как господин всей земли он дает

людям еду и воду. Затем он хлопнул в ладоши. Открылась большая боковая дверь в правой стене зала и вошли факельщики. Факелы, зажженные от священного огня, постоянно пылавшего во дворце, были вручены вассальным правителям в знак ежегодного подтверждения их владений. После этого мономотапа объявил о назначении главных женов и принял донесения сыновей.

Мономотапа спешил. Он хотел поскорее отпустить придворных и остаться с сыновьями и ближайшими советниками. Предстояло решить важные вопросы. Только вчера гонец с севера доставил весть, что на границе вновь появились воинственные племена. Десять лун тому назад воины этих племен уже имели дерзость напасть на пограничные крепости его государства и разрушить их. В самой стране неспокойно. Между сыновьями нет единства. Они держат себя в провинциях слишком независимо и ревниво следят друг за другом. Нужно наконец навести порядок. Он сообщит своим советникам, что он, мономотапа, отправит на границу пехоту и три тысячи всадников, чтобы раз и навсегда отбить у дерзких пришельцев охоту посягать на его страну...

Государство Мономотапа после нескольких веков сопротивления португальцам в XVIII в. было вынужденоступить под натиском других племен банту.

Последние его следы были окончательно уничтожены на протяжении XIX века, когда рядом с Мозамбиком возникли другие колонии — Кения, Родезия, Ньясаленд, Танганьика. Границы были установлены произвольно. Страна была растерзана, ее культура затоптана. Надолго стерлась даже память о таком огромном достижении «народа солнца», каким явилось государство Мономотапа.

ПРОШЛОЕ ОЖИВАЕТ

КАМЕННЫЙ ЗИМБАБВЕ

В 1890 г. отряд из ста восьмидесяти человек двинулся в путь. «Экспедиция» по поручению «Британской южноафриканской привилегированной компании» направлялась в горный район нынешней Родезии: она должна была присоединить к английским колониальным владениям обширную область между реками Лимпопо и Замбези, где геологи нашли золото. Открытие месторождений золота и алмазов в Южной Африке заставило англичан спешить: они опасались, как бы их не опередили бельгийцы, которые уже протягивали руки к Катанге. Руководство экспедицией было поручено Сесилю Родсу — именем этого человека назвали британскую колонию, созданную здесь позднее.

Под командой опытного охотника Фредерика Кортнея Силоуса участники экспедиции миновали Мафекинг и пересекли реку Маклауци, шаг за шагом углубляясь в почти не исследованную область. В составе отряда шагали авантюристы и золотоискатели, отчаянные люди, готовые ради денег на все, — Родс сам отбирал их в британских колониях Наталь и Кейплэнд. Их соблазнило обещание земли и доли в золотых разработках, да и не только их; за отрядом тянулось множество жителей бурских республик.

Местность, по которой двигался отряд, покрывала дикая растительность; дорог и в помине не было. Чтобы миновать крааль Лобенгулы — Булавайо, отряду пришлось сделать большой крюк. Только хижины племен буньяни и каранга свидетельствовали о пребывании здесь людей. Пока отряд отдыхал на берегу реки Лунди, разведка прочесала

окрестности. Узкая тропинка, покрытая галькой, внезапно оборвалась в чаще. Когда золотоискатели раздвинули кусты, перед ними появилась каменная стена толщиной 3 метра, наполовину закрытая лианами и виноградными листьями. Она дугой опоясывала площадь, имевшую в диаметре около 20 метров.

Развалины в такой глуши? Люди высказывали самые различные предположения. Через месяц участники похода, пересекая в северном направлении обширное травянистое плоскогорье, снова натолкнулись на развалины. К этому времени отряд разбился на мелкие группы, и каждая из них действовала на свой страх и риск. Со всех концов области, которую называли концессией Лобенгулы, англичанину Радду, — по условиям концессии в пределах его «королевства, княжеств и владений» англичанам предоставлялось право повсюду добывать минералы, — стали поступать сведения о странных развалинах. Искатели золота перекопали карьеры и древние каменные сооружения, чем причинили науке неизмеримый ущерб. Это были остатки исчезнувшего государства Мономотапа.

Но этого не знали люди, которые спешили вперед. Они не стали ломать себе голову над происхождением каких-то древних стен. Вряд ли кто-нибудь из них вообще догадывался, что в этой части Африки существовала древняя культура, хотя уже двое ученых посетили развалины Зимбабве: Вилли Поссельт открыл здесь интересные произведения искусства — древние каменные изваяния птиц; двадцать лет спустя здесь побывал немецкий исследователь Африки геолог Карл Маух. Его имя было известно многим из тех, кто прибыл с отрядом, но они связывали его лишь с золотыми россыпями, которые он так заманчиво описал.

Карл Маух прошел всю огромную область между Лимпопо и Замбези. Единственным капиталом, которым он располагал, был энтузиазм, а снаряжением — карманный компас. Во время путешествия по стране машона и Трансвааля он натолкнулся на первые золотоносные участки. В Питермарицбурге немедленно возникла компания для эксплуатации золотых залежей, и Мауху предложили встать во главе консорциума. Он, однако, отказался. У него была иная цель — служить науке. Последнее свое путешествие в 1871 г. Маух посвятил поискам развалин Большого Зимбабве, о которых уже слышал раньше.

Когда он увидел их впервые, у него захватило дыхание. Они превзошли его ожидания, так как были гораздо величественнее, чем он себе представлял по легендам и рассказам коренных жителей. Что они рассказывали? Большое Зимбабве они называли обителью духов, владением мертвых. Человек, который туда попадает, лишается покоя, ведь по ночам внутри этих стен, воздвигнутых без участия человеческих рук, танцуют души мертвых.

И вот Маух стоял перед этими развалинами. Плотная каменная кладка, не скрепленная цементом или какими-либо другими материалами, только внутренняя часть стены заполнена гранитной крошкой. Маух попытался вытащить одну из гранитных плиток, но, как ни старался, ему это не удалось. Подобные плитки он находил во время своих скитаний в горах всюду, где естественные силы природы разрушают гранитные скалы. Каменная кладка настолько прочна и аккуратна, что порой напоминает кирпичные стены богатых старых домов, с той разницей, что стыки здесь пошире, а камень имеет темно-серый цвет. Только народ строителей мог возвести столь прочные сооружения, пережившие века. Маух был в восторге. Он исколесил местность, прилегающую к Зимбабве, во всех направлениях. Его записная книжка заполнилась набросками: вот наружная стена длиной 300 метров, местами достигающая в высоту до десяти метров, у основания ее толщина около 5 метров, а сверху она суживается до 3. Вероятно, когда-то эти стены — позднее они получили название эллиптического строения или «храма» — были гораздо выше. А какое назначение имели многочисленные галереи, расположенные в пределах стены? Или странная коническая башня без дверей и окон? Как выглядели постройки прежде?

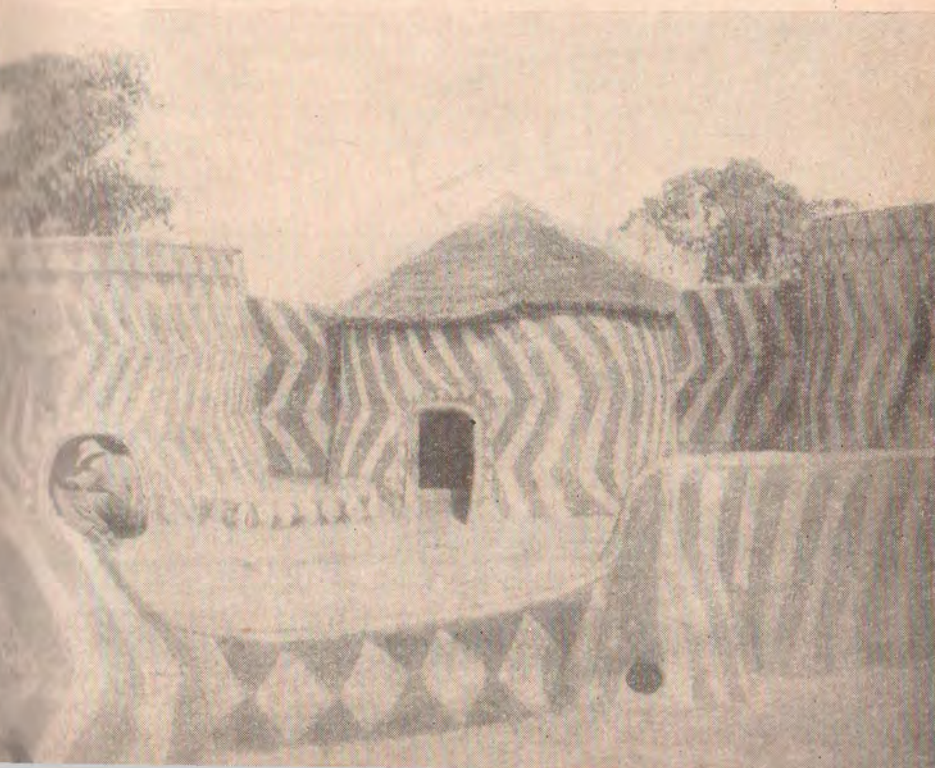
Все эти вопросы Карл Маух снова и снова задавал себе, сидя по вечерам на возвышенности, где расположены укрепления, этот своеобразный африканский акрополь, и наблюдая за заходящим солнцем; его красно-золотые лучи падали сначала на развалины, а затем терялись в густом мраке тропической ночи, как и сотни лет назад.

Однажды размышления ученого прервал шорох шагов. Маух вскочил. Перед ним стоял старый африканец среднего роста. Некоторое время оба молча смотрели друг на друга; черный — испытующе, белый — с испугом: он и не

Развалины эллиптического сооружения
или «храма» (Зимбабве)

Ориамет

подозревал, что здесь кто-то живет. В темноте Маух не мог рассмотреть лица незнакомца. Видно было лишь, что на нем светлое одеяние. Наконец африканец прервал молчание и заговорил дружеским тоном.

— Я давно уже наблюдаю за тобой. Ты каждый вечер приходишь сюда. Видно, тебе нравится это место. Однако это место недоброе. Ночь холодная. Пойдем, я знаю место потеплее.

Маух последовал за африканцем, который привел его к хижине из ветвей и листьев. Удивленный ученый увидел теперь огонь, которого ранее не замечал сквозь кустарник. Когда оба сели друг против друга, грея над огнем руки, Маух внимательно вгляделся в лицо старика. Оно все было изборозжено морщинами, но взгляд — открытый, на губах — притякательная улыбка, уши украшены двумя большими серьгами своеобразной формы.

— Что ты здесь делаешь? Живет ли здесь кто-нибудь еще? — спросил Маух, знавший язык, на котором говорил старик. Тот помедлил с ответом.

— Много лет назад мои родные ушли отсюда. Но когда я остался из всей семьи один, меня с силой потянуло туда, где когда-то отец пользовался уважением. Он понимал язык богов, знал их учение, и многие люди, которые хотели стать ближе к богам, приходили к нему издалека под эти деревья. А ныне все здесь мертво и покинуто.

Последние слова он произнес грустно, почти шепотом.

— Откуда пришло твое племя?

— Издалека, — старик описал рукой большой круг. Затем снова погрузился в молчание.

Костер давно догорел. Но Маух все еще не спал, хотя тепло костра приятно согрело его тело. Ему нужно было обдумать слова старика, который давно заснул. Люди, живущие уединенно, часто подпадают под власть собственной фантазии. Но, может быть, есть доля истины в словах этого человека, может быть, он действительно потомок одного из последних жрецов исчезнувшего народа?

Маух позднее не раз возвращался в мыслях к этой теме. Развалины расположены в том самом районе, где он открыл золотые сокровища Южной Африки. Может быть, это и есть давно разыскиваемый Офир, о котором говорится в Библии? Но кто возвел каменные строения? Как и все современные ему путешественники по Африке, Маух решительно отвергал предположение, что африканские

народы могли когда-либо построить такие каменные здания. И он решил, что это — описанные в Библии постройки — храм и крепость царицы Савской, куда доставлялось золото. Вслед за Маухом многие разделяли высокомерную концепцию европейских историков и считали строителями каменного Зимбабве индийцев, персов, финикийцев, критян, сабеев, — кого угодно — только не африканцев.

РАЗВАЛИНЫ ИНЬЯНГА

На рубеже XIX и XX вв. нынешнюю Родезию посетил другой немецкий путешественник, который позднее за жестокость, проявленную на службе у колониальных властей кайзеровской империи, получил кличку «Петерс-Вешатель».

Петерс со своим помощником Граманом и колонной носильщиков пробирался со стороны восточного побережья через болотистую область Западного Мозамбика. Он искал золотой рудник, описанный Маухом. На границе Родезии, в горах Иньянга, они поднялись на плато и здесь натолкнулись на развалины, занимавшие, как выяснилось, обширный район. Чем дальше они шли, тем чаще наталкивались на стены, пока не оказались наконец в настоящем каменном лабиринте.

Временами Петерсу казалось, что он начинает понимать назначение этих каменных сооружений, но затем их многообразие снова вызывало у него недоумение. Усеянные развалинами холмы перемежались заросшими кустарником оврагами и глубокими долинами. Куда бы ни посмотрели люди, всюду виднелись стены. Прошло много времени, прежде чем они постепенно составили себе представление об общем плане сооружений: стены располагались террасами одна над другой и на протяжении многих километров опоясывали возвышенности и склоны. Родники, бившие из земли, были направлены в искусственное русло так, как это, по-видимому, было удобно прежним обитателям этих мест. Некоторые стены производили впечатление остатков жилищ и укреплений. Много лет спустя после путешествия Петерса по Родезии в горах Иньянга нашли загадочные ямы в земле, выложенные камнем и окруженные круглыми площадками. Ход в них вел через подземный коридор высотой 120, шириной 60 сантиметров. При раскопках обнаружили тщательно выложенный каменный пол, имевший

уклон для стока воды, а немного выше по склону остатки канав, по которым, вероятно, направлялась в ямы вода. Хотя Петерс и его спутники еще ничего не знали о происхождении ям, но и того, что они увидели, было достаточно, чтобы заставить их задуматься. «Странно, — думал Петерс, — по-видимому, здесь жил народ, занимавшийся земледелием. Иначе зачем бы он стал строить обширные террасы и тянувшиеся на много километров оросительные каналы? Но что могли сеять эти люди на столь различных уровнях высоты, колеблющихся от 600 до 1600 метров? Может быть, рис? Неужели в стране машона на вершинах возвышенностей внутри укрепленных сооружений устроены зернохранилища?» Позднее новые находки подтвердили это предположение.

Петерс надменно поглядывал на черных носильщиков, которые, сгибаясь под тяжестью груза, шли размеренным, раскачивающимся шагом. «Сооружения, — думал Петерс, — конечно, не могли быть возведены предками этих дикарей. Большинство из них кочевники, а если и переходят к оседлому образу жизни, то, уж, конечно, каменных домов не строят. Кочевникам не под силу соорудить такие укрепления, какие строил древний народ; он, по-видимому, постоянно опасался нападения, но не испытывал бессмысленного ужаса, как другие племена, которые при приближении войск противника обращаются в паническое бегство. Этот народ умел принимать разумные оборонительные меры».

Книга Карла Петерса «В древней стране золота», где рассказано о горах Иньянга, на многие километры покрытых развалинами, произвела настоящую сенсацию. Какой огромный труд потребовался, чтобы возвести сооружения! Проведенные позднее топографическая аэрофотосъемка, измерения и подсчеты показали, что строительный материал сюда приходилось доставлять примерно за 80 километров. На этом расстоянии с двух сторон от остатков стен были обнаружены тянувшиеся на 3 километра следы земляных работ. Земля здесь вынута в среднем на полметра: это означает, что с площади в один квадратный километр было перемещено полмиллиона кубических метров земли и камней. Следовательно, только в области Иньянга было перенесено несколько сот миллионов тонн земли и камня. Подобный труд может быть поставлен в ряд со строительством великих египетских пирамид.

Не менее замечательным достижением было строитель-

ство Зимбабве. Один человек не мог поднять более двух каменных плиток. А вес лишь одной массивной наружной стены эллиптического «храма» без гранитной засыпки составляет, по приблизительным подсчетам, около 100 тысяч тонн. Между тем развалины типа Зимбабве рассеяны по всему междуречью Замбези — Лимпопо.

Они расположены на склонах небольших гор, откуда просматриваются все окружающие долины. Строители умело использовали откосы и выступы почвы. Там, где их не было, они создавали искусственные валы и рвы, напоминающие окопы времен первой мировой войны. Строительство искусственных водостоков требовало такого знания геодезии, какое и в наши дни является уделом лишь специалистов.

ТАЙНА МАПУНГУБВЕ

На южном берегу Лимпопо расположен вытянувшийся в длину массив песчаниковых гор с обрывистыми склонами. Коренные жители называют его Мапунгубве, что означает «шакалья гора» или «гора серого волчонка». Они считают гору священной обителью смерти и верят, что всякого, кто попытается подняться наверх, ожидает гибель.

«Шакалья гора», которая благодаря плоской вершине и обрывистым краям напоминает гигантский саркофаг, находится на том месте, где Лимпопо в 75 километрах к западу от города Мессины поворачивает к морю и образует колено. Вся местность вокруг усеяна обломками скал. Баобабы простирают к небу свои голые ветви. Жухлая желтизна хинного дерева предупреждает, что в долине гнездится малярия.

Буйный кустарник скрывал здесь ведущую к вершине потайную лестницу, о которой знали лишь немногие местные жители. Ступени ее были сделаны из деревянных брусьев и закреплены в отверстиях, вырубленных на узком крутом склоне скалы. Когда в 1932 г. первые исследователи поднялись по лестнице, поперечные балки давно уже истлели, и только отверстия в скале свидетельствовали о том, что когда-то на ее вершине жили люди. Уже вскарабкавшись наверх, исследователи поняли, какая опасность угрожала тем, кто совершал восхождение: на узкой платформе был сложен из обломков скалы своеобразный бруствер, державшийся только на равновесии. По-видимому, оби-

татели Мапунгубве соорудили его в расчете на то, что он обрешется на головы непрошенных посетителей.

Недавно прошедшая гроза размыла землю и избавила исследователей от длительных поисков. Вся почва здесь блестела от золота, повсюду валялись кольца, жемчуг, обломки тонких золотых пластин. Ученые просеяли сквозь москитную сетку около девяти тысяч тонн земли. Были найдены подставка для головы и сосуд из накладного золота, обломки китайского фарфора, глиняные сосуды, медные и железные орудия, подобные тем, какие находили в Зимбабве и какими еще и теперь пользуются банту.

Самыми ценными находками явились черепа и скелеты, раскопанные в одном захоронении. Исследование показало, что в период между 1200 и 1500 г. Мапунгубве было заселено народом, который физически был похож на бушменов или готтентотов. Но культура обитателей Мапунгубве родственна культуре банту, жителей Зимбабве, с которыми у них были дружеские отношения.

В апреле 1950 г. хранитель Национального парка Зимбабве С. Д. Сэндис осматривал развалины эллиптического строения. Он знал, что часто при свете факелов в развалинах можно заметить такое, чего не увидишь днем. И в самом деле, ему удалось разглядеть деревянные бруски, которые когда-то служили порогами внутренних переходов. Сэндис знал, что если удастся датировать возраст этих брусков, то можно будет определить и возраст стен. Он отправил кусок дерева в Чикаго и Лондон для радиоуглеродного анализа.

Полученные результаты вызвали замешательство: они показали, что стены были построены не раньше чем в 471 и не позднее чем в 711 г. *. К этой эпохе относятся и первые достоверные сведения арабских путешественников о банту, населявших Восточную Африку.

ДЖОНКИ ПЛЫВУТ В АФРИКУ

Был седьмой месяц 12-го года Юн-ле, т. е. август 1414 г. по европейскому календарю. Весь Пекин с утра был на ногах. На улицах, ведущих к дворцу императора, укра-

* Впрочем, существует предположение, что дерево было использовано вторично, и поэтому дата может быть гораздо более поздней — начало второго тысячелетия.

шесных гирляндами, лампочками и пестрыми флажками, тысячи людей ожидали появления посольства бенгальского короля Сайфуд-дина. Это было большим событием. Еще несколько дней назад гонцы доставили известие, что в подарок императору посольство везет животное, очень похожее на легендарного ци-линя.

Удары гонгов и глухие звуки маленьких ручных барабанов опережали послов Сайфуд-дина. Бенгальцы вели за собой на поводу жирафу. Всюду, где они проходили между рядами пекинцев, толпа в почтительном удивлении замолкала при виде невиданного пятнистого животного с тонкими ногами и непомерно длинной шеей. Еще никогда в Китае не случалось, чтобы ци-линь, символ совершенной добродетели и гармонии, шагал по земле. «Разумеется, никогда не было императора лучше, чем Юн-ле, — шептали друг другу китайцы. — Ци-линь облекается в плоть лишь тогда, когда император являет собой совершенство доброты и мудрости».

На протяжении многих веков китайские поэты слагали о ци-линь стихи, художники изображали его на картинах, философы не могли обойтись без него в своих рассуждениях. Появление в Китае похожей на ци-линя жирафы не оставило спокойным даже императора: он отправил знаменитого капитана Чжэн Хэ на поиски стран, где может обитать ци-линь.

Правда, предпринять путешествие императора заставило в первую очередь стремление китайского купечества завязать непосредственные связи с Африкой, с которой Китай уже с начала X в. поддерживал торговые сношения через Персию, Индию и прежде всего через арабов.

И вот в 1417 г. несколько десятков парусников отчалило от китайского берега и взяло курс на юг. До этого суда Чжэн Хэ пять раз за двенадцать лет предпринимали дальние путешествия, и пять раз поздней осенью, когда южные ветры надували паруса кораблей и заставляли их плыть к дому, отважного мореплавателя с ликованием встречали в портах Китая. С каждым путешествием Чжэн Хэ легендарный «край света» отодвигался все далее на запад. Сначала Чжэн Хэ посетил Индию, потом Цейлон — «остров львов», затем Ормуз — «жемчужину Востока», мировой базар сколо белых стен древней персидской крепости. Во всех странах, где побывал Чжэн Хэ, он основывал большие китайские фактории и поселения; они окаймляли все ази-

атское побережье и сделали южноазиатский торговый путь вплоть до Африки относительно безопасным для Китая.

На этот раз Чжэн Хэ взял с собой почти тридцать тысяч человек, т. е. столько, сколько в то время насчитывало население больших европейских городов. Это были моряки, солдаты, земледельцы, ремесленники, лекари, писцы, переводчики... Они должны были пополнить существующие фактории и заложить новые. Джонки Чжэн Хэ представляли собой низко сидящие, остойчивые суда; на каждой из них помимо огромного количества товаров, запасов продовольствия и оружия оставалось еще место для четырех-сот-пятисот человек.

Джонки шли хорошо. Они отлично выдерживали напор ветра. Чжэн Хэ отдал капитанам строгий наказ: точно наносить на карты курс судов, который они выбирают по «стрелке, указывающей на юг», — по компасу, а также записывать все происшествия и открытия.

В один прекрасный день впередсмотрящие заметили в голубоватой дымке землю. В бухте Му-гу-ду-шу (Могадисхо) флот бросил якорь. Китайцы ступили на африканскую землю, о которой они так много слышали.

Через три года Чжэн Хэ еще раз появился со своим флотом у берегов Восточной Африки. На этот раз он высадился на территории нынешнего Мозамбика. Он заложил торговые колонии в Адене и в ряде пунктов Восточной Африки.

ВТОРЖЕНИЕ БАНТУ

Когда дерутся слоны, страдает трава.

Поговорка народа кикуйю

Дурака не легко узнать, особенно если он собственник.

Поговорка банту

СЕРДЦЕ ЮГА НАЧИНАЕТ БИТЬСЯ

В Витватерсранде * — там, где расположены золотые прииски, вокруг рабочих поселков тянутся заграждения из колючей проволоки. У ограды стоит мальчик — лет двенадцати на вид, может быть четырнадцать. Он еще ребенок, но должен вместе с отцом жить в лагере: его вынуждают к этому и законы, и голод. На нем рваная одежда, какую носит большинство горнорабочих, в дыры проглядывает грязное тело. Пыль здесь всюду — на разработках, в домах, она забивает все, попадает в глаза... Пыль плотным слоем легла и на души рабочих. Мальчик крепко держится за ржавую колючую проволоку. Давно уже он стоит так, вглядываясь в даль обширной равнины.

— Это земля наших отцов, — часто говорит ему отец, когда они с работы возвращаются в лагерь. — И когда-нибудь, — добавляет он тихо, — мы не только вернемся в родной дом, но станем хозяевами этой земли.

Иногда вечерами все усаживаются перед бараками и старики рассказывают о далеком прошлом, когда племена банту жили свободно, когда их еще не загнали на золотые и алмазные прииски Южной Африки.

А однажды в поселок пришли два человека, такие же оборванные и измученные, как все. Они говорили так, как до них не говорил никто.

— Африка бурлиг, братья, — говорили они. — Чужие боги падают с пьедесталов. Наша родина будет принадле-

* Горнопромышленный район Трансвааля.

жать нам самим. Может быть, вы ждете, чтобы молния оповестила вас о пожаре? Напрасно будете ждать.

Слушатели кивали головами в знак согласия, и один из них сказал за всех.

— Сердце Юга поздно начало биться, но оно бьется сильно, ибо освобождение близко.

С тех пор сердце мальчика стучит, словно тамтам.

Будущее его поколения будет иным, чем прошлое. Утро уже брезжит, однако его братьям предстоит пройти долгий путь. Власть в Южной Африке еще принадлежит белым, они шлют сюда людей, подобных тем патрульным, которые вот сейчас лениво шагают мимо него с автоматами, перекинутыми через плечо.

Немало ведущих деятелей Южной Африки утверждают, что эта часть Африки является исконной собственностью белых. «Южная Африка представляет собой европейскую страну, лишь случайно оказавшуюся на африканской земле, — писал Джон Холлоуэй, посол Южно-Африканского Союза в США. — Белые южноафриканцы имеют такое же право на свою землю, как белые американцы — на территорию США. Черные появились в большинстве мест Южной Африки значительно позднее того, чем эти области были заняты европейскими поселенцами. Белое население за пять или шесть поколений до этого утеряло всякую связь с европейской родиной».

Следовательно, если рассуждать так, вторгшимся в Африку чужеземцем является мальчик, который стоит у колючей проволоки в лагере в Витватерсранде? Тот самый мальчик, у предков которого белые отобрали землю, передвигая свои пограничные столбы все дальше на север внутрь африканского материка, мальчик, принадлежащий к племенам, которые когда-то двигались из центра Африки на юг, чтобы открыть и освоить весь континент, как в свое время поступали европейцы на европейских землях.

Многочисленные племена и народности банту занимают ныне огромные просторы Центральной, Восточной и Западной Африки от бухты Камерун до Великих озер и Индийского океана, а на юге до мыса Доброй Надежды. Сотни лет назад покинули они свою прародину, лежавшую, вероятно, у Великих озер. Как сообщают арабские историки, в X в. племена банту жили в области Софалы, к югу от реки Саби их еще не было. Здесь расселялись древнейшие обитатели Южной Африки — бушмены и готтентоты.

Бушмены, спасаясь от наступающих племен банту, отступили в наименее доступные и бедные области, а готтентоты подчинились пришельцам и слились с ними. Когда в XVII в. первые бурские поселенцы ступили на землю Южной Африки, кочующие юго-восточные банту продвинулись уже до реки Оранжевой и давно заселили всю Южную Африку вплоть до западной части нынешней Капской провинции Южно-Африканской Республики. Двигались они тремя основными группами: нгуни, тонга и суто-чвана. Позднее из многочисленных племен нгуни выделились две большие народности — коса и зулусы.

«КАФРСКИЕ ВОЙНЫ» *

«Утро 6 апреля 1652 г. выдалось безоблачное. Море было спокойное. С началом прилива три голландских корабля — «Дромедар», «Рейгер» и «Гуде Хооп» — выбрали якорные тросы и приблизились к берегу. С носа бросили лот: здесь хороший фарватер вплоть до устья «Свежей реки», маленького пресноводного ручья, сбегającego со Столовой горы. На воду спустили гребные шлюпки. Над шлюпкой купца и капитана ван Рибек развевался флаг Генеральных Штатов. Сам он стоял около флага в парадной одежде, с широкой лентой на груди и со шпагой на боку. На его помощнике были латы и шлем. Рядом с гребцами сидели мушкетеры с кремневыми ружьями и короткими шпагами». Так О. Цирер описывает в книге «Африка» появление голландцев на мысе Доброй Надежды.

Ван Рибек хотел первым ступить на новую землю. На небольшой возвышенности у «Свежей реки» он воткнул древко флага в песок и громким голосом возвестил, что во имя бога и Голландской Ост-Индской компании берет эту землю в собственность на вечные времена. Он говорил, разумеется, не от имени коренных жителей, которые издали с интересом наблюдали за непонятными действиями странных людей, одетых в железо, и ничего не понимали. Один из голландцев, который еще раньше побывал у мыса Доброй Надежды, заявил, что этим дикарям с желто-коричневой кожей — этим готтентотам, которых так боятся европейцы, никак нельзя доверять: они хитры, коварны, скрыт-

* Так в западной буржуазной литературе называют войны англичан и буров против коса.

ны, ненадежны... Правда, он забыл сообщить, что эти сведения почерпнуты европейцами во время их прежних высадок на берег, когда они вели себя отнюдь не миролюбиво и когда коренное население было вынуждено обороняться. Впрочем, для экспедиции под командой ван Рибекса это не имело особого значения: она пока не нуждалась в помощи местного населения.

Заложенный ею форт быстро рос. Он был задуман как станция для снабжения судов Голландской Ост-Индской компании, но уже через несколько десятилетий превратился в город Каапстад, а затем и в центр колонии, заселенной сначала голландцами, а позднее французами и немцами. Потомки первых колонистов называли себя бурами (от голландского слова «бур» — крестьянин). Они вторгались все глубже в континент и отнимали у готтентотов все новые участки земли.

От охотников на слонов буры получили нужные им сведения о местности за ближайшей горной грядой и начали продвигаться небольшими группами от одного плоскогорья к другому; вскоре стада, принадлежавшие бурам, подымали пыль уже по всему пути из Свеллендама на восток. Буры, отличные скотоводы, высоко ценили стада готтентотов и угоняли их. Всякого, кто оказывал сопротивление, они расстреливали или обращали в рабство.

В 1778 г. губернатор Капской колонии ван Плеттенберг предпринял инспекционную поездку по области, заселенной бурами. Достигнув реки Оранжевой, он распорядился поставить каменный столб с гербом Голландской Ост-Индской компании в знак того, что здесь пролегает граница ее владений. Буры издавна приезжали к нему и подолгу беседовали о новостях из Каапстада, о скоте и разных пустяках, пока не подходили к главной цели своего визита: они горько жаловались на африканские племена, которые оказывают противодействие их дальнейшему продвижению, и просили прислать войска. Впервые буры натолкнулись на противника, которого не так легко было изгнать из районов, изобиловавших пастбищами. Племена эти называли себя «кóса». Арабские торговцы, приезжавшие на юг континента из Восточной Африки, окрестили их «кафраами»*, т. е. неверными.

* Впоследствии южноафриканские расисты превратили слово «кафр» в презрительную кличку не только для коса, но и для всех банту Южной Африки.

ГАЛЕКА И РАРАБЕ

Самое раннее из дошедших до нас свидетельств о коса относится к 1686 г. В том году у берегов Южной Африки потерпело крушение голландское судно «Ставениссе». Те из пловших на нем людей, кому удалось спастись, отправились в Каапстад и были по пути дружески приняты тогдашним вождем коса — Тогу. На основании их слов можно заключить, что первый известный вождь коса по имени Малангана правил приблизительно в середине XVI в. Согласно преданиям, отцом Малангана был легендарный Коса, по имени которого якобы и стало называться все племя.

При Коса его народ был единым. Но эти времена давно прошли. Когда появились буры, коса в результате распрей разделились на два больших племени, которыми управляли братья Галека (1730—1792) и Рарабе (1727—1787). По их именам стали называться и сами племена. По-прежнему огромные деревни этих племен были рассеяны по стране — галека к северу от реки Кей, рарабе — к югу. По-прежнему земля находилась в общем владении племени, хотя уже использовалась как частная собственность большими патриархальными семьями, которые владели также скотом и могли свободно распоряжаться плодами своего труда. А вот обмен изделиями из железа и меди, великолепными вещами из меха и кожи, в изготовлении которых коса достигли высокого мастерства, циновками и корзинами из травы, глиняными чашами и кувшинами — этот столь необходимый обмен полностью прекратился из-за того, что Галека и Рарабе, хотя и были братьями, враждовали между собой. Торговля с другими народами также приостановилась.

В окружении Галека и Рарабе попадались мудрые, дальновидные люди. «Племенная система, — рассуждали они, — не только связывает нам руки и тормозит мысль, не только не дает расти нашему богатству, она еще и ослабляет силы, которые нам следует обратить против белых пришельцев. Пора коса стать единым народом, не знающим племенных усобиц. Если мы не сделаем этого сегодня по собственной воле, нас принудят к этому обстоятельства раньше, чем наши дети станут мужчинами».

Но старейшины еще не прислушивались к разумным голосам. Коса, находившиеся на этапе разложения родового строя, боролись против общего врага пока что врозь.

ДОГОВОР С ГОРДОНОМ

Босые ноги сотен воинов кося в бешеном ритме ударяют о землю на площади перед «большим домом», резиденцией Большого совета. Воины, блестящие от пота, в такт барабанам, как одержимые, размахивают палицами, связками тонких с железными наконечниками копий и обтянутыми кожей овальными щитами. На воинах воротники из перьев и короткие передники из шкуры ягненка, отделанные пестрыми кисточками из перьев. Начальники и знать в кароссах — своего рода накидках из обработанных шкур льва, пантеры или шакала, головы их украшают перья. В середине танцует колдун, увешанный амулетами. Его жезл грохочет — это заклинание, обращенное к душам умерших. Ибо предстоит важное собрание.

По приказу инкоси * Галеки индуна ** Большого совета созвал в его селение вождей племен вместе с их старейшинами. Селение находится на берегу большой реки — Оранжевой. На некоторых из полукруглых хижин нанесен орнамент в знак того, что здесь живет индуна или член совета старейшин. В стороне от других хижин находится резиденция инкоси. Она состоит из пяти краалей, которые соответственно рангу живущих в нем жен называются «большой дом», «дом справа», «малый дом большого дома», «малый дом справа», «дом слева». Вдоль улицы тянется стена, сложенная из камней, на ней сейчас сидят дети. Девушки и женщины стоят у хижин; их наготу прикрывают только передники, на шее и руках у них — пестрые ожерелья и браслеты из раковин и жемчуга. Коса ожидают белых людей, которые идут сюда и несут знаки мира; об их приближении сообщили гонцы.

Когда маленькая группа голландцев подошла к «большому дому», пестрая циновка, закрывавшая вход, поднялась. Индуна, первый советник вождя, дружелюбно кланяется и просит чужестранцев войти. Некоторое время, как того требует обычай, голландцы и Галека с его советниками молча сидят друг против друга на циновках. После того как стороны обмениваются обычными любезностями, Гордон — представитель губернатора Капской колонии — и Галека приходят к соглашению: утопить в мутных водах реки

* Правитель, верховный вождь.

** Военачальник, член совета вождя.

Оранжевой разногласия между бурами и коса и считать отныне эту реку вечной границей между ними. Это было в 1779 г.

Однако буры, продвигавшиеся все далее в глубь континента, не заботились о соблюдении договора. Их влекли богатые пастбища, расположенные за рекой, и в конце концов они пересекли ее. Со своей стороны группы коса под натиском других наступавших племен зимой 1779 г. также перебрались на другой берег. Бурам, которые были не в силах остановить коса, пришлось погрузить свое имущество на повозки и вернуться через проходы в Драконовых горах на побережье. Тем временем в Каапстаде организовалось первое карательное войско, и в 1780 г. оно вышло на помощь вооруженным группам буров, продолжавшим отступать. Тем не менее коса сумели остановить дальнейшее продвижение колонистов, и река Грейт-Фиш в течение последующих сорока лет служила границей между племенами батуту и голландской колонией.

ПРИЗЫВ ПРОРОКА МАКАНА

На рубеже XVIII и XIX вв. в Южной Африке появились англичане, и с этого времени начался период, когда европейцы активно захватывали внутренние области страны. Новые колонизаторы не ограничивали себя в выборе средств для достижения целей; миссионеры, купцы, охотники — все действовали в одном направлении. Они шантажировали и подкупали вождей, сеяли вражду между племенами. Их тактика была весьма разнообразной: когда насилие не давало результатов, они старались воздействовать дружелюбием, в других случаях вели истребительные войны. Шаг за шагом англичане, а под их руководством и буры оттесняли коса с родной земли. В 1812 г. англичане изгнали коса за реку Грейт-Фиш и установили здесь сторожевые посты.

Среди коса по-прежнему царили междоусобицы, но сорок лет постоянных стычек с бурами и появление нового врага — англичан — заставили их понять, что из-за внутренней вражды они потеряют все свои земли, так как абелунгу (белые) не остановятся на реке Грейт-Фиш. В это время появился пророк по имени Макана. Его слова подобно вихрю пронеслись по деревням коса. Макана предвещал

коса успех, если они объединятся для борьбы против абелунгу. Между тем англичане, решив воспользоваться ссорой между вождями племени рарабе — Гайка (1775—1828) и Ндламбе (1755—1828), перешли реку Грейт-Фиш якобы для помощи Гайку и заняли всю территорию до реки Грейт-Кей. Тут коса поняли, что им грозит полное поражение.

В 1839 г. коса последовали призыву инкоси племени рарабе Макомо и объединились вокруг него. За несколько месяцев им удалось отвоевать обратно все земли до старых границ. Тогда англичане, отвергнув предложение Макомо о заключении мира, подкупили вождей племен тембу и пондо и с их помощью в 1835 г. начали новую войну против коса. Те вынуждены были отступить за реку Кей. В 1847 г. все области к западу от реки Кей были присоединены к британской колонии. К 1858 г. ее граница уже проходила по реке Баши. В конце концов в результате «договоров» с подкупленными и обманутыми вождями тембу и пондо о создании так называемого «протектората» Англия захватила последние земли коса.

Однако теперь на пути англичан встал другой народ, более могущественный, чем коса, — зулусы. Англичанам и бурам пришлось на несколько десятков лет остановиться у границы страны зулусов.

ЗУЛУСЫ БУДЯТ ЮЖНУЮ АФРИКУ

Был 1787 год. Инкоси Джобе и вождь Сензангакона, возглавлявший род зулусов, в задумчивости сидели перед хижиной последнего. Цветной орнамент украшал высокую стену хижины, над ней возвышалась искусно сплетенная куполообразная крыша. Разговор, как обычно, шел о скоте и о политических событиях в стране. Это были нерадостные события. Джобе недавно объехал свои владения и видел, что все его индуна озабочены. А тут еще Сензангакон, принадлежащий к числу его ближайших доверенных лиц, рассказал о ссорах между племенами и вождями.

Пока собеседники, усердно прихлебывая пиво, вспоминали те времена, когда они были еще молодыми воинами, а между племенами царили мир и дружба, к ним приблизилась старая женщина. Сензангакон явно не понравилось, что старуха мешает беседе да к тому же протягивает ему

Зулусская девушка

новорожденного младенца. Но женщина не обратила внимания на недовольство вождя.

— Индуна, — сказала она, — посмотри на мальчика — это сын твоей любимицы Нанди. Он здоровый и красивый ребенок, и мы, женщины, просим тебя — сохрани ему жизнь!

Сензангакона разглядел крепкого малыша, и на обычно сдержанном, неподвижном лице старого индуну промелькнуло нечто вроде гени отцовской гордости. Долго думал он, как ему поступить. Вожди нередко убивали своих сыновей, так как, вырастая, дети часто стремились вырвать власть из рук отца. Не опасались лишь того мальчика, который рождался, когда вождь был уже стариком. Его оставляли в живых, чтобы он наследовал отцу после его смерти. В течение многих лет дядя или другой близкий родственник выступал в роли опекуна и исполнял функции вождя.

Но Сензангакона уступил чувству родительской гордости.

— Мальчик здоровый, хорошо сложен, пусть живет и носит имя Чака!

Джобе с неудовольствием поднял брови:

— Ты совершил ошибку, Сензангакона. Ты ведь знаешь: сыновья, вырастая, приносят нам трудности и заботы. У меня также был сын, красивый и сильный. Я любил его сверх всякой меры, но когда он вырос, я заметил, что мой любимец Дингисвайю пытается склонить моих подданных к измене, чтобы самому скорее стать вождем. Пришлось приказать, чтобы его убили. Но Дингисвайю бежал.

Сензангакона отрицательно покачал головой:

— Подумай, вождь, как много лет должно пройти, прежде чем Чака станет мужчиной. Кто знает, что будет к тому времени. Может быть, нам как раз тогда понадобятся сильные и мудрые мужчины.

В ПОИСКАХ РОДИНЫ

Чака стал уже сильным юношей, научился разить врага копьем и палицей, а Дингисвайю по-прежнему изгнанником скитался от племени к племени. Он хотел набраться ума-разума у других племен, чтобы, вернувшись на родину, стать вождем.

Понимать людей других племен Дингисвайо было нелегко: языки южных банту очень схожи, различия между ними незначительны. На рубеже XVIII и XIX вв. Дингисвайо появился в Капской колонии. В это время там началась так называемая вторая кафрская война. В груди Дингисвайо билось сердце воина. Мог ли он безучастно изирать, как коса отступала перед белыми? Дингисвайо понимал, что перед лицом белых все черные должны стать братьями, иначе их ждет судьба рабов.

Правда, лишь немногие коса постигли эту истину. Большинство вождов думали только о своем племени. Но близился час, когда все они объединятся между собой. Он, Дингисвайо, сын вождя племени мтетва, пойдет впереди и научит других смотреть в будущее!

РАСТЕТ НОВАЯ СИЛА

Так Дингисвайо взялся за оружие. Коса прославляла его храбрость и военное искусство. И тем не менее ему приходилось с отчаянием наблюдать, как его братья падают под градом пуль бородатых буров. Самому ему удавалось избегать смерти лишь благодаря своей ловкости. Он искусно владел копьем и щитом и был проворен, как дикая кошка.

После сражений Дингисвайо, размышляя, часами просиживал один в прохладной тени деревьев. Перед его глазами проходили картины боя. Вот буры на конях устремились галопом на противника, произвели залп и, прежде чем коса успела метнуть в них копья, умчались обратно. Перезарядив ружья, они снова перешли в наступление. Коса в панике обратилась в бегство, остановить их невозможно...

И у Дингисвайо постепенно зрела мысль, которая переросла в убеждение и полностью им овладела.

«Воевать по старинке уже нельзя, — громко сказал он сам себе. — Наши воины должны научиться наступать сомкнутыми рядами. Но для этого следует по-новому организовать племена».

После смерти Джобе верховным вождем стал Дингисвайо. Умный и честолюбивый, он прежде всего хотел объединить племена, которыми правил его отец. С этой целью он начал обучать свой народ единому способу ведения вой-

ны. Он создал регулярные воинские части *импи** и во главе каждого из них поставил командира. Отныне только их приказы имели силу.

Дингисвайо стремился возобновить экономические связи между племенами. Он установил торговые отношения с португальцами, обосновавшимися в Мозамбике, поощрял развитие ремесел. Так, например, он собрал вместе всех, кто умел шить одежду из шкур, и построил для них специальное селение (за ним в истории сохранилось название Большой мастерской кароссов). Вскоре это селение стало своеобразным базаром изделий из кожи. Точно так же поступил он и с мастерами по дереву. За хорошую работу Дингисвайо умел хорошо вознаграждать. Под властью Дингисвайо страна процветала.

ЧАКА ИДЕТ НОВЫМ ПУТЕМ

Над краалем вождя спустилась ночь. На стенах хижин мелькали отблески пылающих костров. Выйдя из своей хижины, Дингисвайо увидел перед собой статного молодого человека, низко склонившегося перед ним.

— Меня зовут Чака, — сказал незнакомец, — я — сын Сензангаконы. Великий вождь, защитник наших стад, господин всей страны, я пришел к тебе просить помощи. Я бежал от отца, который из зависти хочет меня убить.

По лицу Дингисвайо скользнула благосклонная улыбка. С первого взгляда молодой воин пришелся ему по сердцу. Ведь и Дингисвайо также пришлось когда-то бежать от своего отца. К тому же он уже слышал о смелости и силе Чаки.

— Ты не испытываешь моей судьбы, — решил Дингисвайо. — Если ты мужчина, то научишься владеть копьем в одном из моих импи.

Чака наравне с другими коса получил хорошую военную подготовку. Благодаря своей отваге и ловкости он вскоре стал командиром большого отряда. Дингисвайо, оценивший способности Чаки, назначил его главнокомандующим всеми военными силами. А они все время росли, потому что Дингисвайо хорошо обращался с побежденными племенами,

* Слово «импи» в языке зулу обозначает как все войско в целом, так и каждый отдельный отряд.

они становились членами племенного союза, а их воинов принимали в импи.

Когда Дингисвайо погиб на поле боя, Чака, ставший после смерти отца вождем рода зулу, сделался инкоси. Томас Мофоло, южноафриканский писатель, принадлежащий к народу басуто, описывает это событие в историческом романе «Чака»:

«Тут поднялся сын Сензангаконы, отрада для взора всех, кто его видел. И все люди, все племя смотрели на него и понимали, что он настоящий сын вождя. Когда Чака стоял, выпрямившись, он был на целую голову выше всех других мужчин. В плечах он был широк, и весь его вид говорил о силе. И никто не мог сравниться с ним в ловкости, в умении бегать, прыгать, делать повороты.

Когда Чака поднялся, глаза всех мужчин устремились на него. Он осмотрелся и затем начал говорить. Чака обратился к своему народу с немногими словами. Народ должен признать его безоговорочно всем сердцем... Что прошло, то прошло и позабыто... Надо идти новыми путями».

Всем племенам отныне следовало объединиться, и различия в названиях не должны напоминать о тех днях, когда они были разобщены. Он, Чака, «король королей», седьмой потомок легендарного Зулу, даст всем племенам одно общее имя. Оно должно звучать красиво и сильно.

Народы под его властью будут называться зулусы или амазулу, «небесный народ». Тот, кто знает их страну, поймет, как подходит ей это название. Она начинается от моря, поля ее, заросшие травой и кустарником, широкими ступенями поднимаются прямо к утесам Драконовых гор. Там, наверху, кустарник скуден, а вдоль склонов, сбегających к юго-востоку, стелются туманы, предвестники мощных гроз. Когда летом они спускаются в долину, небо и земля смыкаются. Да, зулусы близки к небу и силам природы. И они станут могущественны, как гроззовые тучи.

Чака организовал полки зулусов по-новому. Он разделил воинов на возрастные группы, а их уже объединил в более крупные боевые отряды. Таким образом, в одно подразделение попадали юноши, которые вместе воспитывались в племени, вместе проходили обряд инициации* и потому на всю жизнь были связаны дружбой. После окон-

* Обряд, связанный с достижением совершеннолетия.

чания обучения в племени молодые люди объединялись в «полки» и несли военную службу или исполняли общественные работы по поручению вождя. Чака разделил всех воинов на три группы: первая — обученная, но еще не испытанная в боях молодежь; вторая — молодые воины, уже принимавшие участие в сражениях; третья — опытные воины. Подразделения переходили с низшей ступени на высшую вплоть до самой высокой, которая позволяла воинам становиться членами совета старейшин и, следовательно, принимать участие в управлении страной. Эта система получила распространение во всей Восточной и Южной Африке, но нигде она не приобрела такого значения, как у зулусов в правление Чаки.

Первые полки, созданные Дингисвайо, насчитывали не более пятидесяти человек. Чака увеличил их численность до тысячи. Он отменил подчинение армии вождям и поселил воинов в особых краалях — эканда. Каждый полк имел свой крааль с отдельным названием. Женщинам и детям вход в эканда был запрещен.

В импи все интересы — беседы, песни, игры — вращались вокруг войны. Молодые воины не имели права обзаводиться семьей. Ранние браки разрешались лишь в исключительных случаях, в награду за особые заслуги. Реформа коснулась также воинских украшений и одежды: все воины были одеты одинаково, но у каждой группы был свой знак отличия: черные щиты у юношей, красные — у женатых воинов, белые с черным узором — у пожилых.

Во время скитаний Чака понял преимущества короткого ударного копья. Применявшиеся ранее в войсках зулусов легкие дрогики имели существенный недостаток: метнув его, воин оставался с одной лишь палицей. Чака ввел короткие ассегай с длинным широким лезвием. Это оружие рукопашного боя требовало сомкнутых боевых рядов. Поэтому первый военный закон Чаки гласил: «Кто возвратится с поля боя без ассегая, будет убит на месте».

«БАЙЕТЕ!» — БОЕВОЙ КЛИЧ ЗУЛУСОВ

В степи, далекие от людского жилья, Чака выводил на маневры свои войска, численность которых теперь достигала нескольких десятков тысяч человек. Чака, стоя на холме, руководил оттуда своими импи. Он создавал новые бое-

вые порядки и новые тактические приемы. Его опытный взгляд улавливал малейшие ошибки в движении много-тысячного войска.

Вот тесно сомкнутыми колеснами движутся по степи отряды воинов в причудливом одеянии из шкур, украшенном когтями зверей и длинными перьями цапли. На головах у них — пестрые уборы из перьев или меха. Каждый воин левой рукой держит перед собой кожаный овальный щит, украшенный орнаментом, а правой сжимает тонкое оперенное копьё, которым размахивает на уровне плеча.

В центре сосредоточены главные ударные силы, на флангах расположены подразделения, которые должны обойти противника. В начале атаки ударные силы продвигаются вперед медленно, давая таким образом фланговым частям время для обходного маневра. Затем наступающие ускоряют шаг, пока не переходят на бешеный бег. Они высоко поднимают колени, ноги их работают, как поршни машины. Импи движутся с оглушительным шумом и производят устрашающее впечатление. Один вид их сеял панику и обращал в бегство даже оснащенные современным оружием английские войска.

Чака доволен: труд многих месяцев увенчался успехом. В результате союзов и разумной политики государство зулусов выросло. Оно еще больше разрослось позднее, когда его импи с боевым кличем «байете!», как буря, пронеслись по Южной Африке. Вскоре влияние зулусов распространилось до озера Танганьика.

ПИСЬМО ИЗ КЕЙПТАУНА * НА КАЛЕБАСЕ **

С невысокого холма кажется, что Булавайо раскинулся насколько хватает глаз, до самого горизонта. Повсюду между колючим кустарником и акациями проглядывают круглые хижины, Поселение, втиснутое в зелено-коричневую долину, напоминает цепочку больших мыльных пузырей. Его окружает искусственная изгородь из колючего кустарника, укрепленная высокими заостренными кольями. Можно ясно различить просторную, залитую солнцем площадь

* Англичане, захватившие Капскую колонию на рубеже XVIII—XIX вв., стали называть Каапстад Кейптауном.

** Сосуд для воды, обычно из тыквы.

перед хижинами под высокими крышами: там крааль вождя.

Здесь, в Булавайо, сходятся нити хорошо организованной информационной системы, раскинувшейся по всем направлениям и достигающей центра Африки. Гонцы постоянно находятся в пути. Они направляются даже в Кейптаун: Чака хочет получить точные сведения о жизни белых. Он много слышал о их постройках и укреплениях, о их быте, о дорогах, которые они строят. Чака хочет применить в своей стране все, что есть разумного и полезного у других народов. Один из его гонцов, не умея писать, изобразил все увиденное им в Кейптауне на большойalebасе. Это оригинальное донесение не достигло адресата, иalebаса находится ныне в музее Кейптауна.

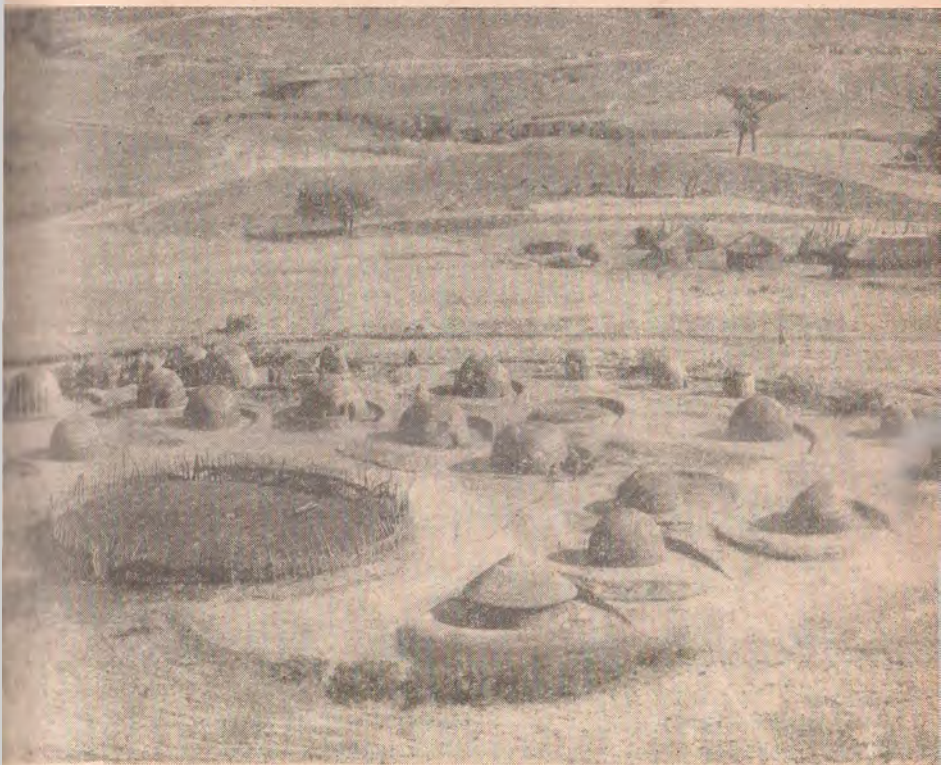
Дингисвайо искал связей с португальцами, Чака же стремился установить отношения с англичанами. Он заключил договор с английскими купцами, которые явились к нему во главе с офицерами Френсисом Джорджем Фэйрвеллом и Генри Френсисом Финном. Чака разрешил им торговать с зулусами и дал землю на том месте, где позднее возник город Дурбан. В 1824 г. Чака отправил в Кейптаун миссию с богатыми подарками. Ей было поручено узнать, можно ли установить добрососедские отношения с Капской колонией. Но замысел Чаки шел еще дальше: он хотел завязать дружеские отношения с британским королем. Капская колония была для него лишь первой и важнейшей вехой на этом пути. Однако английские власти в Порт-Элизабет преградили дорогу посланцам Чаки.

Лейтенант Джеймс Кинг, который в 1825 г. вместе с Фэйрвеллом и Финном посетил резиденцию Чаки, оставил описание оказанного им приема:

«Около восьми часов вечера мы достигли входа в его крааль и немедленно были впущены. Вскоре мы увидели его величество и придворных, собравшихся у огромного костра. Несколько минут мы стояли неподвижно... затем нам предложили приблизиться. Мы передали вождю подарки и примерно шагах в шести от него сели на пол».

В этот момент у Чаки шел военный совет. По окончании его Чака принял чужеземцев в своем личном краале.

«Здесь с его лица сошло строгое выражение. Он был в хорошем настроении и беседовал с нами о самых различных вещах. Тут в больших корзинах принесли вареную говядину и в глиняных кувшинах молоко. Мы основательно поели.

Зулусский крааль

Позднее Чака показался гостям в полном боевом облачении. Его одежду составляла юбка из обезьяньих шкур, ниспадающая тремя складками от пояса до колен. С колен и с каждой руки свисали по два белых коровьих хвоста. Голову его облежала красивая меховая лента с длинным пером спереди и с яркими перьями по бокам. Когда он вышел, держа в руках овальный щит длиной около четырех футов и копье, воины запели боевую песню. Чака же исполнил боевой танец зулусов. Чаке приблизительно тридцать восемь лет. Сложен он хорошо, ростом выше шести футов и считается лучшим бегуном. Действительно, в тот вечер он проявил совершенно поразительное искусство».

ПРИДЕТ УМЛУНГУ

По мере того как Чака расширял границы своих владений, он превращался в деспота и в последние годы правил при помощи самых кровавых методов. Его походы привели в движение весь юг Африканского континента. Одни племена исчезали навсегда, другие уходили в отдаленные области, чтобы спастись от деспотизма Чаки.

Несколько тысяч зулусов под руководством Мсиликази перешли в страну басуто (область, где ныне находится город Претория), а позднее под натиском буров передвинулись далее. Они получили от местных жителей название матабеле (т. е. «люди со щитами»). Позднее правитель матабеле Лобенгула заключил с Сесилем Родсом печально известный договор о продаже англичанам земли. Другая часть зулусских племен во главе с вождем Сошанчане перешла на территорию португальского Мозамбика; их стали называть шангаан. Третья группа под руководством Звангендабы переправилась через Замбези; их называют теперь ангонии.

В 1828 г. Чака был убит своим сводным братом Дингааном. Причины этого убийства, вероятно, навсегда останутся неразгаданными. Возможно, известную роль сыграло возмущение деспотизмом Чаки. Но вернее предположить, что главными движущими мотивами были зависть и недоброжелательство, а также интриги англичан, для которых, несмотря на мирные намерения Чаки, могущественное государство зулусов было бельмом на глазу.

Буржуазные историки всегда пытались извратить роль Дингисвайо и Чаки. Они клеветают на славные традиции вождей зулусов. Дингисвайо и Чака — герои не только своего, но и многих других африканских народов. Чака поныне живет в легендах и рассказах и в сердце народа как герой, в котором сочетались военный талант, гений и мужество. Ганс Шомбург в книге «Амазулу — сыновья неба» пишет:

«Один старый зулус, которому я напомнил о жестокостях Чаки, ответил мне: „Да, ты прав, наши предки при Чаке ежедневно опасались за свою жизнь. И тем не менее они были великими, они стали великими благодаря Дингисвайо и Чаке. Они ходили с поднятыми головами, так как могли не бояться врагов. До эпохи великих вождей народ зулусов заботился лишь о мелочах повседневной жизни, с

приходом же Дингисвайо мы стали думать о более важных вещах и почувствовали, что мы уже не прежний крошечный нищий народец, а подлинная нация»».

История знает многих деспотов и тиранов. Но Чака был таким деспотом, который понял зов своего времени. По преданию, пронзенный насквозь двумя копьями и будучи уже при смерти, он, собрав все свои силы, твердым голосом сказал:

— Вы меня убили, потому что надеетесь стать после моей смерти вождями. Но надежды обманывают вас. Придет *умлунгу* (белый человек). Он будет управлять, а вы станете его рабами, так как будете бороться между собой за власть. Интриги и недоверие не позволят вам объединиться.

Пророчество Чаки сбылось. Внутренняя рознь ослабила силы зулусов. Хотя Дингаан, преемник Чаки, пытался укрепить войско, однако он не мог долго противостоять начавшемуся «великому треку» *. В 1838 г. буры с помощью англичан нанесли зулусам решительное поражение на реке Инкоме, получившей с того времени название «Кровавой». Независимое зулусское государство было оттеснено на север, за реку Тугелу.

Великой державе зулусов удар был нанесен в тот момент, когда она еще не сформировалась окончательно. Только войско сдерживало ее воедино, не давая племенам отделиться. Поражение Дингаана на Кровавой реке не могло не привести к резкому ослаблению молодого государства. Его ускорили буры и англичане, на время забывшие свою вражду для борьбы против коренного населения. Они провоцировали конфликты, подстрекали вождей друг против друга, и с каждой купленной изменой все большая часть земель зулусов переходила в руки белых.

НЕПРИЕМЛЕМЫЙ УЛЬТИМАТУМ

Инкоси Кетчвайо предпринял еще одну попытку спасти свою страну. После того как английские колониальные власти в декабре 1878 г. предъявили ему ультиматум, он понял, что борьба неизбежна. Принятие ультиматума оз-

* Переселение буров из Капской колонии в глубь континента, завершившееся основанием республик Трансвааль и Оранжевая.

начало бы уничтожение последних остатков независимости зулусов. Он содержал такие требования:

1. Войско Кетчвайо распускается и в дальнейшем может быть созвано только с согласия английского правительства.

2. Английское правительство направляет в Зулуленд своих представителей для наблюдения за действиями Кетчвайо.

3. Кетчвайо разрешает деятельность миссионеров в Зулуленде.

4. Разногласия между зулусами и британскими подданными разрешаются королем (Кетчвайо) лишь в присутствии английского резидента.

Остальные требования, хотя и менее важные, были открыто провокационными.

Зулусы отвергли ультиматум, и Кетчвайо призвал народ защищать свою страну. Он реорганизовал армию и ввел строгую дисциплину. Поскольку ультиматум остался без ответа, английские войска в январе 1879 г. четырьмя колоннами перешли реку Тугелу, вторглись в Зулуленд и начали военные действия.

В битве при реке Изанзване английский отряд в составе полутора тысяч человек был почти полностью уничтожен. Позднее Кетчвайо одержал еще не одну победу, и только когда Англия направила против могущественного инкоси больше двадцати тысяч воинов — пехоту, кавалерию и артиллерию, — зулусы были разбиты, а Кетчвайо изгнан из страны.

Англичане разделили Зулуленд на тринадцать «независимых» государств и поручили управление преданным им вождям, которых население, однако, не признавало. Между племенами, как и рассчитывали колониальные власти, началась ожесточенная борьба, длившаяся семь лет. Чтобы восстановить «мир и порядок», англичане в 1887 г. объявили протекторат над Зулулендом и ввели туда свои войска. В том же году Зулуленд был присоединен к Наталу. Так завершилось завоевание британской колонии Наталь.

ИСТРЕБИТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ

Нет ничего опаснее белого человека.

Поговорка племени иббо

«КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ СТРАНА ГЕРЕРО?»

«Мы хотели провести справедливый обмен землей с вождем гереро Осеа Кутаку, причем предлагали землю лучшего качества. Вместо благодарности этот Кутаку жалуется в Организацию Объединенных Наций и выставляет наше управление в дурном свете». Эти слова администратора Юго-Западной Африки доктора Даниэля Вильюна цитирует Ганс Дженни, корреспондент газеты «Христ унд Вельт».

В некоторых кругах Западной Германии тоже горько жалуются на «неблагодарность» гереро и удивляются, что остатки этого гордого народа все еще помнят о войне 1904 г. и требуют возвращения земель, отнятых у них немецкими колонистами.

Но разве могут гереро забыть слова немецкого генерала фон Трота: «Каждый гереро, встреченный в пределах немецких границ с оружием или безоружный, со скотом или без него, будет застрелен. Я не пропущу ни женщин, ни детей, я прогоню их обратно и прикажу в них стрелять. Так заявляю гереро я, фон Трота, великий генерал могущественного императора».

Эти слова означали смертный приговор целому народу. В этой войне 1904 г. друг другу противостояли две силы: гордый, смелый народ, который ни за что не соглашался продать себя и свою родную землю и проявил мужество, еще и сейчас вызывающее преклонение африканцев, и колониальная держава, которая ради прибылей пошла на уничтожение целого народа.

ПО ТУ СТОРОНУ КАЛАХАРИ

После того как племя гереро покинуло своих предков и ушло на юг, огромная, молчаливая и безмолвная пустыня Калахари отделила его от родственных племен банту, двигавшихся на восток. Возможно, гереро не одно столетие продвигались на юг. В XVIII в. они, наконец, достигли «большой воды» — Атлантического океана и нашли свою новую родину в Юго-Западной Африке. Страна изобилвала густыми пастбищами. Обширные покрытые травой равнины позволяли держать большие стада, составлявшие основу существования этого пастушеского народа. Правда, гереро приходилось вести борьбу с готтентотами, которые облюбовали те же земли, но это было явлением обычным: большие переселения народов часто сопровождались войнами.

«ОНИ ПОСТОЯННО ОТСТУПАЮТ...»

Катастрофа 1904 г. не только подорвала основы существования гереро, лишив многочисленных стад скота, но и уничтожила их культуру.

К числу крайне скудных источников по истории гереро относятся весьма тенденциозные сообщения офицеров немецких колониальных войск того времени, когда гереро уже не могли вести привычный образ жизни и были вынуждены постоянно отступать. Газета «Дейчес Колониальблатт» 1 октября 1909 г. поместила следующее сообщение некоего лейтенанта фон Герсдорфа:

«Там, где гереро не опасаются патрулей, они возводят свои понтоки * и верфи ** примерно в 5—6 километрах от воды. Остовом понтокам служат сучья и ветви, согнутые сводом наподобие пчелиного улья и связанные древесной корой. Сверху их покрывают травой. Все имущество гереро состоит из колод, выдолбленных из дерева, — в них они толкут клубни водянистого растения, чтобы получить жидкость, которую затем перемешивают с ягодами, — из топора, шила, банки с трутом, кремня и огнива. Трут гереро добывают из гнилушек или древесных наростов; из старых

* Хижины.

** Семейные поселения.

кусков железа они выковывают наконечники для стрел и копий, мастерят капканы. Одежду, а часто также и обувь гереро шьют из дубленых козлиных шкур. Дети их бегают совершенно нагими. В кожаные сумки вроде наших ягдташей гереро собирают съедобные корни, которые выкапывают из земли обожженной на костре палкой. Мужчины прибегают для этого также к помощи палицы с заостренным концом, основное назначение которой — приканчивать животных, попавших в капкан или силки. Кроме палицы, гереро вооружены копьем и луком. Отравленными стрелами они не пользуются, хотя знают состав яда, изготовляемого бушменами. Гереро плетут силки из веревок — материал для них дает агава определенной разновидности — или же из проволоки.

Сбор корней и снабжение водой — дело женщин и детей, на обязанности мужчин лежит охота. В сухое время года для многих гереро только клубни водянистого растения служат источником влаги. В местностях, отдаленных от воды, они строят свои понтоки там, где изобилует это растение. Гереро запасают его в большом количестве, и, чтобы предохранить от высыхания, закапывают в песок. Перед употреблением его клубни очищают, разрезают на мелкие куски и растирают в деревянных колодах. Полученную кашу выжимают руками. Собаки не переносят этой жидкости идохнут от нее. Людям она также не безвредна, гереро нередко заболевают и в качестве лечения прибегают к кровопусканию, делая разрез в ушах. Зато жидкость, получаемую из растения тсама, и люди и животные могут пить длительное время без ущерба для здоровья. Однако в песчаных местностях это растение встречается крайне редко.

В наиболее засушливые периоды гереро, чтобы спастись от жажды, подвешивают на дерево желудок каменного козла, который содержит до трех котелков жидкости, а снизу подставляют горшок. Пользуются они и другим — ускоренным — способом, при котором получается менее чистая влага: желудок вскрывают, руками выжимают в сосуд его содержимое, а затем пропускают через травяной фильтр, после чего используют для питья и для варки пищи.

Каждое утро на рассвете женщины и дети отправляются за водой или на поиски корней, а мужчины осматривают ловушки и «охотничьи краали». Ловушки представляют

собой ямы шириной 1,5 и глубиной 1,5—2 метра, выкопанные большей частью вблизи солончаков, по нескольку в ряд, на небольших расстояниях одна от другой. Они рассчитаны на крупную дичь, мелкую ловят силками. «Охотничьи краали» — это сооружения для охоты на антилоп и каменных козлов на гребнях дюн, по краям кустарника или оврагов, представляющие собой длинные изгороди с небольшими проемами, в которых расставлены силки. Гереро охотятся с собаками на шакалов и рысей. Маленькие, но очень злые псы выслеживают даже леопардов».

Бесконечные просторы Южной Африки, отливающие красным и голубым далекие горы, плодородные земли и богатая фауна понравились крупному бременскому купцу Людерицу. В 1883 г. он у одного вождя «купил» бухту Ангра Пекена (ныне бухта Людериц), а у другого — часть побережья от устья реки Оранжевой до 26-го градуса южной широты. Год спустя в бухте Людериц бросил якорь военный корабль «Элизабет». С него на берег сошел отряд вооруженных людей, чтобы выполнить волю Бисмарка, который поставил собственность Людерица под «защиту» Германской империи. Так возникла Германская Юго-Западная Африка.

Немецкие колонисты извлекали из экспорта скота огромные прибыли, тогда как стада гереро и готтентотов непрерывно сокращались. Коренное население страдало от жажды ростащиков, а тут еще на рубеже XIX и XX вв. в Южной Африке вспыхнула эпизоотия чумы. У гереро осталась только земля, но прошло немного времени — и они потеряли и ее.

Взамен немецкие завоеватели принесли коренному населению «блага» европейской цивилизации, которых оно ранее не знало: сифилис и алкоголь. Венерические болезни и пьянство получили такое широкое распространение, что рейхстаг был вынужден заняться исследованием условий в Германской Юго-Западной Африке. Жестокость немецких властей, захват земли белыми поселенцами, задолженность европейским торговцам, которые навязывали африканцам свои товары, а взамен уводили их скот, — все это довело гереро до отчаяния.

«Кому принадлежит земля гереро? Нам принадлежит земля гереро!» Под этим лозунгом 12 января 1904 г. началось восстание гереро во главе с Самюэлем Магареро. Женщин, детей, миссионеров, англичан и буров повстанцы

не трогали. Вся их ненависть была направлена против немецких солдат, ростовщиков и торговцев.

Из Германии были вызваны подкрепления: сначала пять тысяч, затем десять тысяч, наконец четырнадцать тысяч солдат с самым современным оружием. Командовал генерал-лейтенант фон Трота, великолепно подходивший для руководства операцией по уничтожению гереро, — он доказал это, участвуя в кровавом подавлении восстания ихэтуаней*. Фон Трота радовался предстоящей кампании, которая, по его расчетам, должна была продлиться не больше чем несколько недель. Ведь немецким войскам противостояли племена, вооруженные копьями; только шесть тысяч человек имели ружья, к тому же в основном устаревшего образца.

МАРШ СМЕРТИ ЧЕРЕЗ ПУСТЫНЮ ОМАХЕКЕ

Фон Трота разбил лагерь на небольшой возвышенности у подножия горы Ватерберг. Ротные командиры столпились вокруг стола, на котором фон Трота разложил карту. Он разъяснял позиции и задачи шестнадцати рот; помимо пулеметов они располагали более чем тридцатью орудиями. Гереро были окружены со всех сторон. Фон Трота говорил медленно, выделяя почти каждое слово, словно смакуя свою речь. Он любил говорить, не встречая возражений, любил планы кампаний, карты с нанесенными на них схемами операций. Сейчас он испытывал сатанинскую радость жестокого человека, который привык обеими руками сеять смерть.

«Тактический» план фон Трота состоял в том, чтобы загнать гереро в пустыню и не дать им отступить в такие места, где они могли найти пищу для себя и корм для скота. Это должна была быть первая тотальная война Германии. У подножия Ватерберга подготавливалась драма, означавшая гибель целого народа.

— Мы не знаем пощады, — заявил фон Трота и по очереди посмотрел каждому из офицеров в глаза. — Может быть, кто-нибудь здесь иного мнения?

Неподвижные лица подтвердили: возражений нет.

В августе 1904 г. немецкие «ударные войска» с четырех

* Народное антиимпериалистическое восстание в Китае в 1900—1901 гг.

сторон двинулись на гереро. Пулемет косил их ряды один за другим. После девяти дней бойни оставшиеся в живых вместе с семьями и стадами бежали в страшную, безводную пустыню Омахеке. Фон Трота двинулся вслед за ними и приказал занять немногие имевшиеся здесь источники воды. «Черные, — думал он, — не выдержат долгой и страшной смерти от жажды в пустыне и предпочтут наши пули». Шел месяц за месяцем, немецкие войска стали уже испытывать нетерпение, а гереро все не показывались. Но вот однажды из пустыни появились живые тени: скелеты женщин с едва дышавшими детьми на руках. Мужья отправили их, чтобы они нашли спасение в плену. Однако фон Трота был беспощаден: он заставил несчастных вернуться на верную гибель в пустыню. Вдогонку он послал новые войска. В книге «Наши колонии» рассказано, какое зрелище предстало их глазам: «В феврале следующего года колонна обер-лейтенанта графа Швейница, продвигаясь в песках, натолкнулась на следы бежавших гереро. Как сообщил граф Швейниц, земля была усеяна сотнями трупов домашних животных. Вырытые во многих местах ямы глубиной 15—20 метров свидетельствовали о том, что гереро безуспешно пытались найти здесь воду. Бегство явилось маршем смерти. Вслед за скотом гибли дети, женщины, старики».

Лишь немногим удалось пробиться через пустыню в Бечуаналенд. Среди спасшихся был и Самюэль Магареро.

В октябре 1904 г. Хендрик Витбой поднял восстание готтентотов. Они тоже щадили женщин, детей, миссионеров, англичан, буров и раненых неприятелей. Немецкие пулеметы уничтожали готтентотов так же беспощадно, как гереро. Но хотя их главные силы были разбиты, а Хендрик Витбой в 1905 г. умер от ран, отдельные группы вплоть до 1908 г. продолжали борьбу.

Немецкие «ударные войска» выполнили свою задачу «в полном объеме». Восемьдесят тысяч гереро и десять тысяч готтентотов были истреблены. Оставшихся в живых загнали в лагеря, поставлявшие рабочих немецким фермерам. В лагерях свирепствовали эпидемии.

Вскоре в Юго-Западной Африке воцарилась кладбищенская тишина.

ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ АПАРТХЕЙДА

Сердце Южно-Африканского Союза * — не Претория, где находится резиденция правительства, и не Кейптаун, где заседает парламент, а «золотой город» Йоханнесбург. Когда утром из густого тумана, укрывающего землю, поднимается солнце, горы, у подножия которых лежит Йоханнесбург, кажутся ослепительно белыми. Буры называли их «грядой белых вод» — Витватерсранд. Сейчас окрестности Витватерсранда усеяны гигантскими отвалами горной породы желтого цвета. Земля повсюду взрыта, местами до глубины 3 тысяч метров.

Йоханнесбург стоит на золоте и обязан своим возникновением золоту. Этому городу немногим более семидесяти лет, и все эти годы блага цивилизации были доступны здесь лишь трехстам тысячам белых. Сотням тысяч африканцев отведены только трущобы, не имеющие себе равных в мире по грязи и нищете.

На самом Витватерсранде, где расположены золотоносные участки, колючая проволока со всех сторон ограждает рабочие поселки, напоминающие концентрационные лагеря. Вокруг патрулируют вооруженные автоматами часовые, на сторожевых вышках установлены пулеметы, направленные на африканских рабочих, которые за одну и ту же работу получают в десять раз меньше, чем белые.

Подобная дискриминация, попирающая все человеческие права, освящена законами страны, такими как закон о регистрации населения, изданный в 1950 г. правительством националистической партии Малана, закон о расселении по расовым группам и закон, предусматривающий жесточайшие кары за смешанные браки между белыми и черными. В соответствии с этими так называемыми правовыми нормами все население Южной Африки делится на четыре группы: лица европейского происхождения, метисы, африканцы банту и выходцы из Азии.

Специальные комиссии изучают строение фигуры человека, цвет его кожи и социальное положение, после чего правительственные учреждения решают, к какой группе населения следует его причислить. Тысячи людей в Южной Африке живут в постоянном страхе, что могут быть отнесены к нижестоящей группе. Это сопряжено с измене-

* С 31 мая 1961 г. — Южно-Африканская Республика.

нием места жительства — иногда не только квартала, но и города, — круга знакомых, школы, которую посещают дети. Жестокое кары ждут того, кто не соблюдает многочисленных ограничений под девизом «только для белых». Черных почти десять миллионов человек, белых — всего три миллиона.

В довершение расовой политики, которая может сравниться лишь с людоедской политикой нацистов, парламент Южно-Африканского Союза, состоящий из одних белых, принял так называемый закон о бантустанах*; он, по словам диктатора Фервурда, представляет собой апогей политики, направленной на полное разделение рас.

Еще несколько десятилетий назад был разработан план создания в стране особых резерватов для коренного населения с последующим превращением их в некие «автономные» государства в рамках Союза. Там, где сейчас в нищенских условиях живет четыре миллиона банту, должно быть поселено еще шесть миллионов человек.

В богатых промышленных и аграрных районах страны останется всего три миллиона чернокожих: у себя на родине они будут находиться на положении «временно допущенных иностранных рабочих».

Это ничуть не беспокоит белых снобов, биржевиков, промышленников и богатых фермеров. Все их помыслы направлены на то, чтобы сохранить свои богатства. Руководствуются они лозунгом, выдвинутым еще в середине XVII в., когда буры только начали продвигаться от мыса Доброй Надежды в глубь континента: «Южная Африка должна быть страной белого человека, здесь никогда не будут управлять кафры, готтентоты или кули».

Буры были благочестивыми людьми. Они считали себя избранными божьими и утверждали, что это дает им право истреблять черных, если те не соглашались стать рабами. Простая и выгодная религия! В 1806 г. Капская колония стала владением англичан. На протяжении сотен лет английские купцы наживали сказочные прибыли на торговле рабами. Но теперь, когда Англия стала развитой промышленной державой и применение машин сделало труд рабов невыгодным, Англия «во имя божьей справед-

* «Закон о предоставлении банту самоуправления» предусматривает создание «национальных отечеств» (бантустанов) для зулусов, коса и других южноафриканских банту в пределах отведенных им земель, т. е. лишь на 13% территории страны.

ливости» запретила рабство. На самом деле этот жест был также продиктован только соображениями выгоды; об английских капиталистах было принято говорить, что они произносят «бог», а думают «хлопок».

Поскольку бог буров никогда не возражал против рабства, благочестивые фермеры были возмущены законом о его запрещении. Они сложили свои пожитки на запряженные волами повозки и вместе с женами и детьми двинулись на север, подальше от английских владений, туда, где еще оставалось коренное население, которое можно было беспрепятственно угнетать.

Зулусы, которые оказались на пути буров, были разгромлены, причем буры, горячо ненавидевшие англичан, не преминули воспользоваться их помощью. Возникли две бурские республики — Трансвааль и Оранжевое Свободное Государство. Но добрососедские отношения бурских государств и английской колонии существовали не долго. В 1867 г. в Оранжевой были найдены алмазы, в 1884 г. в Трансваале — золото. Англичане, сразу же вспомнив о бедных порабощенных зулусах, начали бряцать оружием и провоцировать пограничные инциденты. Когда же буры обложили английских владельцев золотых разработок высоким налогом, в 1899 г. вспыхнула война; выиграв ее, англичане смогли вставить в британскую корону два новых бриллианта в виде бурских республик.

Победители проявили великодушие: Южная Африка получила широкое самоуправление, буры пользовались равными правами с англичанами. На базе эксплуатации золотых и алмазных разработок англичане создали развитую промышленность.

Она не могла обойтись без труда африканцев. Коренное население получило «разрешение» селиться в городах и наниматься на работу к белым господам. Но политика резерватов — апартхейд — продолжала существовать; более того, с годами она приняла неслыханно жестокие формы.

О последствиях этой политики и ее влиянии на Африку доктор Кваме Нкрума сказал:

«Ныне твердо установлен тот исторический факт, что ничто так не активизирует волну национализма в Африке, как политика апартхейда. Правительство (Южно-Африканского) Союза создает мучеников, и мы в нашу важную историческую эпоху ни на минуту не забываем о них».

БАРАБАНЫ НЕ СМОЛКАЮТ

Слово «свобода» нельзя
написать
Когтями стервятника.
Его можно написать только
кровью.
Свободу нельзя вымолить,
Находясь в лапах тигра,
За нее надо жестоко бороться
Или погибнуть...

Ашантену Сигодар
(Суринам)

СУАХИЛИ ИЛИ ХАУСА?

В толпе молодых студентов, которые каждое утро с пачкой книг под мышкой направляются к зданию университета в Аккре, однажды появилась небольшая группа африканцев, принадлежащих к старшему поколению. Судя по одежде, среди них были гости из разных стран Африки. Однако при виде того, как уверенно они вошли в залитый светом вестибюль, каждому стало ясно, что здесь, в мире науки, они чувствуют себя как дома.

Профессора, педагоги, писатели и журналисты собрались на первый лингвистический конгресс Западной Африки, чтобы обсудить одну из важнейших проблем, стоящих ныне перед ее народами. На каком языке будут они говорить с другими народами мира? И на каком языке будут объясняться между собой люди, населяющие громадную территорию от Каира до Кейптауна?

До сих пор африканцы, если они хотели получить знания и образование, были вынуждены пользоваться языком своих колониальных господ: ни в миссионерских школах, ни в учительских институтах, ни в правительственных учреждениях языки коренного населения, на которых говорят миллионы людей, не занимали должного места. Неужели так будет продолжаться и впредь? Неужели средством связи между молодыми африканскими государствами останутся навязанные Африке европейские языки?

Несколько лет назад аналогичная проблема встала

перед индийцами: они, как известно, смогли ее разрешить. Через несколько лет английский будет вытеснен самым распространенным языком Индии — хинди, который пополнится новыми словами и выражениями из области техники и естественных наук.

Подобное решение напрашивается и для Африканского континента; на лингвистическом конгрессе в Аккре это не вызвало разногласий. Но какой из африканских языков может сыграть ту роль, какая в Индии выпала на долю хинди?

Европейские лингвисты поздно занялись языками и диалектами Африки, но и после этого не скоро и не все отказались от предвзятых суждений. Многие утверждали, что «Черный континент» с точки зрения лингвистики представляет собой настоящий хаос, так как каждое племя говорит на своем языке; что среди огромного числа языков — оно составляет от семисот до тысячи — нет якобы ни одного, который по своему лексическому богатству и выразительности мог бы сравниться с современными западными языками.

За этими утверждениями, кстати сказать совершенно ложными, стояло, да и поныне стоит желание отказать народам Африки в собственной культуре, а заодно и в способности самим определять свою судьбу.

Между тем у нас в Европе тоже говорят не только на французском, немецком, русском, но и на ирландском, лапландском, румынском, каталонском языках; а если еще учесть диалекты, в которых также нет недостатка, то число языков выразится солидной цифрой.

Разумеется, определенному уровню развития общества соответствует определенный уровень развития языка. В Европе национальные языки также выкристаллизовались лишь после того, как сложились нации. Когда в Африке появились европейцы, крупные нации там только начинали формироваться. Ныне этот процесс, надолго задержанный периодом колонизации, идет полным ходом.

Население Республики Ганы в настоящее время говорит на двадцати диалектах языка акан. Этот высокоразвитый язык до сих пор не имеет единой орфографии. Специальная комиссия, занимавшаяся этим вопросом, только что завершила свою работу. Акан объявлен национальным языком Ганы, который должен заменить английский. Вскоре выйдут первые школьные учебники на языке акан.

Аналогичную картину можно наблюдать и в соседней Нигерии, многонациональном государстве на побережье Гвинейского залива, которое называют «африканской Индией». Из тридцати пяти миллионов жителей Нигерии* немногим более семи миллионов говорят на языке хауса, шесть миллионов — на языке йоруба и еще шесть миллионов — на языке ибо; в общей сложности на этих трех языках говорят почти две трети населения страны. На долю остальных тринадцати миллионов человек, как уверяют исследователи, приходится сто девяносто семь языков. На ста из них говорят отдаленные горные племена, живущие в долинах плато Баучи. Но даже такая распыленность не может поколебать уверенность молодого государства в том, что языковую проблему можно успешно решить.

В Нигерии все громче раздаются требования установить единый официальный язык для всей страны, и большинство мнений склоняется к тому, чтобы отдать предпочтение хауса. Предполагается, что вначале он будет введен во всех школах как обязательная дисциплина, затем все преподавание будет переведено на хауса, после чего он вскоре сможет стать государственным языком.

Хауса является языком торговли. За пределами Нигерии на нем говорят еще от десяти до пятнадцати миллионов человек и еще больше людей понимают его. Благодаря наличию множества слов арабского происхождения в хауса, он понятен жителям стран Магриба, чей родной язык — арабский.

Хауса давно имел собственную письменность, в основе которой первоначально лежал арабский алфавит. Хауса и сейчас имеет большое значение как современный литературный язык.

Среди разговорных языков Африки на первом месте стоит арабский: между долиной Нила и побережьем Атлантического океана на нем говорят, хотя и с разным произношением, пятьдесят пять миллионов человек. В огромную область распространения арабского языка вклиниваются в горах Риф, в Южном Марокко и в некоторых других оазисах небольшие участки, где сохранились древние берберские языки, устоявшие против влияния арабов и ислама. К ним принадлежат сусу и кабийский в Алжире, а также

* По переписи 1964 г. население Нигерии составляет около пятидесяти пяти миллионов человек.

несколько туарегских диалектов в Западной и Центральной Сахаре.

В Восточной и Центральной Африке наиболее распространен суахили (или кисуахили): на нем говорят от пятнадцати до тридцати миллионов человек. Кроме того, его понимают все народы сомалийского побережья, так как на здешних рынках он выполняет ту же функцию, что хауса на западе континента. Суахили в свою очередь испытал очень большое влияние арабского, и в основе его письменности также первоначально лежал арабский алфавит.

Когда в XVI в. в Африке появились португалцы, на территории между Софалой и Могадिशо был распространен суахили. Истоки суахили восходят к тому времени, когда первые арабские поселенцы задолго до проникновения ислама обосновались в Восточной Африке и смешались с жившими здесь народами банту. Он возник из смешения диалектов банту со словами, заимствованными из лексикона арабских и персидских купцов, и пополнился сирийскими, арамейскими, древнееврейскими, турецкими и даже индийскими словами.

Суахилийские термины, касавшиеся торговли, судоходства, культуры и войны, были заимствованы у арабов, а слова, относящиеся к сельскому хозяйству и повседневной жизни, — у банту. Грамматика суахили также представляет собой результат взаимодействия логичной и сложной арабской грамматики и очень трудной грамматики языков банту, изобилующей исключениями. Суахили принадлежит к числу семи наиболее распространенных языков мира и является наряду с европейскими языками, получившими здесь распространение в период колониализма, официальным языком в Кении, Танганьике, Мозамбике и Восточном Конго. Кроме того, на суахили имеется богатая и быстро растущая литература.

Год назад один журналист встретил в деревне около Элизабетвиля (Конго) восьмилетнего мальчика, возвращавшегося из школы, и попросил его показать свою тетрадь. В ней был переписан очередной урок — на суахили. Преподавание на этом языке позволит школьникам объясняться с теми их соотечественниками, которые принадлежат к другим народностям. Одновременно в школах изучается французский язык.

В числе языков, понятных миллионам африканцев, следует назвать амхарский, официальный язык Эфиопии.

Наконец, следует упомянуть манде, на котором говорят три миллиона людей племен мандинго. Его обязаны были знать офицеры французской колониальной армии: солдатам, завербованным в Западной Африке, приказы отдавались на родном языке.

Остальные африканские языки имеют более ограниченную сферу распространения. Это сотни языков народов банту, множество языков Западного и Центрального Судана. Как правило, они еще очень слабо изучены.

Еще несколько лет назад в одной из ведущих швейцарских газет можно было прочесть такое высказывание: «Когда сто или пятьдесят лет назад западные миссионеры и колониальные державы пришли в Африку и начали свою цивилизаторскую деятельность... там не было письменности, не было каменных памятников».

Какая невероятная ложь!

Как известно, Нил течет в Африке. Но ведь письменные памятники долины Нила относятся к эпохе, отстоящей от нас примерно на три с половиной тысячи лет. В те времена, когда наш Европейский континент с точки зрения культуры еще находился в глубокой спячке, древние египтяне — а они ведь были африканцами! — создали письменность, состоявшую из пятисот иероглифов; они ее упростили примерно за тысячу лет до нашей эры, создав так называемый демотический алфавит, дошедший до нас благодаря знаменитой надписи на розеттском камне. Здесь же, в долине Нила, возникло на основе древнегреческого алфавита и коптское письмо, с помощью которого написана обширная церковная литература. Коптское письмо в свою очередь повлияло на развитие письменности древней Нубии. Найдены древнениубийские тексты, относящиеся к VIII и IX вв., выдержки из евангелий и надгробные надписи. В Мероэ задолго до появления здесь христианства существовал алфавит, испытавший сильное влияние египетской иероглифики. К сожалению, письма Мероэ до сих пор не удалось расшифровать.

Ливия в эпоху Древнего Карфагена имела свою письменность, похожую на пуническую. Она долгое время была распространена в Нумидии, а также в странах нынешнего Магриба; ею по сей день пользуются туареги Центральной Сахары. Эфиопская империя с древнейших времен имела свою письменность, которая восходит к сабейской; ее письменные свидетельства относятся к первым векам н. э.

С проникновением ислама во многих частях Африки в употребление вошел арабский алфавит, в Северной Африке без изменений, в Судане же и на восточном побережье с модификациями, приспособившими его к местным языкам — хауса, фульбе и суахили. До нас дошли записанные этим письмом произведения героического эпоса, песни, саги, хроники и множество стихов. Арабским языком пользовались в древнем мусульманском университете в Томбукту, на этом языке профессора и студенты писали свои научные труды — по астрономии, математике, медицине и морали. И все это задолго до того, как в XVI в. первые португальцы ступили на землю Африки!

ТАМТАМ, ТЕЛЕГРАФ ДЖУНГЛЕЙ

Девственный лес, заполненный тысячами шорохов и звуков, смолк; издалека донеслись однообразные глухие удары. Однако обитатели леса стихли лишь на одну секунду: сигнальные удары барабана им хорошо знакомы. Птицы немедленно возобновили свою шумную возню, высоко в кронах деревьев вновь раздались пронзительные крики обезьян.

Жители деревень и селений на берегу реки продолжали прислушиваться. Ведь каждый, кто примет сообщение тамтама, обязан передать его дальше. Оно должно дойти до адресата. На языке тамтама переговаривается вся Африка, его звуки летят над лесами и саваннами, реками и озерами, порой через весь материк.

Звук барабана слышен обычно за 30 километров, при благоприятных условиях и при спокойной погоде — даже за 60. Когда умер король Англии, весть об этом важном событии облетела деревни в лесах раньше, чем колониальные власти передали ее по радио. Радио не может поспеть за тамтамом.

Наряду с новейшими средствами техники в Африке до сих пор удерживается традиционная система передачи известий, выдержавшая испытание четырех тысячелетий. Благодаря тамтаму африканцы узнают обо всех происшествиях в соседних деревнях и племенах, в случае беды договариваются между собой. Трудно представить себе их жизнь без тамтама.

«Жена Кофи уже несколько дней тяжело больна, —

отбивает на барабане дежурный „телеграфист” в отдаленной конголезской деревне. — У нее высокая температура. Вождь Ашуса просит врача приехать как можно скорее».

Ближайший медицинский пункт находится за 30 километров. Но ответ заставляет себя ждать не больше десяти минут: «Врач выедет через час. Он будет плыть вверх по реке до большого поворота. Здесь его должна встретить лодка».

Английский врач Тодд в 1948 г. рассказал в лондонской газете о том, как пользуется тамтамом конголезское племя бабали.

«Стоит кому-нибудь из жителей деревни не прийти вовремя домой, как о нем немедленно при помощи тамтама наводят справки у соседей. Если те ничего не знают, старейшины деревни рассылают во все концы поисковые группы, состоящие из двух человек, которые имеют при себе рожок, издающий два звука различной высоты. Им подаются сигналы, напоминающие звуки тамтама.

Деревенский барабан, конечно, не смолкает ни на минуту. Сначала он помогает соблюдать дистанцию между собой поисковым партиям, ушедшим в разных направлениях. Найдя односельчанина, они звуками рожка оповещают об этом свою деревню; если она находится вне пределов слышимости, то сообщение передают через ближайшее селение. Первый, кто его услышит, спешит к барабанщику, и тот вместо траурной мелодии начинает отбивать веселый мотив. После этого почти вся деревня выходит навстречу заблудившемуся человеку. Остальные поисковые партии, заметив, что тамтам заговорил по-иному, также возвращаются домой».

Своеобразная газета, какой является тамтам, не ограничивается известиями, интересующими одно племя. Она в состоянии передать любое сообщение. Она распространяет новости, приказы властей, приглашает врачей, передает и комментирует международные события. Она обнародует сведения о рыночной конъюнктуре и сводки погоды, предупреждает о приближении бури. Иногда она даже заменяет отдел записей актов гражданского состояния. Брак считается зарегистрированным, если население широко оповещено о нем.

Большое распространение тамтам получил в Конго: здесь каждый взрослый мужчина имеет право «принимать» и «передавать» сообщения. Мальчики — и те упражняются

Тамтамы

в этом искусстве. Женщины, хотя и не притрагиваются к тамтаму, повинаясь традиционному запрету, однако понимают его язык, тогда как в других странах Африки это привилегия немногих избранных. В некоторых деревнях только вождю или знахарю разрешено бить в барабан.

Звучание барабана зависит от его размеров. Бывают маленькие ручные барабаны, сделанные из бамбука, и огромные, вырезанные из ствола лесного великана.

Тамтам поставил перед учеными загадку.

Сначала они считали, что на барабанах выбивается

нечто вроде азбуки Морзе. Но такая азбука предполагает наличие письменности. Между тем сто лет назад многие племена Конго еще не имели своей письменности, а язык тамтама они понимали не хуже, чем соседние племена на берегу Гвинейского залива, в Западном Судане или на восточноафриканском побережье.

Если вспомнить, что африканцы говорят на разных языках и наречиях, то станет непонятным, как сообщения передаются от племени к племени, от одного народа к другому. Подобно тому как два китайца, говорящих на разных диалектах, немедленно поймут друг друга, как только нарисуют иероглифы, выражающие понятия, которые они хотят сообщить друг другу, точно так же африканец понимает звуки барабана. Имеются определенные звуки для всех слов, они различаются по тону и ритму, варьирующим по высоте и продолжительности.

«Когда я ознакомился с местным барабанным кодом, — пишет К. В. Тодд, — мне пришло в голову, что и у нас в Англии есть способ передавать известия, не пользуясь буквами, — при помощи армейского горна...

Точно таким же образом передают известия африканцы. Для каждого понятия, которое они хотят передать, существует определенное клише... Например, сигнал „еда готова“ звучит примерно так: „Горшки кипят, кипят, кипят, горшки кипят“».

Жизнь многих африканских племен невозможно представить себе без тамтама. Он звучит постоянно, не умолкая даже ночью, и служит не только музыкальным инструментом, но и глашатаем, сообщающим известия, слухи, сплетни и шутки. Бывает, что передаются и настоящие юморески. Африканцы не часто посвящают европейцев в тайнства барабанного кода. Случается, что, проходя где-нибудь в Гвинее или в Конго мимо работающего на поле местного жителя, европеец с удивлением замечает, что тот хохочет до слез. Его насмешила острота, которую через много километров донес до его слуха тамтам, постоянно развлекающий африканцев во время работы. А через две минуты он уже слушает известия из жизни округа или столичные сообщения о международном положении.

Радиостанции Аккры и Конакри уважают эту старую традицию, считают ее ценным дополнением к своей работе. Недаром язык тамтама преподается в высшей школе наряду с искусством ткачества и резьбы.

РИТМ И ФАНТАЗИЯ

О душа черного человека, разве ты мертва навеки? Много лет они топчут тебя, и все же ты сопротивляешься, ты ускользаешь, ты смеешься над ними — и цветы твои, вечно свежие, поражают своей яркой красотой.

Г. Зломо

ДЖАЗ ВОЗВРАЩАЕТСЯ НА РОДИНУ

Глаза людей, собравшихся на аэродроме в Аккре, сияли. То, что они только что видели и слышали, то, что выражали движения темнокожих танцовщиц, было ожившим ритмом. Танец сопровождался одними барабанами, но целый оркестр не мог бы быть более выразительным.

Выступил и оркестр. Одна за другой следовали импровизации на струнных инструментах и на контрабасе, затем — напоминавшие крик фантастической птицы в лесных дебрях обрывки мелодий на страстно певшей скрипке и наконец — острые, смелые звуки фагота.

Так любители музыки встречали в столице Ганы всемирно-известного негритянского музыканта Америки, играющего на трубе, Луиса Армстронга, одно из самых ярких светил на небосводе американского искусства: они показали гостю танец, очень популярный на всем побережье Западной Африки.

Армстронг был поражен. В музыке танца он узнал мелодию старой креольской песни, которую еще пятьдесят лет назад часто слышал у себя дома в Новом Орлеане. Как могла она попасть сюда? — спрашивал он себя. Впрочем, скорее наоборот, она, очевидно, родилась здесь.

Из древней крепости Кормантин, словно поднявшейся на гребне морского прибоя недалеко от Аккры, начинали свой путь в Америку на работоторговых судах его предки, избитые, униженные, скованные цепями. Несчастные увозили с собой в душе наследие отцов. И когда один из их потомков, черный американец Луис Армстронг ступил со

своим джазом на африканскую землю, он привез с собой многое из музыкального наследия рабов.

«Джаз возвратился на родину», — писали газеты Аккры. Город переживал небывалый наплыв народа. В один из летних дней 1956 г. на старой площадке для игры в поло, где выступал Армстронг, теснилось шестьдесят тысяч человек, причем воодушевление публики было столь велико, что полиция опасалась несчастных случаев.

До начала нашего века о музыкальной культуре Африки за ее пределами почти ничего не знали, вернее — не хотели знать. Между тем музыка как выражение радости или печали нигде в мире не играет такой роли, как в Африке.

Население Западной Африки до сих пор помнит песни времен государства Мали, которое в XIV в. пережило свой расцвет: эти старинные мелодии ласкают и слух европейца.

Когда люди из народа мандинго приглашают к себе в семью гостя, нередко после ужина хозяйка дома исполняет песни Мали; муж аккомпанирует ей на ксилофоне. Все мандинго очень музыкальны, каждый из них играет на каком-нибудь инструменте. В зажиточных семьях даже принято, чтобы один из сыновей изучал музыку. Каждый род имеет свою собственную мелодию, и профессиональные музыканты, выступающие в торжественных случаях, должны все их знать.

Конго также обладает богатыми музыкальными традициями. Здесь распространены самые различные инструменты, начиная от тамтама, ксилофона, гонга, барабанов, окарины, дудки, флейты, трубы, охотничьего рожка ронго и кончая одно-, двух- и многострунными смычковыми инструментами и «сансой», напоминающей клавикорд. Делаются инструменты из меди, латуни, дерева, слоновой кости, бамбука, из рогов антилопы и буйвола.

Дорогу пересекает ручей,
Дорога пересекает ручей —
Кто из них старше?

Песенка ашанти;
исполняется на барабане.

Большинство песен и танцев Африки до сих пор не записано. Африканская музыка в течение многих лет считалась примитивной и казалась европейским ученым недо-

стойной серьезного изучения. Сейчас африканской музыке посвящено полторы тысячи трудов и интерес к ней растет.

Исследователи часто задавали себе вопрос: в чем духовные истоки этой своеобразной и жизнеспособной музыки? Наконец они открыли музыку Западной Африки и как ее основной элемент — ритм, давно забытый в Европе.

Это открытие имело для музыковедов почти такое же значение, как находка скульптур Бенина и йоруба для художников и скульпторов, которые выступали против официального искусства и искали новые, более совершенные формы художественного выражения. В XVII в. в Европе появилось понятие музыкального такта. Последний упорядочил мелодию, но, к огорчению многих современных музыкантов, «безнадежно связал ее тактом», лишив тем самым способности стихийно воздействовать посредством ритма.

Теперь стало ясно, что африканцы не знали такта в европейском понимании этого слова. То, что они отбивают на барабанах, представляет собой ритм, ощущаемый эмоционально. Между тем это полностью противоречит всем нашим музыкальным канонам.

Английскому музыковеду Кеннету Лонгу пришлось прибегнуть к помощи шести различных, постоянно перемежающихся тактов, чтобы записать одну строку из африканской детской песенки. При этом он так и не проник в тайну мелодии.

«Формы проявления ритма в нашей музыке предельно просты, — пишет Альфонс Дауэр в работе о джазе. — Нам придется признать их бедность после самого беглого ознакомления с африканской музыкой. Ее основа — ритм. Соответственно этому африканцы играют на таких ударных и щипковых инструментах, которые производят ритмичные звуки. Это — барабан, гонг, ксилофон, маримба, санса, арфа, лютня, гитара.

В руках африканца барабан становится инструментом, на котором можно исполнять также и мелодию. Африканский музыкант точно знает высоту звука, производимого каждым квадратным сантиметром поверхности барабана, и изменяет ее по своему желанию путем нажатия свободной рукой, коленом или ногой. Кроме того, в Африке распространены барабаны, высоту звука которых можно регулировать при помощи очень простых приспособлений».

В остальном африканская музыка имеет кое-что общее с

европейской, в особенности с испанской и португальской, которая по своему ритму заметно отличается от североевропейской. До сих пор неясно, является ли это следствием влияния Африканского континента, например в период господства мавров на Пиренейском полуострове.

«Африканский континент, — пишет Дауэр, — создал совершенно независимо от музыки Запада не только полифонизм, но и гармонию. Это тем более поразительно, что в Африке часто встречаются те же самые музыкальные формы, которые появились у нас примерно в X в., одновременно с первыми опытами полифонической музыки».

Таким образом, и в этой области культуры жители Африканского континента в основном шли в ногу с европейскими народами вплоть до XV в., т. е. до тех пор, пока работорговля не прервала нормальный процесс развития Африки и не обрекла ее на застой. Однако и после этого африканская музыка, подобно реке, которая прокладывает себе новое русло, продолжала развиваться, но по другим путям, в Новом Свете, по ту сторону Атлантического океана. Вывоз в Америку миллионов людей имел не только политические последствия, но и привел к обмену культурными ценностями, последствия которого отчетливо вырисовываются лишь теперь, по прошествии веков.

«Там, где негры жили в постоянном и тесном общении с белыми, которые внушали им убеждение в неполноценности и никчемности африканского искусства и африканских традиций и видели в африканской музыке оскорбление своим эстетическим взглядам, основные элементы африканской музыки к настоящему времени исчезли и она стала скорее европейской, чем африканской.

Но там, где в известной мере уважалось своеобразие африканской культуры, из взаимодействия африканского и западного музыкальных стилей возник новый стиль, в котором невозможно различить составные элементы».

Африканская музыка сохранилась прежде всего в Бразилии, на Кубе, на Мартинике, на Гаити; в южных штатах США одной из ее форм явился джаз. Джаз следует рассматривать как результат взаимопроникновения разных культур: музыки Африки и музыки Европы и Америки.

Разумеется, то, что теперь часто выдают за джаз, имеет очень мало общего с песнями сборщиков хлопка, с негритянскими гимнами, с блюзами двадцатых годов. Современный джаз безнадежно коммерциализирован.

Рост популярности джаза совпал с эпохой общественных сдвигов. Музыканты в знак протеста против бесплодности буржуазного искусства с восторгом ухватились за джаз как за средство отказа от прошлого, способное вывести искусство из тупика декадентства.

Нынешний коммерческий джаз уже совсем не такой. Поэтому-то Луис Армстронг, который как настоящий большой художник ищет для своего искусства новые формы, надеется, что возвращение джаза на его африканскую родину явится стимулом к его развитию.

ПРИ СВЕТЕ ЛАГЕРНЫХ КОСТРОВ

Европейцы, бывавшие в Африке, поражаются артистичности африканцев. Почти в каждом из них живет мимист и танцор. Рассказчик увлекает своих слушателей не только словом. Певец не только поет, но и подчеркивает содержание песни выразительными жестами. А танец — это нечто большее, чем выражение необузданной радости, — это сама танцующая жизнь. Па исполняются с таким совершенством и полнотой чувства, что даже люди, не посвященные в символику жестов и движений, понимают их смысл ничуть не хуже, чем африканские слушатели и зрители: дерево, изображаемое африканцем, представляется живым, а при появлении на сцене «слона» зрителям кажется, что земля дрожит.

Мы давно уже утратили дар — передавать жестами и танцами мысли и чувства, — которым владели наши предки. Но африканские народы очень заботятся о совершенствовании этого искусства, в котором раскрываются их характер и переживания: веселая общительность, радость обретенного счастья. В танце африканец изображает любовь, ловкость, гордость своей семьей, удачу на охоте, скорбь о близком человеке, прощание с усопшим. По каждому поводу африканец самозабвенно танцует, танец для него — жизненная потребность. Он воспроизводит себя, соседей, зверей, растения — все, что его окружает и составляет неотъемлемую принадлежность его существования.

Особенно любят танцевать пигмеи. С древних времен за ними упрочилась слава искусных танцоров. Прирожденная страсть к танцу сочетается у них с безоблачной жизнерадостностью, большим мимическим даром и кошачьей

гибкостью. Исследователи в один голос утверждают, что ни один народ Африки не может сравниться в искусстве танца с этим племенем.

Мартин Гузинде, который в 1934 г. жил среди пигмеев, пишет в книге «Пигмеи Конго в прошлом и настоящем»:

«Люди из племени бамбути с самых юных лет и до глубокой старости каждой костью своей ощущают незатихающий ритм. Бамбути проворнее и подвижнее, чем другие негры. Вместо того чтобы в свободное время отдыхать, расслабив мускулы тела, они, наоборот, легко и без всякого усилия производят подрагивающие танцевальные движения, продолжающиеся несколько минут, причем все их тело вибрирует в упругом порыве.

Стоит кому-нибудь из бамбути начать хогя бы вполголоса напевать знакомый мотив, как те, кто находится вблизи, немедленно его подхватывают, и их тела гут же приходят в движение. Более всего и старые и молодые любят танцевать под „сансу“ — простой щипковый инструмент. Его можно услышать в любое время дня. Как только раздаются звуки сансы, мальчики и девочки, легкие и гибкие, немедленно начинают двигаться в такт музыке. Нередко к ним присоединяются и взрослые. Но общие танцы обычно устраиваются поздно вечером... У племен эфе и басуа, как правило, первыми выходят танцевать девушки и молодые женщины, которые начинают петь и кружиться на площадке: это равносильно приглашению, обращенному к остальным, и оно никогда не остается без ответа. У племени ака, напротив, первыми выходят юноши, они описывают круг, пританцовывая и слегка подпрыгивая в такт звукам деревянных труб, на которых сами играют. Главную ноту в короткой мелодичной фразе они выделяют и в это время резко наклоняются вперед и вниз, после чего сразу выпрямляются. Трубы они держат в правой руке, направляя их слегка вверх и в сторону от круга».

Никакая усталость и даже волнение, пережитое в течение дня, не могут удержать пигмеев от танцев.

Зикмунд и Ганзелка видели танцы воинов племени батутси и рассказывают о своих впечатлениях в книге «Африка грез и действительности»:

«В нижнем конце подворья вдруг раздался приглушенный шум, и сейчас же вслед за этим появились первые ряды воинов, грудь и лица которых были разрисованы белыми полосами. Внезапно они останавливаются и выжидают.

Нгомы загремели в новом ритме.

И вдруг с воинственным кличем ганцовщики ринулись вперед. Тела их, как будто отлитые из сплава бронзы и каучука, заполнили все пространство подворья. Для них, казалось, закон тяготения потерял свою силу. Они взлетали высоко в воздух, изогнувшись в талии, запрокинув назад голову, и мягко, как ягуары, падали на желтый песок, держа копье в руке.

Один за другим они судорожными прыжками проносятся по двору; едва босая нога коснется песка, тело на лету застывает в позе падения. Один за другим несутся они, как призраки. Потом с бестелесной легкостью взлетают над землей; лишь босые раскрашенные ноги отбивают такт по песку.

Первые воины исчезли так же неожиданно, как появились, и под ускоренный ритм барабанного боя на площадь вбежали новые десятки ватузов, чтобы продемонстрировать вершины танцевального и воинского искусства своего боевого племени. Свободные юбочки спускались у них ниже колен, резко выделяясь своей яркой белизной на черных, как эбеновое дерево, телах, лоснившихся на солнце. Прикрепленные над щиколотками босых ног трещотки издавали звук при каждом шаге; с головы свисали длинные султаны из тонкого белого волоса, прикрепленные к красным повязкам, проходившим вокруг лба и под подбородком. Танцоры рассыпались по всему подворью, как резиновые черти; с визгом и воем они падали на землю и сейчас же снова подскакивали вверх, будто вскинутые невидимой пружиной. Земля содрогалась под ударами ног, когда они, дав мышцам предварительно отдохнуть, снова бросались друг на друга с копьями в обеих руках и в последний миг успевали увернуться от удара».

МАСКИ

Зажигательные танцы на свадьбах или на праздниках по поводу достижения совершеннолетия, культовые танцы во время церемоний плодородия или прославления богов — одним словом, танцы по какому бы то ни было поводу немислимы без масок. В масках танцевали тысячу лет назад, в масках танцуют и сегодня. Они представляют собой важнейший элемент африканской культуры, по ним можно

проследить историю народа начиная с того времени, когда маской служила лицевая часть черепа, обработанная соответствующим образом. Маски придают танцу необычайную выразительность. Насколько велик диапазон передаваемых чувств и образов, настолько разнообразны и маски. Среди них есть и культовые маски, символизирующие духов плодородия и богов, и маски животных и типичных персонажей племенного быта, и комические маски для игр и клоунад наподобие тех, которые надевают участники маскарадов в Италии, Испании и странах Латинской Америки. Изготавливаются они из различных материалов — из дерева, кожи, ткани, древесной коры, реже из металла и слоновой кости. При всех различиях маскам присуща одна общая черта — они неподвижны. Без украшений из перьев, луба или трав, являющихся принадлежностью костюма танцора, они кажутся даже безжизненными и мертвыми.

В африканском танце главная роль — и это очень важно — принадлежит не исполнителю, а маске, которая обретает жизнь благодаря мимике танцора. «Живая неподвижность» маски, придавая танцу необычайную эмоциональность, воздействует не только на африканских, но и на европейских зрителей.

Колониальные чиновники, которым довелось видеть праздники танца, наподобие того, что описан чешскими путешественниками, не могут вспомнить о них без ужаса, и вполне понятно, почему. Ведь танцы представляют собой не просто развлекательное зрелище — они демонстрируют мужество африканцев. Под темной кожей танцоров течет горячая кровь предков, которым танцы когда-то помогали осознать свою силу и которые затем наносили тяжелейшие поражения белым захватчикам.

Народы, которые уже завоевали независимость, демонстрируют в танце свою решимость построить новую жизнь.

МАГИЧЕСКИЕ УКРАШЕНИЯ

Черная ночь легла над Омдурманом, древним городом, расположенным в верховьях Нила — там, где эта река течет еще по территории Судана. Люди и здесь иногда бодрствуют всю ночь напролет. Тогда из-за высоких стен слышится музыка, а обитые железом распахнутые ворота открывают вход в наружный двор и позволяют взгляду окинуть

Танец на ходулях

ярко освещенный дом. Какой-то богатый купец празднует свадьбу, и его семья принимает гостей — чиновников из Хартума, художников, мусульманских священнослужителей.

К дому то и дело подкатывают сверкающие хромированными деталями лимузины, из них выходят мужчины в смокингх, женщины — в вечерних туалетах с изысканными прическами, украшенные золотыми цепочками, браслетами, кольцами... Однако европейский комфорт еще не полностью вытеснил африканские традиции. По старинному обычаю, когда вводят юную невесту, все запевают песню. Закутанная с головы до ног в покрывало, девушка ступает на разложенный посередине комнаты коврики из луба и сбрасывает с ног шитые золотом домашние туфли. Только когда с нее снимают покрывало, невеста предстает в праздничном наряде.

На ней может быть надето дорогое платье из нейлона, но больше ничего в ее туалете нельзя назвать европейским. Ладони и подошвы ног, окрашенные хной, серьги в форме полумесяца, украшения в волосах, сделанные по мотивам народного искусства, — все это имеет африканское происхождение. Но европейский и африканский элементы отнюдь не противоречат один другому, а сливаются в прекрасной гармонии.

В сегодняшней Африке, где прошлое и настоящее соприкасаются чаще, чем где-либо еще, современные вкусы мирно сосуществуют с древними канонами красоты, которых поколения африканцев придерживаются не только по эстетическим причинам, но и по соображениям гигиенического и религиозного свойства.

Это касается не только Судана, но и Африки в целом, хотя, конечно, и с многочисленными отклонениями в ту или иную сторону. Не следует забывать, что на огромном континенте Африки сохранились почти все ступени культуры — вспомните, например, купеческую семью в суданском Омдурмане и бушменов пустыни Калахари, переживающих каменный век. Но при всех этих различиях у них есть и нечто общее, типическое, что связывает их между собой. Это мифология, страсть к танцам, и музыке, искусству, эстетические представления.

Краска как простейшее средство украшения с незапамятных времен играет в Африке более важную роль, чем у нас. Многие племена, следуя древнему обычаю, по торжествен-

ным случаям покрывают тело цветными узорами. Выбор цвета и мотивов рисунка зависит от повода. При этом у каждого племени свои правила, и оно отнюдь не склонно подражать соседям.

Так, например, у пангве — одного из народов Западной Африки, белый цвет — это цвет дьявола, но тем не менее он считается самым красивым. У других народов белое олицетворяет траур. Пангве черной краской изображают ночь и все страшное, в то время как у одного из племен Восточной Африки это цвет радости и веселья.

Рецепты изготовления косметических красок восходят к древнейшим временам, племя часто хранит их в строгой тайне. Выбор красок и техника нанесения их большей частью определяются древними обычаями. Узоры и сочетания красок указывают на социальное положение человека и на его принадлежность к тому или иному племени или народу.

Древнегреческий историк Геродот сообщал, что жители Северной Африки покрывают одну половину тела красной, а другую — белой краской, чтобы внушать страх своим противникам. Но обычай раскрашивать лицо и тело имеет не только военное и символическое значение. Многим, даже высокоразвитым народам свойственна любовь к яркому. Суданцы по сей день в знак радости, любви и удовольствия покрывают ладони рук, подошвы и ногти красной краской, добываемой из хны.

Африканцы с давних пор украшают себя также и татуировкой, имеющей подчас символическое значение. В прошлом широкое распространение имела татуировка без применения красящего вещества, в виде рубцов, наносимых на лицо, грудь, спину, руки и ноги. Это были знаки племени, а иногда и магические знаки, защищающие от сил зла.

В более позднее время вместо рубцов на тело наносились очертания спиралей, окружностей, розеток, и татуировка постепенно стала рассматриваться как украшение. Поэтому она и поныне сохранилась во многих местах как старая традиция.

Суданцы татуируют знак своего племени на щеках дегей. Смесь селитры, золы и трав втирается в раны, отчего они припухают и приобретают вид резко выделяющихся рубцов. По ним всегда можно безошибочно узнать суданца. Племя гангала наносит на лоб ряд круглых рубцов в вертикальном направлении. Тонга располагают рубцы

двойным рядом вокруг лица. Некоторые народы наносят множество знаков: жители Борну (Нигерия) на лице, руках, ногах, груди и бедрах в общей сложности делают девяносто один рубец.

Даже племена, стоящие на высоком уровне культурного развития, наносят рубцы с целью украшения. На бронзовых скульптурах Бенина можно различить татуировку в виде вертикальных линий над бровями и на груди.

Длинный рубец в области бедер во многих районах Африки считается свидетельством большой смелости, и африканцы гордятся им не меньше, чем европейцы орденом. Следовательно, рубцы могут служить и знаком отличия.

На протяжении многих тысяч лет африканцы проявляли особую заботу о своей прическе. Известно, что прическа египетской царицы Нефертити как пример, достойный подражания, пережила века. В Западной Африке прическа часто была произведением чуть ли не скульптурного искусства. Мастера месяцами трудились над волосами клиента, смазывали их жиром, скрепляли при помощи различных средств. Вокруг каркаса из пальмового волокна или валиков из мха они воздвигали целое сооружение из волос и украшали его жемчугом, раковинами, медными безделушками, перьями. Подобные «башни» давно вышли из моды, хотя жительницы Западной Африки еще и теперь делают себе замысловатые прически, но большей частью из фальшивых волос.

Многие из обременительных пережитков прошлого отвергаются современной Африкой. Это относится к обычаю подпиливать резцовые зубы, просверливать в носовой перегородке отверстие, в которое вставляется украшение, вытягивать «губу-тарелку». Последний обычай распространен среди женщин некоторых племен, живущих около озера Чад и в области между озером Ньяса и побережьем Восточной Африки. Чтобы придать такую форму губе, в ней делается надрез, в который вставляется кусок дерева или слоновой кости. Этот обычай обусловлен историческими причинами: в те времена, когда работорговцы истребляли целые племена, женщины, изуродовавшие себя таким образом, спасались от продажи в рабство.

В изготовлении предметов украшения африканские мастера достигли высокого совершенства. Нередко их творения заставляют учащенно биться сердца и европейских женщин. Они делают из самых различных материалов оже-

релья, браслеты, застёжки, цепочки... Изделия из металла иногда поражают своей величиной, что, однако, не лишает их исключительного изящества. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на браслеты из козьей шерсти, обвитые медной проволокой.

Чем выше уровень развития племени, тем ценнее материал и отделка украшений — с точки зрения африканцев, разумеется, так как их представления о ценности далеко не всегда совпадают с нашими. Многие племена, например, не считали раньше, да и сейчас не считают золото драгоценным металлом. Самым ценным материалом для африканских ювелиров когда-то были «акори» — кораллы из Бенина. Руки, шеи и даже лица людей, изсбразенных на бронзовых барельефах, обвиты таким количеством цепочек из голубых кораллов, что непонятно, как их владельцы могли двигаться. Обитательниц пустынь Северной Африки, которые носят на руках и на шее старинные азиатские и европейские монеты из благородных металлов, забота о своей внешности превратила в настоящих нумизматов. Некоторые жительницы нашего континента также следуют этой моде.

Кроме украшений африканцы навешивали на себя военные и охотничьи трофеи, свидетельствовавшие об их ратных подвигах. Были и такие племена, которые питали страсти к пышным воинским регалиям: они внушали войнам гордость, вдохновляли их на подвиги и в то же время устрашали этим противника. Особенно отличались зулусы в прошлом столетии, во времена правления Чаки. Ни один другой африканский народ не имел таких богатых воинских украшений, которые выгодно подчеркивали атлетическое телосложение воинов и выделяли на поле боя подразделения при маневрировании десятитысячного войска. Чужеземцы, присутствовавшие на маневрах импи Чаки, несмотря на страх, который они испытывали при приближении этого войска, не могли не любоваться им. Его грозный вид заставлял трепетать европейцев, осмелившихся вступить в сражение с Чакой. Так украшения оказывались действенным оружием.

О ТАБУ И РОДОВЫХ ЗАКОНАХ

Один африканец рассказал мне, что при посещении Советского Союза он познакомился с якутами, которых цари считали отсталым народом... сейчас древняя культура якутов пробудилась к новой жизни и приобрела новый блеск. Их молодежь овладевает наукой и техникой. И все это произошло менее чем за три десятилетия. Так глазами африканца я увидел Советский Союз — маяк, освещающий опробованный, верный путь для всех стран и народов, который ведет к воскрешению старых культур, расцветающих в условиях свободы. Через тысячу лет? Нет, это время для Африки пришло уже теперь.

П. Робсон

ПРЕГРЕШЕНИЯ И РЕЛИГИЯ

Миссионерские учреждения в Африке ныне находятся в весьма затруднительном положении. Им приходится расплачиваться за прежнее высокомерие европейцев, которые считали Европу носительницей прогресса, а Африку — континентом, лишенным собственной культуры и истории. В течение долгого времени представление об африканце неотрывно связывалось лишь с фетишами, экстатическими танцами и ритуальными жертвоприношениями.

Францисканский монах бельгиец Пласид Темпельс, проведший десять лет в Конго, впоследствии издал книгу, в которой рассказал о своем знакомстве с Африкой.

«Я считал банту, — пишет он, — своими младшими братьями, которых я должен воспитать в христианском духе и поднять на более высокую ступень развития. Спустя десять лет мне стало ясно, что я заблуждался: старшими братьями были скорее банту. Язычники банту ближе к христианству, чем христианская Европа».

Темпельс приводит примеры народной мудрости банту и описывает мировоззрение, которое, по его словам, «пожалуй, способно разумно объяснить бытие».

«Главная ценность в глазах банту, — пишет он, — это жизненная сила. Когда кто-нибудь заболевает или впадает в уныние, они говорят: его жизненная сила уменьшилась. Все их обычаи направлены на то, чтобы повысить ее. Они убеждены, что, давая больному изображение какого-либо предмета или животного и произнося заклинание, они вливают в него силу, наполняющую его новой жизненной энергией».

Сознание богатства собственной культуры определяет поведение африканцев, которые все в большем числе приезжают в Европу учиться. Все, что они видят, их здоровый ум воспринимает критически. Вот интересное с этой точки зрения письмо африканского студента, воспитанного в христианской религии, адресованное на родину, тамошнему миссионеру.

«Дорогой отец Смит!

Мне хочется высказать несколько критических замечаний, но не о грехах христианских миссионеров вообще. Я не собираюсь также касаться широко известной связи между христианскими миссиями и европейским колониализмом. Не буду я вспоминать и злую поговорку, которая гласит, что вначале туземцы владели землей, а миссионер — Библией, позднее же туземцы оказались владельцами Библии, а земля перешла к миссионерам и следующим по их пятам белым...

Вы знаете, как я радовался, получив стипендию в одном из [западно]германских университетов. Я радовался... помимо всего прочего еще и потому, что давно хотел своими глазами увидеть одну из тех стран, где свобода христианина является нормой жизни (так, во всяком случае, мне казалось). Как грудно мне теперь сохранить свою веру, когда меня со всех сторон окружают люди, ничего общего с христианством не имеющие (но уверенные, что они находятся в полном согласии с ним, а это еще отвратительнее).

Я не собираюсь говорить о том, что люди здесь живут во грехе, ненавидят друг друга, оскорбляют, обманывают, эксплуатируют... Я скажу лишь о мелочах, которые показывают, как мало осталось здесь от свободы и как христианство помогает далее ограничивать это немногое.

Я уже не раз нарушал приличия, полагая, что могу

открыто говорить обо всем. Теперь я заметил, что здесь имеется невероятное количество различных табу. Вы поймете, что это кажется особенно комичным мне, человеку, который приехал из страны, где существует или, во всяком случае, существовало множество табу, и которого здешние жители часто спрашивают о том, какие табу еще действуют в Африке. Спрашивают с явным сочувствием, с такой дружеской снисходительностью, которая поистине лишь в том случае, если примитивные явления вроде табу у них давно уже исчезли. Однако на самом деле все как раз наоборот...

Табу — сказать что-либо хорошее о марксизме.

Вы, может быть, знаете, как трудно небелому студенту найти сравнительно дешевую комнату. Только исключительно высокая плата может ослабить страх перед «негром». И конечно, девушка из среднего, а тем более высшего класса не может иметь другом цветного студента. Но что я сказал? «Класс»? Боже мой! Слово «класс» в социологическом смысле тоже табу. Его нельзя произносить, ибо оно свидетельствует о дружественном отношении к коммунистам, а это и есть табу...

Во многих кругах населения, прежде всего в церковных, табу говорить о контроле над рождаемостью...

Я как-то задал несколько вопросов о людях, которых здесь очень высоко чтят, — об Альберте Швейцере и Ганди. Если бы вы видели, как испугались мои собеседники, решившие, что уже один критически поставленный вопрос может замарать их идеалы, хотя я, конечно, был далек от этого.

Слово «материализм»... Это одно из самых строгих табу, какое можно себе представить, хотя я еще никогда не встречал людей, мыслящих более материально, чем те, кто утверждает, что действует лишь по идеалистическим мотивам. Нет, в стране, где почти все — христиане, до христианской свободы очень далеко.

Но самое строгое табу здесь, на «свободном Западе», — это говорить, насколько комично, что здесь еще так много табу.

С сердечным приветом
благодарный вам Х. О.»

МЕЖДУ ДЖУ-ДЖУ И АТОМОМ

Рынок Ибадана*, с его хаосом пестрых лотков, где выставлено на продажу все, что угодно, начиная от земляных орехов и кончая мопедом, на первый взгляд ничем не отличается от тысячи других рынков. Только присмотревшись повнимательнее, можно заметить нечто, чего нигде и другом месте не увидишь: на одном из столов рядом с матерчатыми мячами, плетеными изделиями и кухонными принадлежностями разложены череп обезьяны, клюв попугая и кулечки с каким-то неизвестным снадобьем.

Коренные жители знают, в чем дело. Некоторые в ответ на вопросы смущенно улыбаются, другие машут рукой: «Суеверие. Продавец утверждает, что это должно помочь против «глаза». И спешат добавить: «Кое-что в этом духе встречается ведь и в Европе, не правда ли?»

В ста шагах отсюда на зеленой лужайке поднимается современное многоэтажное здание учительского института; здесь молодые африканцы занимаются современной литературой и ядерной физикой. Подобное соседство вовсе не редкость в жизни Африки. Рядом со стремящейся вперед, жаждущей знаний, прогрессивной Африкой еще продолжает жить Африка вчерашнего дня.

«Современная молодежь, — писала недавно одна газета, — живет в мире, раздираемом противоречиями между джу-джу и атомом». Здесь под словом «джу-джу», означающим «магия», подразумевается все отсталое: невежество, племенной строй в деревне, вожди, табу, а также пережитки колониализма. Атом олицетворяет современную науку и технику, уровень жизни передовых индустриальных стран, демократические права и пример социалистических стран. Надо сделать выбор между ними и найти путь, отвечающий особенностям Африки. А это, как признают молодые африканские интеллигенты, отнюдь не так просто.

Следует ли отнести к джу-джу обычное право, по которому сейчас живут племена? На этот вопрос несколько месяцев назад дали ответ африканские юристы. Шестидесят видных буржуазных правоведов из африканских независимых государств, участвовавших в конгрессе юристов в Лондоне, пришли к решению, что будущий свод законов должен обобщить правовой опыт европейской буржуазии,

* Крупнейший город в Нигерии и во всей Западной Африке.

исламское право и африканское обычное право, унаследованное от далеких предков. Распространенная в английских колониях практика, когда черные судьи надевали по английскому обычаю мантию и белый парик и судили по английскому праву, руководствуясь формулами и понятиями, не имеющими в Африке никакого смысла, эта практика показала невозможность схематического перенесения на африканскую почву чужеземных порядков.

А деревенская община — она джу-джу или нет? По этому поводу доктор Кваме Нкрума заявил однажды английскому журналисту:

«Мы не намерены уничтожить старые племенные порядки. Да это и невозможно сделать в ближайшее время. Их лучшие элементы должны быть приспособлены к новым условиям».

Разумеется, империалисты умели использовать в своих интересах худшие стороны этих порядков, поддерживая реакционных вождей. И тем не менее в силу своего демократического характера деревенская община пустила глубокие корни в сознании африканских племен.

«Уважение к власти и достоинству вождя не следует смешивать с преклонением перед тиранией, — пишет Р. Зульцер в книге „Черная интеллигенция“. — Деспоты были в истории южноафриканских племен не правилом, а скорее редким исключением. Племена банту снова и снова освобождались от тиранических вождей... Африканец ощущает потребность подчиняться вождю, однако лишь до тех пор, пока тому удастся выполнять волю народа. Никто и ничто, ни большинство голосов, ни совет старейшин не могут принудить вождя изменить свое решение.

Словами «ле лумиле» — «гром ударил» в народном собрании басуто оповещали, что вождь принял решение. Однако искусство управления вождя в том и состоит, чтобы на основании мнений, высказанных в народном собрании и в совете, выявить волю народа и в соответствии с ней вынести решение. В противном случае вождь рискует натолкнуться на неповиновение или пассивное сопротивление».

В подобных традиционных представлениях коренится уважение, которое африканцы питают к своим вождям: Джомо Кеньята, Лутули, Нкрума, Секу Туре.

ЛИТЕРАТУРА — ЭТО ОРУЖИЕ

Из глубины африканских лесов
я зываю — спасите меня
От белых колдунов-людоедов,
От вашей цивилизации огня,
железа и крови,
От вашей справедливости,
пожирающей меня,
От вашего мира, который знает
лишь пулеметы,
От вашего братства, которое
зовется маниголо,
От вашего равенства, которое
питается моим потом,
От вашего бога, который любит
лишь покорность,
От вашей религии, которая
служит лишь мертвым.
От ваших священников, которые
проповедуют мне смирение,
От вашего господства,
унижающего человека —
Спасите меня!
Пусть наконец все люди злой
воли
Сгинут и настанет мир на земле
для всех,
Кто исполнен доброй воли.

*Народная песня
Берега Слоновой Кости*

ЧЕРНЫЕ ТРУБАДУРЫ

Среди зелени парка в Ибадане возвышается чудо современной тропической архитектуры — Нигерийский университет; в его залитых светом аудиториях полторы тысячи студентов изучают самые различные отрасли знания. Университет был построен после второй мировой войны английскими колониальными властями с целью создать нигерийскую интеллигенцию, разумеется, такую, на которую Англия могла бы опереться в своем «косвенном управлении».

— Нельзя ли включить в учебный план африканскую

историю? — спросил У. Байер, немецкий языковед, когда десять лет назад прибыл в Ибадан.

Ответом ему была снисходительная улыбка.

— А может быть, и африканскую литературу?

— Но ведь таковой вообще не существует!

В Ибаданском университете, в миссионерских школах, разбросанных в лесах, так же как и в учебных заведениях, созданных в своих колониях французами, занимались исключительно по европейским учебникам, где почти ни слова не говорится об африканской истории и литературе. Африканские школьники читали о Вердингеториксе *, Наполеоне и Френсисе Дрейке **, учили стихи, воспевающие красоты зимы, о которой они не имеют ни малейшего представления, родину, именуемую Галлней, мудрость предков с русыми волосами и голубыми глазами...

Преподавание велось исключительно на английском или на французском языке. Для африканских языков места не оставалось, как не оставалось его и для героев африканской истории. Ведь даже образованные африканцы должны были сохранять комплекс неполноценности.

«Разве не бессмыслица учить нигерийского школьника стихам на английском языке, когда понятие метафоры можно с таким же успехом разъяснить на примере стихотворения йоруба? Народ йоруба очень поэтичен, стихи не сходят с уст и рыночных торговек и политических деятелей, — писал Байер в журнале „Черный Орфей“, поставившем своей задачей поощрять развитие африканской национальной литературы. — Когда мне удастся взломать лед программ настолько, что в школьный курс будет включен хоть один африканский писатель, только тогда я буду считать, что мы победили».

Литературная карта Африки в отличие от географической пестрит еще белыми пятнами.

Раньше рассуждали так: раз у Африки никогда не было своей письменности, значит, у нее не могло быть и своей литературы. Но и то и другое неверно. В Эфиопии и в великих городах долины Нила еще очень давно — задолго до проникновения туда европейцев — ученые, летописцы и нотариусы сидели над толстыми фолиантами. На Гвиней-

* Галльский полководец, возглавивший борьбу галльских племен против Цезаря.

** Английский мореплаватель и пират.

ском побережье и в Камеруне также были племена — вай, менде и бамум, которые создали свою письменность, позволявшую фиксировать все тонкости речи и мысли. Следовательно, письменность у африканцев была, была у них и есть сейчас превосходная литература.

Кроме того, сохранилось множество передававшихся из уст в уста сказаний, легенд, поговорок, историй, афоризмов, стихотворений. Только в самые последние годы в молодых государствах Африки начали собирать эту литературу. В ней выявилось необыкновенное многообразие форм. Каждый год нашим достоянием становятся все новые произведения африканской лирики и сатиры, эпические и народные песни, шутки, поговорки с их блистательной игрой слов, басни, полные мудрости и нравочений.

Сбор и запись этих ценных литературных творений тем важнее, что в прошлом по злой воле или небрежности колониальных властей многое было уничтожено. Погибли безвозвратно целые фамильные библиотеки с коллекциями, собиравшимися веками. Большое число документов и хроник вывезли из Африки португальцы и англичане, и остается лишь надеяться, что кое-что будет найдено после тщательного изучения архивов европейских столиц.

Совсем недавно в одном христианском монастыре в Эфиопии была обнаружена книга XIV в., дающая представление об отношениях между христианами и мусульманами и вообще о социальной и культурной жизни Эфиопии того времени. Несомненно, по свету рассеяны и другие до сих пор неизвестные документы африканского прошлого; может, они скрыты в семейных сундуках в Европе, а может, и в Африке.

Вожди племен Западной Африки очень гордятся древними хрониками, которые тщательно ведутся на протяжении многих столетий.

«У африканцев есть обычай описывать происходящие события, который придает их жизни своеобразие. Он позволяет им чувствовать себя звеньями в цепи поколений», — писал молодой африканский ученый профессор Иосиф Ки Зербо в журнале «Презанс африкен».

В каждой деревенской общине, при дворе каждого правителя всегда существовала и существует ныне должность летописца, которую выполняют почтенные старцы, а иногда и женщины. У народа бушонго обязанность вести список правителей и хронику племени была возложена на

сына короля. В торжественных случаях летописцы выступают перед народом в роли трубадуров, воспевая — часто в сопровождении барабанов или хора — героические подвиги своих предков.

ВСЕ ПОЮТ ТАТАЛЕЛЕ

В некоторых странах Западной Африки героические песни по сей день являются главной частью народного искусства. Из поколения в поколение их передают из уст в уста, пересказывают, декламируют, распевают. И они продолжают жить как сокровища мудрости, принадлежащие всем, часто обогащенные новыми эпизодами, но сохранившие свое содержание, традиционные начало и рефрен.

«Такое произведение искусства не является плодом индивидуального творчества, оно — результат коллективного опыта и созидания, оно создается всеми и для всех, — пишет современный африканский писатель Леопольд Сенгор. — Это народ поет, пляшет, ваяет и рисует. И никому из тех, кто принимает участие в этом творчестве, не приходит в голову мысль претендовать на личное авторство».

Насколько это верно, подтверждает Сесиль Макхарди, секретарь Союза ганских писателей. В докладе о художественном творчестве в ее родной стране она пишет: «Девушка, что сидит на перекрестке дороги и поджаривает на жаровне орехи, напевает таталеле — песенку, в которой она расхваливает свой товар. Эта уличная мелодия стала теперь в Гане популярной, ее исполняют оркестры, ее знает каждый ребенок. Слова песенки всякий раз меняются — это импровизация. По существу, нет такого рода деятельности, который не имел бы своей мелодии. Рыбаки, вместе с женами и детьми, вытаскивая на берег сеть, поют об опасностях моря и победах своих товарищей, славят богатства океана и смелость отважных, корят малодушных и нерадивых. Очень распространены загадки, поговорки, стихи, с их помощью детей учат правилам грамматики, развивают у них остроту ума и гибкость речи, это своего рода дидактические средства, позволяющие прививать детям понятия о морали и этике племени».

Некоторые лингвисты утверждали, что, поскольку в африканских языках отсутствует слово «красота», значит, и понятие красоты чуждо африканцам. На самом деле афри-

Распространенный в Северной Африке
музыкальный инструмент рабаб

канцы не признают искусства ради искусства, красоты ради красоты. Когда, например, люди народа волоф (Сенегал) хотят сказать о человеке, что он красив, они употребляют слова «тар» или «рафет». О произведении искусства говорят «дьека», «йем», «мат» — все они означают «сообразный» или «законченный».

Как и все народы мира, африканцы всегда стремились познать истину и найти ответы на вопросы «как» и «почему», хотели проникнуть в первопричину вещей. Современная наука и техника были недоступны большинству народов Африки. Их познания не могли принимать научную форму и выливались в мифы, легенды, сказки и басни, которые заменяли африканцам религиозную литературу, исторические сочинения, писанные кодексы и энциклопедии.

В этих произведениях, в которых фантастические существа переживают чудодейственные приключения, содержатся тысячелетняя мудрость, знание людей и тонкий юмор.

МАНДИНГО И ЛЮТНЯ

Душу некоторых народов лучше раскрывают его поверья и сказки, чем самые сведущие истолкователи. Какой глубокий смысл, например, заложен в легенде западноафриканского племени мандинго о великом герое Гассире! Гассире убил всех своих врагов, разграбил их дома и решил, что его великие подвиги не забудутся. Но однажды Гассире услышал, как куропатка пела, что подвиги Гассире преходящи и что только песня, называемая *дауси*, бессмертна. Гассире отправился к кузнецу, чтобы тот изготовил ему лютню: в Африке все ценные вещи делают кузнецы.

«Кузнец сделал лютню и принес ее Гассире. Гассире ударил по струнам, но лютня не хотела петь. Гассире спросил кузнеца:

— Что это значит? Почему лютня не поет?

— Я тебя предупреждал, — ответил кузнец.

— Сделай, чтобы лютня пела, — попросил Гассире, но кузнец ответил:

— Я свою работу сделал, остальное уж твое дело.

— Как же мне быть? — спросил Гассире, и кузнец ответил:

— Лютня сделана из куска дерева. Она не может петь, у нее нет сердца. Ты должен дать ей сердце. Повесь этот

кусок дерева себе на спину, когда пойдешь воевать. Он должен впитать твоё дыхание и слезы, твои заботы должны стать его заботами, твоя слава — его славой. Тогда люгня вместо куска дерева станет частью твоей судьбы.

После этого Гассире позвал своих восьмерых сыновей и сказал им:

— Сегодня мы пойдем воевать. Но наши ратные подвиги не должны быть забыты. Звон наших мечей должен пережить время. Я сам и вы, восемь моих сыновей, мы и после смерти будем жить в песне, которая зовется дауси!

Они пошли воевать и дрались, как герои. На спине у Гассире была люгня. Удары его отважного сердца отдавались в её дереве, и пот, выступивший у него от усталости, капал на люгню, когда он возвращался с победой домой.

Восемь дней подряд дрался Гассире, и каждый день в бою погибал один из его сыновей. Гассире относил их тела домой на плечах, и кровь сыновей капала на люгню. Когда он потерял последнего сына, он впервые заплакал, и его слезы оросили люгню.

Наступила ночь, все отправились спать, все, кроме Гассире, который одиноко сидел у костра и думал о своих подвигах. Он понял, что они бесполезны, и снова заплакал в своем глубоком одиночестве. И вдруг он услышал возле себя голос — он звучал так, словно шел из глубины его сердца. Гассире прислушался. Он начал дрожать, потому что услышал, что люгня поет. Она пела дауси, песню, которая никогда не умирает. Не подвиги Гассире, а его слезы дали люгне сердце.

Много веков прошло с тех пор, как умер Гассире. Звон его меча забыт. Но и сегодня мы поем песню его сердца — дауси, песню, которая будет звучать вечно. И те, кто родятся после нас, будут продолжать её петь».

В жизни Африки особенно большое место занимает сказка, героями которой являются звери. С самых ранних лет близко наблюдая животных, африканец хорошо знает их повадки и любит их; некоторым животным он приписывает чудодейственную силу. В сказках африканцев в ещё большей мере, чем в сказках других народов, четвероногие персонажи воплощают людей.

Ведь многие желания, мысли и представления можно лучше выразить, приписывая их животным, чем заставляя говорить и действовать людей.

Некоторые животные пользуются репутацией существ умных и хитрых, как в Германии, например, Рейнеке-лис. В легендах большинства племен банту фигурирует смысленный, ловкий заяц; он мудро и справедливо улаживает споры и помогает всем, кто страдает от тирании.

В отличие от европейских в африканских сказках победа достается не обязательно тому, кто силен и красив. Нередко торжествует существо маленькое, слабое, порой даже обездоленное, но обладающее такими качествами, как мужество, сила воли, находчивость. Так, в Западной Африке героем сказок неизменно является паук. Об этом насекомом, которое слывет отъявленным хитрецом, рассказывают такую забавную историю.

«Старый паук Ананси считал себя самым умным на свете. Он знал, как строят мосты и плотины, умел ткать и охотиться, но ни с кем не хотел делиться своими знаниями. Однажды он решил собрать мудрость всего мира в глиняный кувшин и никому не показывать.

Долго странствовал Ананси по свету, по зернышку собирая мудрость. Когда кувшин был полон до краев, Ананси решил подвесить его на вершину самого высокого дерева. Он крепко прижал кувшин к себе и начал карабкаться наверх. Однако кувшин мешал ему крепко держаться, каждое мгновение он рисковал упасть.

Интикума, маленький паучок, долго следил за Ананси и наконец не выдержал.

— Ананси, — сказал он, — тебе неудобно. Переложь кувшин на спину, тебе сразу станет легче.

Ананси последовал совету. Вдруг ему пришла в голову забавная мысль.

— Что же это выходит, — подумал он, — я набрал полный кувшин мудрости, а как лучше всего взбираться на дерево, так и не узнал?

Ананси рассердился и в сердцах швырнул кувшин на землю. Сосуд разбился на тысячу кусков, а мудрость, собранная в нем, разлетелась во все стороны. Прибежали люди, и каждый взял себе по зернышку. Вот почему мудрость никогда не бывает сосредоточена в одном человеке. Она есть в каждом, хотя бы по маленькому зернышку...»

Сказка кончается словами: «Один человек — не советчик».

Народный герой Кении Джомо Кеньята использовал форму сказки для разъяснения своему народу самой жгу-

чей проблемы, стоящей перед сегодняшней Кенией. Эту историю — про черного человека и белого слона — мы расскажем в сокращенном виде.

«Черный человек и белый слон заключили между собой договор о дружбе: черный человек разрешил слону в непогоду держать в его хижине свой хобот, чтобы тот не промок. Однако вместо благодарности слон в конце концов забрал себе всю хижину и выгнал черного человека, который оказался под дождем без крыши над головой.

— Как же это так получилось? — спросил у слона черный человек.

— Видишь ли, — спокойно ответил слон, — твоя черная кожа значительно выносливее моей, а поскольку двоим тут тесно, тебе придется остаться под открытым небом, а я уж как-нибудь устроюсь.

Черный человек начал протестовать. На шум сбегались другие звери. В разгар спора пожаловал сам лев.

Царь зверей, выше всего ставя мир и спокойствие в своих владениях, приказал создать высокоавторитетную комиссию. В нее вошли: их высочества носорог и буйвол, почтенный крокодил, а в качестве секретаря — его светлость ягуар. Председательствовал его превосходительство лис.

Когда черный человек увидел комиссию, он снова заявил протест и попросил включить в состав ее хотя бы одного своего соплеменника. На это ему ответили, что его просьба неприемлема, так как до сих пор никто из его расы не достиг настолько высокой ступени цивилизации, чтобы постигнуть всю премудрость закона джунглей.

Наконец комиссия приступила к работе. Первым она выслушала белого слона. Он заявил:

— То, что здесь произошло, представляет собой досадное недоразумение. Оно возникло потому, что черный человек не понял логики событий. Посудите сами: он попросил меня помочь ему спасти хижину от приближающегося урагана. Я тотчас понял, что ветер может унести хижину из-за того, что она пустая. Ведь мой друг один не в состоянии всю ее заполнить. Исключительно в его интересах я решил заполнить вакуум, занять хижину и таким путем спасти ее.

Когда настал черед черного человека и тот уже готов был защищаться, комиссия не дала ему рта открыть:

— Ведь твои собственные интересы требовали, чтобы

этот вакуум, это свободное пространство было так предусмотрительно и разумно использовано. Его светлость белый слон останется в твоей хижине, тебе же предоставляется полная свобода найти себе другое место и построить новый дом.

Едва черный человек кончил строить дом, как у его порога появился его высочество носорог с грозно раскрытой пастью и вызвался заполнить вакуум. При этом он сослался на упомянутое решение комиссии.

То же самое произошло с третьей и всеми последующими хижинами. И так продолжалось до тех пор, пока все вельможи в царстве джунглей не обзавелись домами, выстроенными черным человеком.

Однако постепенно все они пришли в негодность. Высокопоставленные господа были слишком цивилизованными, чтобы заниматься такой грязной работой, как поддержание своего жилища в порядке. А черный человек тем временем построил себе в некотором отдалении у подножия горы большой, просторный дом; зверям захотелось обосноваться и в нем. Между ними разгорелся спор из-за нового жилища, кончившийся дракой. Пока они дубасили друг друга, черный человек поджег дом с четырех сторон вместе со всеми его обитателями. После этого он вернулся на свое старое место. „Свобода и покой обошлись мне дорого. Но зато я многое понял и многому научился“, — сказал он. С тех пор он, счастливый и довольный, живет в своем доме».

Смысл сказки ясен. Джомо Кеньята прибегнул к ее помощи, зная, как популярна сказка среди африканцев и как велико ее воздействие. Даже самый простой человек на его родине понял, что речь идет об освобождении от иностранного господства.

ЧАС ЧЕРНОГО ОРФЕЯ

Несколько лет назад африканские интеллигенты, живущие во Франции, основали в Париже журнал «Презанс африкен», посвященный африканской культуре. В нем сотрудничают писатели, политические деятели, ученые и студенты из различных частей Африки.

Им мы обязаны составлением каталога дошедших до нас в устном или письменном виде произведений африкан-

Танцевальный ансамбль
(Сенегал)

ской литературы. Они исследовали ее нынешнее состояние и ее перспективы на будущее. Вероятно, впервые мир получил подобный обзор литературного творчества народов «Черного континента» во всем его многообразии, о котором до сих пор никто не подозревал.

«В европейской литературе, — писал недавно один немецкий историк литературы, — много славных имен, начиная от Лютера и кончая Горьким». История африканской литературы не менее богата. Она простирается от записок исламских ученых и благочестивых песен учеников миссионерских школ до нигилистических произведений и революционных стихов зулусского поэта Герберта Зломо и зверски убитого конголезского борца за свободу Патриса Лумумбы.

Большая часть произведений африканской литературы написана на европейских языках, ведь их авторы были вынуждены обращаться к европейским издателям.

БОЕВОЕ ИСКУССТВО

Подъем африканской литературы начался в период между двумя мировыми войнами с роста национального самосознания, часто выражавшегося в принимавшей романтическую форму тоске по доброму старому времени.

В одном из романов Питера Абрахамса, писателя из Южной Африки, мы читаем такие слова: «Духи наших предков витают над холмами. Они смотрят сверху на нас и говорят с нами — слушайте, что они говорят. Они рассказывают о прошлом, о тех временах, о которых не помнят наши отцы».

Слышал ли ты о Бенине, об Ахмеде Баба? Слышал ли ты, брат, о наших древних царствах и цивилизациях? Духи рассказывают о них. Когда-то, давным-давно, мы позабыли о них».

Устами Губузу, полководца матабеле, Абрахамс говорит:

«О вы, белые люди с моря. Охотно сел бы я у ваших ног, чтобы изучать вашу мудрость, но вы пришли к нам во имя войны. Вы говорите старым языком крови и гнева, старым языком войны. О, где осталась она, сладкая надежда! Белые приносят новые нравы и новое оружие, они не приносят новой мудрости!..

Белые утверждают, что дьявол черен. Но если мы, черные, когда-нибудь примем бога, то он должен быть черным. И если мы изображаем дьявола, то мы изображаем его белым, ибо белые — вот кто дьяволы... Не только наш народ живет в темноте, во власти чар ложных лекарей и ложных пророков, не только наш народ опьянел от призывов и от крови, не только наш народ приводит себя в исступление тамтамом. Все народы земли делают то же самое. Повсюду мрак. Повсюду есть ложные лекари и ложные пророки. А применяют ли они для обмана народа тамтам или другие средства — это не имеет значения».

Становление национальной литературы совпало с началом организованной борьбы за освобождение Африки. С тех пор африканские писатели и поэты все решительнее участвуют в патриотической борьбе народов своих стран, деля с ними горести и торжество побед.

Писатели Африки давно примкнули к международному движению за мир и демократию. Они обращаются к широким массам своего народа и ищут путей к действию. Для них не существует башни из слоновой кости, у них нет времени для бесплодных спекуляций. Горько и резко звучат слова зулуса Герберта Эломо в стихотворении, обращенном к пострадавшим, угнетенным рабочим Южной Африки:

Вы, рабочие,
Оставайтесь тверды как металл.
Держитесь как один,
Вопреки произволу
Хвастливой силы.
Вставайте и держитесь,
Поднимайтесь на борьбу
За справедливость!
Достоинство свободы —
Вот что должно быть нашей ношей,
Только глупцы
Позволяют себя разобщить.

В одном из произведений Питера Абрахамса передан разговор между женщиной из рабочего поселка и африканцем, который пришел из деревни.

«— Ты принадлежишь к моему народу.

Она поставила перед ним тарелку, другую придвинула к себе и села напротив.

— Нет, твой народ, кажется, с юга.

— Ты не понимаешь, слушай. Ты пришел с севера, а я с юга, но наш народ один и тот же, разве не так?

Ксума недоверчиво покачал головой...»

Так новая африканская литература учит людей чувствовать себя не только зулусами, сото, коса, венда или шанган, но и африканцами. Она активно поддерживает деятельность Африканского национального конгресса *.

ВОЗРОЖДЕНИЕ АФРИКИ

«Мы хотим, чтобы наша культура заняла в современном мире подобающее ей место, мы хотим жить в братском общении со всеми народами». Этими словами профессор Прайс Марс, ректор негритянского университета на Гаити, заключил в октябре 1956 г. первый конгресс представителей интеллигенции Африки и «черной Америки» в Париже.

В центре работы конгресса стояла проблема, постоянно поднимаемая в работах: какие из африканских традиций следует поддерживать или оживлять?

— Должны ли мы отказаться от африканской культуры, как от ненужной и устаревшей, или ее следует считать ценным наследием и оградить от европейских влияний? — спросил один из участников конгресса.

Ему ответил поэт Эме Сезэр (Мартиника):

— Все не так просто, и подобной альтернативы не существует... В нашей культуре бесспорно новое будет сочетаться со старым, и не наше дело пытаться заранее определить пути развития африканской культуры в будущем, предсказывать, какие ее элементы следует исключить. Наша задача гораздо скромнее. Мы должны устранить помехи, мешающие развитию творческого гения наших народов. Мы собрались здесь, чтобы сказать: дайте черным народам возможность выйти на арену истории!

Я верю, что культура, которая создала великолепные скульптуры, которая дала миру такие социальные учреждения, как деревенская демократия, общинная собственность, исключаящая капитализм, и ряд других институтов,

* Массовая политическая организация африканского населения ЮАР. С 1960 г. находится под запретом.

построенных на принципе солидарности, а также философию, покоящуюся на уважении к жизни... я верю, что подобная цивилизация при всей ее недостаточности не представляет препятствия для возрождения африканских народов.

Как все народы мира, освободившиеся от колониального ига, африканцы находятся ныне на пути к возрождению. Уже недалек день, когда нельзя будет представить себе международный конгресс, на котором представителям Африки не принадлежало бы веское слово. Недалек день, когда через леса и пустыни Африки пролягут железные дороги, бетонные шоссе и линии электропередач. Они принесут «Черному континенту» свет, на который он имеет такое же право, как любая другая часть нашей земли.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
От авторов	5
Рекют новые флаги	7
Старые и новые речи	9
Что говорят сами африканцы	12
Культурный вакуум?	15
Был ли Адам африканцем?	17
Даже Гумбольдт не верил...	17
Окаменевший мозг	18
Находка в ущелье Олдовай	20
От каменного топора к плавильной печи	23
Древнее Сахары	23
Одинаковые каменные рубила	24
Перешейки между Африкой и Европой?	25
Металлурги в лесной чаще	25
Глиняные сосуды племени укамба	27
Овцы и монахи	29
Континент контрастов	32
Древние расовые мифы	32
Соборы и глиняные хижины	34
В поисках бушменов	35
Художники Калахари	36
Зеркало древнейших времен	38
Наскальные рисунки Тассили	41
Открытия в Сахаре	41
Там, где когда-то шумели леса	42
Открытие лейтенанта Бренана	43
Мечты в пустыне	46
Шедевры каменного века	48
Находки в зольниках	51
Искусство пришло из пустыни	53
Со всем своим добром	54
Пирамиды и иероглифы	56
Розеттский камень	56
Прилежные жрецы	58
Греки учились у египтян	59

Храмовые химики	60
О чем говорят свитки	61
Писец и библия	63
Загадка Мероэ	65
Камень остался лежать	65
Погребены в песке	66
Ключ к разгадке — в Судане?	68
Большая удача	70
Откуда появился горн?	72
Африканский Бирмингем	72
Рабы, золото и слоновая кость	73
В поисках золотых цепей	74
Мир Магриба	76
Названия сохранились	76
Средиземноморский флот берберов	77
Несгибаемый Югурта	79
Победное шествие сарацинов	81
В тени Джама Сиди Окбы	82
Европейцы учились в Магрибе	83
Рыцари из Каню	84
Корсары — властители морей	85
Всадники из Сахары	89
Люди под вуалями	89
Лоцманы песчаного моря	90
Ахал зовет...	92
Могила в Ахаггаре	94
Сведения, дошедшие от арабов	96
Нагромождения камней на караванном пути	97
Туареги борются	99
Гапа — тысячелетнее государство	102
«Только вперед — назад ни за что!»	102
Забитый город	104
Каждому — свое	104
Лошади Кайямаги	105
Источники благоденствия	105
Войны Аллаха	106
Его звали Канку Муса	108
Львы Мали	108
Золотой дождь в Каире	109
Что не нравилось Ибн Баттуте	110
Африканский путешественник	111
Африканский правитель ищет заокеанские земли	112
В государстве аскиев	115
Чужеземный очевидец	115
Сонни Али, черный полководец	116
Стойкие жители Дженне	117
Правитель плачет	118
Люди набожные ненавидели Сонни Али	119
Лев Африканский	120
Ислам ждал решения от Томбукту	121
Пристанище мудрых	122
Впереди барабанщики	124
Рис в кожаных мешках	125
Бенинская бронза	126

Первая встреча с ушедшей эпохой	126
«Грубые и мерзкие»	131
Алтарь в кузнице	133
Золотой стул ашанти	136
Остался фольклор	136
Пустая шкатулка	138
«Могила белого человека»	139
Ориновые перья и датские ружья	140
Англичане боялись воинов ашанти	141
Маниконго и безбожные христиане	142
Подарки для маниконго	142
До прихода белых	144
Всемогущее христианство	145
Наручники для конголезских христиан	146
Воскрешение в Новом Свете	148
Копье и оспа	148
Расплата за «первородный грех»	149
Самба — африканский танец	152
Империя Нгусэ Нэгэсти (царя царей)	154
Там, где Иисуса считали темнокожим	154
Потомки царицы Савской	154
Что стало с Аксумом?	156
Новый алфавит	158
В поисках царства пресвитера Иоанна	160
Из-за моря явился враг..	162
Древняя страна золота	164
С пушками на борту	164
Вести о золоте	166
«Хроники Кильвы» под замком	167
Египтяне плывут в страну Пунт	169
Сабеи были осведомлены лучше	170
Откуда получал сокровища царь Соломон?	172
Загадочный Офир	173
Народ солища	174
В резиденции мономотапы	175
Прошлое оживает	178
Каменный Зимбабве	178
Маух изумился	180
Развалины Иньянга	183
Тайна Мапунгубве...	185
Джонки плывут в Африку	186
Вторжение банту	189
Сердце Юга начинает биться	189
«Кафрские войны»	191
Галека и Рарабе	193
Договор с Гордоном	194
Призыв пророка Макана	195
Зулусы будят Южную Африку	196
В поисках родины	198
Растет новая сила	199
Чака идет новым путем	200
«Байете!» — боевой клич зулусов	202
Письмо из Кейптауна на калембасе	203
Придет умлунгу	206

Неприемлемый ультиматум	208
Истребительная кампания	209
«Кому принадлежит страна гереро?»	209
По ту сторону Калахари	210
«Они постоянно отступают»...	210
Марш смерти через пустыню Омахеке	213
Последние часы апартхейда	215
Барабаны не смолкают	218
Суахили или хауса?	218
Тамтам, телеграф джунглей	223
Ритм и фантазия	227
Джаз возвращается на родину	227
При свете лагерных костров	231
Маски	233
Магические украшения	234
О табу и родовых законах	240
Прегрешения и религия	240
Между джу-джу и атомом	243
Литература — это оружие	245
Черные трубадуры	245
Все поют таталеле	248
Мандинго и лютя	250
Час черного Орфея	254
Боевое искусство	256
Возрождение Африки	258

Гюнтер Линде и Эдмунд Бретшнейдер
ДО ПРИХОДА БЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА
Африка открывает свое прошлое

Утверждено к печати
Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР

*

Редактор *Р. М. Солодовник*
Художник *А. Г. Скородумов*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Э. Ш. Язловская*
Корректоры *В. М. Кочеткова* и *Н. Б. Осягина*

*

Сдано в набор 24/VI 1965 г.
Подписано к печати 11/X 1965 г.
Формат 84×108^{1/32}
Печ. л. 8,25. Усл. печ. л. 13,86
Уч. изд. л. 13,02. Тираж 12 000 экз.
Изд. № 1332. Заказ № 1142.

Индекс $\frac{1-6-3}{1130-65}$
Цена 78 коп.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

Цена 78 коп.